

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке
и инновациям Международного университета Кыргызской
Республики (Киргизия);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского
права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Б.А. Куркин, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права Юридического
института Тамбовского государственного технического
университета (г. Тамбов);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сьюань, кандидат филологических наук, доцент,
Генеральный секретарь Центра обмена и сотрудничества
при Комиссии по юридическим услугам для ШОС
(Шанхайского политико-юридического университета)
(Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
директор Российского федерального центра судебной экспертизы
при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
(г. Москва);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе,
заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой
деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ
(РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
и криминологии, ведущий научный сотрудник Центра научных
исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) **Е.В. Фоменко** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
А.С. Автономов, доктор юридических наук профессор (г. Москва);
В.С. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);
Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);
А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А.Ю. Мордовцев, доктор юридических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону);
Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);
А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2022

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной
правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

B.A. Kurkin, Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the Law Institute of Tambov State Technical University (Tambov);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Secretary General of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, Director of the Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Leading Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.S. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Mordovtsev, Doctor of Law, Professor (Rostov-on-Don);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Смирнов А. В.

К вопросу о необходимости принятия нового закона о службе в органах прокуратуры Российской Федерации 5

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Липчанская М. А., Привалов С. А.

Тенденции развития машинопроектируемого права и его применение в законотворческом процессе 13

Новопавловская Е. Е.

Реализация конституционного права на свободное распространение информации в контексте борьбы с фейками 19

Максимов А. А.

Административно-правовое противодействие уклонению от уплаты налогов хозяйствующими субъектами через злоупотребление оптимизацией налогообложения 27

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Щербакова Л. Г.

К вопросу о государственном регулировании внесудебных и досудебных способов разрешения экономических споров в гражданско-правовой и публичной сфере, возникающих при оптовой торговле сельскохозяйственным сырьем 34

Козлова М. В.

Наследники авторов как участники правоотношений по использованию произведений 40

Ермаков А. В.

Корпоративный договор как элемент правового регулирования микросреды предпринимательства 44

Слабоспицкий А. С., Слабоспицкая А. С.

Экономика замкнутого цикла (опыт французского законодателя) 51

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО,
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Бимбинов А. А.

Изнасилование по законодательству Турции (ст. 102 Уголовного кодекса): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации 57

Кулешов Ю. Н.

Использование специальных знаний при расследовании экономических преступлений в сфере строительства 63

Фоменко Е. В., Козлова Е. Б., Каменева З. В.

Требования к содержанию справки об отсутствии (наличии) судимости: ограничение прав граждан и негативное влияние на предпринимательскую среду 70

Лопатина Т. М., Русскевич Е. А.

Интеллектуальная собственность и цифровизация: уголовно-правовой взгляд 76

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Чукреев В. А.

Проблемы правового регламентирования киборгов (технологически усовершенствованных людей) 84

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Хохлова Е. В.

Об уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности персональных данных человека в странах бывшего СССР 90

Пономарев Д. А.

Последствия прекращения семейных отношений для совместной предпринимательской деятельности членов семьи 98

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Каменева З. В.

Рецензия на монографию Е. В. Фоменко «Уголовно-правовые средства противодействия подкупу» 105

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY.
THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Andrei V. Smirnov

On the Need to Adopt a New Law on Service in the Prosecutor’s Office of the Russian Federation.....5

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Maria A. Lipchanskaya, Sergei A. Privalov

Trends in the Development of Machine-Engineered Law and its Application in the Lawmaking Process 14

Elena E. Novopavlovskaya

Realization of the Constitutional Right to Free Dissemination of Information in the Context of the Fight Against Fake 19

Alexander A. Maksimov

Administrative and Legal Counteraction to Tax Evadiation by Business Entities Through the Abuse of Tax Optimization 28

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Lilia G. Shcherbakova

On the State Regulation of Extra-Judicial and Pre-Judicial Methods of Resolution of Economic Disputes in the Civil-Legal and Public Sphere Arising in Wholesale Trade in Agricultural Raw Materials 34

Maria V. Kozlova

Heirs of Authors as Participants in Legal Relationships for the Use of Works..... 40

Andrei V. Ermakov

Corporate Contract as an Element of Legal Regulation of Microenvironment of Entrepreneurship 45

Anatoly S. Slabospitsky, Anastasia S. Slabospitskaya

Economy of the Closed Cycle (Experience of the French Legislator) 51

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Arseniy A. Bimbinov

Rape Under Turkish Law (Article 102 of the Criminal Code): Criminal Law Characteristics and Qualification Issues 57

Yuri N. Kuleshov

Special Knowledge in the Investigation of Economic Crimes in the Construction Field 63

Elena V. Fomenko, Elena B. Kozlova, Zoryana V. Kameneva

Requirements for the Content of a Certificate of Absence (Presence) of a Criminal Record: Restriction of Citizens’ Rights and Negative Impact on the Business Environment 71

Tatyana M. Lopatina, Evgeny A. Russkevich

Intellectual Property and Digitalization: Criminal Legal View 76

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Vadim A. Chukreev

Problems of Legal Regulation of Cyborges (Technologically Advanced People) 84

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Elena V. Khokhlova

On Criminal Liability for Violation of the Inviolability of Human Personal Data in the Countries of the Former USSR..... 91

Dmitrii A. Ponomarev

Consequences of the Termination of Family Relations for the Joint Business Activities of Family Members 98

REVIEWS, PERSONALITIES

Zoryana V. Kameneva

Review of the Monograph by E. V. Fomenko “Criminal Legal Means of Counteracting Bribery” 105

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ НОВОГО ЗАКОНА О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-5-12>

Настоящая статья посвящена анализу действующего национального законодательства, регулирующего отдельные вопросы функционирования института государственной службы в органах прокуратуры. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы, в том числе сравнительно-правовой, системный и логический, анализа и синтеза. Новизна статьи заключается в попытке анализа различных научных позиций и действующих нормативных правовых актов, на основе которых раскрывается содержание административно-правового статуса госслужащих, делается попытка выделить актуальный перечень прав и обязанностей, принадлежащих работникам прокуратуры, в целях определения особенностей данного вида федеральной государственной службы. В качестве результатов проведенного исследования отмечается, что законодательству о службе в органах прокуратуры свойственны излишнее «проникновение» норм трудового права и наличие значительного количества норм, отсылающих к другим нормативным правовым актам, регулирующим вопросы статуса служащих иных видов госслужбы. Делается вывод, что подобная субсидиарность препятствует полному и комплексному представлению об особенностях данного вида службы, что отрицательно сказывается на реализации отдельных элементов статуса прокурорских работников и оказывает негативное влияние на эффективность их служебной деятельности. По указанным причинам резюмируется необходимость закрепления перечня прав и обязанностей таких служащих новым федеральным законом о прокурорской службе. Научная и практическая значимость статьи заключается в том, что сделанные в ней выводы могут быть использованы в научной, учебной и правотворческой деятельности.

СМИРНОВ

Андрей Васильевич

начальник отдела кадров
прокуратуры Вологодской области,
старший советник юстиции
(г. Вологда)

smirnov5146@ya.ru

**Государственная служба;
органы прокуратуры;
административно-правовой
статус государственных
служащих;
права и обязанности
работников прокуратуры;
закон о службе в органах
прокуратуры**

Andrei V. SMIRNOV

Head, Human Resources Department,
Vologda Region Prosecutor's Office,
Senior Justice Adviser (Vologda)

smirnov5146@ya.ru

ON THE NEED TO ADOPT A NEW LAW ON SERVICE IN THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Civil service; prosecutor's office
bodies;
administrative and legal status
of civil servants;
rights and obligations
of prosecutor's office employees;
law on service in the Prosecutor's
Office**

This article is devoted to the analysis of the current national legislation regulating certain issues of the functioning of the institute of public service in the prosecutor's office. The methodological basis of the research was made up of general scientific and special methods, including comparative legal, systematic and logical, analysis and synthesis. The novelty of the article consists in an attempt to analyze various scientific positions and existing regulatory legal acts, on the basis of which the content of the administrative and legal status of civil servants is revealed, an attempt is made to highlight the current list of rights and obligations belonging to employees of the prosecutor's office in order to determine the features of this type of federal public service. Results: it is noted that the legislation on service in the prosecutor's office is characterized by excessive "penetration" of labor law norms and the presence of a significant number of norms referring to other normative legal acts regulating the status

of employees of other types of civil service. It is concluded that such subsidiarity prevents a complete and comprehensive understanding of the features of this type of service, which negatively affects the implementation of certain elements of the status of prosecutor's employees and has a negative impact on the effectiveness of their official activities. For these reasons, the need to consolidate the list of rights and obligations of such employees by the new federal law on the prosecutor's service is summarized. The scientific and practical significance of the article lies in the fact that the conclusions made in it can be used in scientific, educational and law-making activities.

Государственная служба в органах прокуратуры имеет сложную организационную структуру, которая в свою очередь является неотъемлемым элементом системы более высокого уровня – государственной службы в целом [1, с. 395].

Важность именно системных представлений, системного подхода для науки, практики, управления отмечал еще выдающийся советский и российский ученый-обществовед и философ В. Г. Афанасьев [2, с. 16].

Опираясь на представления названного автора, следует сделать вывод, что государственная служба, как и любое другое системное образование, обладает интегративными свойствами и качествами [2, с. 23]. Такие системные признаки находят свое проявление в многочисленных внутриорганизационных связях между формирующими ее элементами. Собственно, наличие таких внутренних связей между составляющими систему государственной службы элементами позволяет обеспечить взаимодействие последних между собой и, как следствие, достичь более качественного уровня функционирования всего механизма государственного управления.

При таких условиях выделенные характеристики дают повод рассматривать государственную службу как сложную систему, призванную обеспечить эффективное функционирование всего государственного аппарата. Являясь организационной системой, государственная служба находит свое внешнее выражение в функциональной деятельности целого ряда субъектов: государственных органов, структурных подразделений данных органов и подведомственных им организаций, самих государственных служащих, наделенных в силу закона определенным объемом властных полномочий, направленных на своевременное достижение целей и эффективное решение задач, стоящих перед конкретным госорганом, а также качественное выполнение функций самого государства по управлению определенной сферой общественных отношений.

Среди элементов рассматриваемой многоаспектной системы ключевое место принадлежит институту административно-правового статуса (положения)

государственных служащих, который имеет определенные особенности, обуславливаемые видом государственной службы и ролью (местом) конкретного государственного органа, в котором проходит такая служба, в системе государственного аппарата.

Другие элементы системы государственной службы (порядок проведения аттестации, прохождения службы, привлечения к дисциплинарной ответственности, способ замещения должности и многое другое) призваны лишь конкретизировать, уточнять административно-правовой статус служащего, создают механизм, позволяющий в полной мере его (статус) реализовать.

Следует признать, что на сегодняшний день единый подход к содержанию и структуре правового статуса служащего отсутствует не только в теории административного права [3, с. 255; 4, с. 27; 5, с. 188–295; 6, с. 142, 144; 7, с. 124], но и в самом законодательстве о видах государственной службы, учитывая отсутствие исчерпывающего перечня его элементов в базовом законе (в данном случае имеется в виду ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»).

Ярким примером тому может служить отсутствие в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон, Закон о прокуратуре), в отличие от ряда других законов об иных видах государственной службы, положений, регулирующих вопросы таких элементов административно-правового статуса работников прокуратуры, как права и обязанности последних. Даже при условии наличия в Законе ст. 40.2, поименованной как «Ограничения, запреты и обязанности, связанные с работой в органах и учреждениях прокуратуры», суть ее содержания сводится исключительно к отсылке на иные нормы Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», определяющие перечень запретов и требований к служебному поведению гражданских служащих, а также процедуру представления ими сведений о своих доходах и расходах.

Также нельзя не обратить внимание на тот факт, что правовой режим элементов административно-

правового положения служащих органов прокуратуры получил свое нормативное закрепление в различных нормативных правовых актах, в том числе и актах подзаконного уровня (в нормах трудового и антикоррупционного законодательства, законодательства о государственной гражданской и военной службе), и представляет собой сложно структурированную систему правового регулирования. Такая ситуация не может не затруднять реализацию данных положений законодательства на практике.

В настоящей статье мы остановимся на характеристике исключительно таких элементов рассматриваемого института, как права и обязанности служащих, определение перечня, качественных характеристик и, как следствие, реализация которых, по нашему мнению, в настоящее время вызывают наибольшие сложности.

Принято считать, что именно права и обязанности государственных служащих занимают центральное место в системе элементов правового статуса, поскольку именно они определяют пределы должного (обязанности) и возможного (права) их поведения и непосредственно направлены на обеспечение эффективности реализации служащими государственных функций.

Данные элементы представляют неотделимый симбиоз, в состав которого одновременно входят также свободы, являющиеся в действительности составной частью прав служащих, поскольку наравне с последними выступают в качестве мер возможного их поведения, и полномочия, представляющие собой предоставленные государственному служащему в соответствии с замещаемой должностью права и возложенные на него юридические обязанности для совершения юридически значимого действия.

В науке административного права существуют различные виды классификации прав государственных служащих. Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет их деление на три следующие группы:

1) обеспечивающие осознание служащим своего правового положения, правовой защиты и своей «зоны ответственности»;

2) непосредственно способствующие выполнению функциональных обязанностей служащего;

3) обеспечивающие социальные гарантии, права и свободы служащего, содействующие усилению его должностной активности [8, с. 128–130; 9, с. 120–121].

В соответствии с общим правилом, декларируемым упомянутой выше ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», как и прочие элементы административно-правового статуса, права служащих должны получить нормативное закрепление исключительно федеральным законом о соответствующем виде госу-

дарственной службы. Только такой закон может определить перечень прав и установить общие принципы и основания их ограничения.

Несмотря на это, как нами уже отмечалось, Закон о прокуратуре подобных положений, определяющих один из базовых элементов статуса прокурорских служащих, не содержит. В условиях данного законодательного пробела определенный перечень таких прав, которые могут быть отнесены к первой и третьей из указанных групп, приведен в утвержденной приказом Генпрокурора от 25 марта 2011 г. № 81 типовой форме трудового договора с работниками прокуратуры (к примеру, права на: ознакомление с документами, которые определяют права, обязанности и функции по занимаемой должности; выплату денежного содержания; ознакомление с материалами личного дела и приобщение к нему объяснений).

Наряду с этим положения типовой формы оговаривают, что прокурорский работник пользуется иными правами, мерами правовой защиты и социальной поддержки, которые могут устанавливаться наряду с Законом о прокуратуре и Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ), а также другими нормативными правовыми актами, регулирующими трудовые правоотношения.

Учитывая данные критерии, к тем же группам прав работников прокуратуры следует отнести в том числе право на обжалование решения руководителя по вопросу, связанному с прохождением службы, вышестоящему руководителю и в суд (п. 4 ст. 40 Закона о прокуратуре); право обжаловать взыскание в письменной форме в установленном порядке (п. 7 ст. 41.10 Закона); право на ношение и хранение оружия и спецсредств (ст. 41.1 Закона); право на выход в отставку (п. 3 ст. 43 Закона).

Перечень прав второй категории образуют указанные в ст. 22, 27, 30, 33 Закона о прокуратуре полномочия, которыми при осуществлении надзорных и иных функций органов прокуратуры наделяются их работники, а также права на ношение форменного обмундирования (ст. 41.3 Закона) и на получение дополнительного профессионального образования (ст. 43.4 Закона).

Нужно, однако, заметить, что общие права работников, установленные ст. 21 ТК РФ, либо дублируются в положениях Закона о прокуратуре, либо, учитывая принципы построения и функционирования служебных отношений в системе органов прокуратуры, неприменимы к работникам данных органов или применимы к ним лишь условно (например, права на забастовку, участие в управлении организацией, ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений), что также вносит элемент разрозненности в правовое регулирование вопросов их статуса.

Сравнительный анализ законодательства о различных видах федеральной государственной службы (о службе в органах прокуратуры, органах внутренних дел, уголовно-исполнительной системе, органах принудительного исполнения, таможенных органах) позволяет выделить следующие права, которыми формально, исходя из прямого содержания Закона о прокуратуре, не наделены прокурорские работники (юридически не закреплены): 1) на создание условий, необходимых для профессионального развития и качественного выполнения служебных обязанностей; 2) на ознакомление с определяющими правовой статус документами, системой оценки эффективности выполнения служебных обязанностей и условиями карьерного роста; 3) на получение необходимых для выполнения служебных обязанностей сведений, а также внесение предложений о совершенствовании деятельности органов прокуратуры; 4) на продвижение по службе и увеличение денежного содержания с учетом результатов работы, стажа службы, уровня квалификации и профобразования; 5) на инициирование служебной проверки для опровержения порочащих его честь и достоинство сведений; 6) на создание и участие в свободное от службы время в деятельности не преследующих политических целей общественных объединений, при одновременном отсутствии ситуации конфликта интересов (фактическая принадлежность данного права работникам прокуратуры, однако, следует из положений п. 4 ст. 4 Закона о прокуратуре).

Примечательно, что большая часть перечисленных прав наряду с правами, упомянутыми в форме трудового договора, утвержденной приказом от 25 марта 2011 г. № 81, нашли свое отражение в ином аналогичным образом не имеющем нормативного характера приказе Генпрокурора – приказе от 30 января 2015 г. № 37 «Об утверждении Правил внутреннего трудового распорядка работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации».

В отличие от прав, выражающих возможность служащих совершать определенные действия в процессе прохождения государственной службы и реализуемых государством путем принятия соответствующих законодательных актов, включающих в себя, помимо прочего, вопросы установления ответственности третьих лиц за их (прав) нарушение, обязанности государственных служащих представляют собой исходящие со стороны государства требования к служащим, заключающиеся в необходимости совершать конкретные активные действия или же воздерживаться от них, несоблюдение (ненадлежащее соблюдение) которых влечет за собой установленную законом ответственность в данном случае для них самих.

Как отмечает Ю. Н. Стариков, категория «должностные обязанности» является центральным терми-

ном в служебном праве, именно в их исполнении заключается весь смысл государственной службы [10, с. 113].

Давая характеристику правам и обязанностям государственных служащих и также выделяя обязанности в качестве ключевого элемента административно-правового статуса государственного служащего, М. Б. Добробаба придает правам по должности роль исключительно создающих условия для их (обязанностей) надлежащего выполнения [11, с. 89].

Приведенные мнения авторитетных научных деятелей являются подтверждением того, что в теории административного права отстаивается позиция, что служебные права носят обеспечительный характер по отношению к должностным обязанностям.

Принятой теоретической позицией также является деление обязанностей госслужащих на общие (основные), возлагаемые на каждого служащего независимо от вида государственной службы и замещаемой должности, и специальные (должностные), определяющие полномочия по конкретной должности [12; 13].

Общие служебные обязанности в свою очередь делятся на две подгруппы: 1) направленные на обеспечение эффективности и добросовестности исполнения государственно-служебных функций; 2) реализуемые в процессе осуществления государственно-служебной деятельности [14, с. 219–220].

Следует заметить, что круг общих (основных) обязанностей устанавливается нормативными правовыми актами, регламентирующими особенности прохождения отдельных видов государственной службы; специальные же (должностные) обязанности закрепляются в нормативных правовых актах законодательного (законах) и подзаконного уровней, отражающих особенности компетенции соответствующих государственных органов.

Как и права работников прокуратуры, их обязанности не имеют единого консолидированного источника.

Перечень общих обязанностей, распространяющихся на служащих органов прокуратуры, как и перечень прав, нашел свое отражение исключительно в упомянутых выше приказах Генпрокурора, не выпадающих к тому же по своему внутреннему содержанию – в части перечня этих обязанностей.

Согласно утвержденной первым из указанных приказов форме трудового договора прокурорский работник обязан добросовестно исполнять свои служебные обязанности, соблюдать присягу, не совершать проступков, порочащих его честь, соблюдать установленные ограничения и запреты, соблюдать требования Кодекса этики, проходить аттестацию для подтверждения соответствия занимаемой должности, повышать квалификацию и др.

Правила внутреннего трудового распорядка наряду с этим обязывают работников прокуратуры, к примеру, поддерживать уровень квалификации, проходить в установленных законодательством случаях медосмотр (освидетельствование), хранить государственную и иную охраняемую законом тайну, сообщать о выходе из гражданства РФ или о приобретении гражданства иного государства.

Особое место принадлежит антикоррупционным обязанностям служащих: соблюдать ограничения, запреты и обязанности, установленные законодательством о противодействии коррупции, уведомлять о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений, принимать меры по недопущению конфликта интересов, сообщать о получении подарка в связи с занимаемым должностным положением или исполнением служебных обязанностей.

Помимо самого перечня обязанностей расходятся указанные приказы и в формулировке возможности установления иных обязанностей прокурорских работников другими правовыми актами. Правила внутреннего трудового распорядка к таким актам помимо Закона о прокуратуре и трудового законодательства относят также организационно-распорядительные документы Генпрокуратуры и даже трудовой договор.

Детальный анализ Закона о прокуратуре позволяет сделать вывод, что его положения содержат исключительно специальные обязанности прокурорских работников (к примеру, обязанности по принятию мер по привлечению к ответственности лиц, совершивших правонарушения (п. 4 ст. 10 Закона), освобождению из учреждений, исполняющих наказания и меры принудительного характера, каждого содержащегося в них без законных оснований (п. 2 ст. 33 Закона) и др.). Немало подобного рода служебных обязанностей содержат многочисленные приказы Генпрокурора, конкретизирующие реализацию тех или иных функций, возлагаемых законодательством на органы прокуратуры (например, в части вопросов рассмотрения обращений граждан [15] или исполнения иных юрисдикционных полномочий [16]).

В полной мере к работникам прокуратуры могут быть применены и нормы ч. 2 ст. 22 (основные обязанности работника), ч. 2 ст. 61 (обязанность приступить к трудовым обязанностям с определенного в трудовом договоре дня), ст. 185.1 (предоставлять работодателю справки медицинских организаций, подтверждающие прохождение диспансеризации в день (дни) освобождения от работы), 238 (возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб), 248 (возместить работодателю затраты, понесенные на обучение, в случае увольнения до истечения установленного трудовым договором или соглашением об обучении срока) ТК РФ.

Однако такие обязанности не могут быть отнесены ни к общим, ни к специальным обязанностям служащих органов прокуратуры. Они являются общетрудовыми и распространяются на всех работников и служащих независимо от их принадлежности к тому или иному виду трудовых и служебных отношений. Именно по этой причине многие из них нашли свое отражение в соответствующих положениях федеральных законов либо других нормативных правовых актов, регулирующих вопросы служебной деятельности в соответствующих органах.

Отдельное место в системе обязанностей работников прокуратуры занимают нормы Кодекса этики, несоблюдение которых может повлечь применение ряда мер воздействия и даже привлечение работников к дисциплинарной ответственности. Основу предусмотренных им обязанностей составляют так называемые специальные обязанности служащих, устанавливающие требования к их поведению при исполнении своих служебных функций (к примеру, обязанности по соблюдению делового стиля одежды и разумности в использовании украшений, проявлению нравственных чувств в коллективе, воздержанию от публичных высказываний, суждений и оценок), часть которых заимствована из положений Общих принципов служебного поведения, утвержденных указом Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885, и перечня требований к служебному поведению гражданского служащего, закрепленного в ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Особенностью Кодекса, выделяющей его среди иных аналогичных актов, принятых другими государственными органами, является закрепление его нормами требований к поведению (обязанностей) работников органов прокуратуры за рамками их служебной деятельности (например, о соблюдении правил общежития, уважении национальных и религиозных обычаев, культурных традиций; тактичности, выдержке и эмоциональной устойчивости; принятии мер для пресечения противоправных действий и привлечения виновных лиц к ответственности в случае, когда явился очевидцем факта явного нарушения закона), которые образуют отдельную группу обязанностей служащих – «внеслужебные», характеризующих исключительно нравственную их сущность.

В целом, давая оценку трем приведенным выше приказам Генпрокурора, устанавливающим обязанности, налагаемые на работников прокуратуры, отмечая имеющееся различие в их функциональном предназначении, следует резюмировать, с одной стороны, отсутствие в них единства перечня данных обязанностей, с другой – явно излишнее дублирование отдельных норм (к примеру, в части отражения в Кодексе

этики, изданном в целях регулирования моральных аспектов служебной и внеслужебной деятельности, ряда антикоррупционных обязанностей).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что сложившаяся правотворческая практика урегулирования ключевых элементов правового положения прокурорских служащих подзаконными актами и ведомственными ненормативными актами в условиях отсутствия в Законе о прокуратуре соответствующих бланкетных и отсылочных норм противоречит концептуальным положениям ст. 10 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и п. 1 ст. 40 самого Закона о прокуратуре, в соответствии с которыми такие элементы статуса должны иметь свое правовое закрепление исключительно в нормах федерального закона о данном виде государственной службы.

Такая подмена норм законодательного уровня делает сомнительной возможность принятия положений, установленных подобными правовыми актами, в качестве гарантированных государством элементов административно-правового статуса работников прокуратуры [17, с. 104].

Приведенные аргументы указывают на дефектность Закона о прокуратуре, являющегося на сегодняшний день единственным источником законодательного уровня, регулирующим вопросы служебных правоотношений в рассматриваемом государственном органе.

Недостатком законодательства о служебных отношениях в органах прокуратуры является также наличие в Законе о прокуратуре норм, исключительно отсылающих к другим нормативным правовым актам, устанавливающим отдельные элементы административно-правового статуса служащих иных видов государственной службы, актам, регулирующим, к примеру, общественные отношения в сфере антикоррупционного законодательства, а также регламентация широкого круга вопросов данной сферы подзаконными нормативными правовыми актами.

Наряду с этим нормативное правовое регулирование служебных отношений в органах прокуратуры нуждается в принципиально новом подходе, исклю-

чающем излишнее «проникновение» в него норм трудового права и устанавливающим приоритет норм административно-правового характера, что в полной мере будет соответствовать критериям, разграничивающим публично-правовые отношения в системе госслужбы и частноправовые трудовые отношения [18, с. 19–21].

Подобная субсидиарность законодательства о службе в органах прокуратуры препятствует полному и комплексному представлению об особенностях данного вида службы, что отрицательно сказывается на реализации отдельных элементов статуса прокурорского работника и оказывает негативное влияние на эффективность самой служебной деятельности.

При таких обстоятельствах, по нашему мнению, следует согласиться с позицией О. С. Капинус, В. П. Рябцева и ряда других научных деятелей о целесообразности минимизации количества бланкетных норм при законодательном регулировании вопросов правового статуса работника прокуратуры и небезосновательности суждений о потребности в принятии специального закона о прокурорской службе [19, с. 16; 20, с. 9].

Подтверждением данной позиции выступают уже имеющиеся и успешно реализующиеся на практике законы, устанавливающие особенности статуса представителей судебного сообщества, военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и органов принудительного исполнения РФ, и др.

Необходимо признать, что одной из причин отмечаемой негативной практики нормативного регулирования является отсутствие научно обоснованной, отвечающей современным тенденциям государственно-правового строительства, единой модели развития института государственной службы и его отраслевых разновидностей [21]. Очевидно, что государственная служба в органах прокуратуры не является исключением и правовое регулирование рассматриваемого в настоящей статье вида службы отстает от реальных потребностей развития государственно-общественных институтов, что негативным образом сказывается на возможности самих органов прокуратуры в полной мере оказывать качественное влияние на состояние законности и правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. *Смирнов А. В.* Понятие и административно-правовая природа государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2020. № 14 (3).
2. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М. : Политиздат, 1980.
3. *Россинский Б. В., Стариков Ю. Н.* Административное право : учебник. 6-е изд., пересмотр. и доп. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2019.
4. *Козбаненко В. А.* Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих : теоретико-административные аспекты : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.

5. *Ноздрачев А. Ф.* Государственная служба : учебник для подготовки государственных служащих. М. : Статут, 1999.
6. Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. 2-е изд., перераб и доп. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2019.
7. *Россинский Б. В.* Административное право и административная ответственность : курс лекций. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2020.
8. *Старилов Ю. Н.* Государственная служба и служебное право : учебное пособие. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2018.
9. Административное право России. Общая часть : учебник / под ред. С. А. Старостина. М. : ИНФРА-М, 2010.
10. *Старилов Ю. Н.* Служебное право России : уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юридического образования. 2013. № 3 (26).
11. *Добробаба М. Б.* Административно-правовой статус государственных служащих субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
12. *Гришковец А. А.* Правовое регулирование государственной службы // Журнал российского права. 1998. № 7.
13. *Комахин Б. Н.* Социально значимые основы деятельности государственных служащих в условиях развития единства и специфики государственной службы // Административное право и процесс. 2019. № 6.
14. *Нагорных Р. В.* Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016.
15. *Пешин Н. Л.* Административно-правовые проблемы рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2020. № 5.
16. *Агапов А. Б.* Юрисдикционные полномочия публичных органов и организаций // Административное право и процесс. 2017. № 9.
17. *Смирнов А. В.* Государственная служба в органах прокуратуры в системе государственной службы в правоохранительной сфере // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53).
18. *Демин А. А.* Государственная служба. М. : ООО «Книгодел», 2010.
19. *Капинус О. С., Рябцев В. П.* Правовое регулирование государственной службы в прокуратуре Российской Федерации : тенденции и перспективы развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 5.
20. *Шобухин В. Ю.* Некоторые проблемы правового регулирования службы в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации // Российское право : образование, практика, наука. 2017. № 2.
21. *Нагорных Р. В.* Государственная служба Российской Федерации в правоохранительной сфере : проблемы теории и практики административно-правового регулирования. М. : ИНФРА-М, 2019.

References

1. *Smirnov A. V.* The Concept and Administrative and Legal Nature of Public Service in the Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Penitentiary Science*. 2020. No. 14 (3).
2. *Afanasiev V. G.* System and Society. Moscow: Politizdat, 1980.
3. *Rossinskii B. V., Starilov Iu. N.* Administrative Law: Textbook. 6th ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2019.
4. *Kozbanenko V. A.* Legal Support of the Status of Civil Servants: Theoretical and Administrative Aspects: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2003.
5. *Nozdrachev A. F.* Civil Service: Textbook for the Training of Civil Servants. Moscow: Statut, 1999.
6. *Popov L. L., Studenikina M. S. (eds.)*. Administrative Law: Textbook. 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2019.
7. *Rossinskii B. V.* Administrative Law and Administrative Responsibility: Course of Lectures. Moscow: Norma; Infra-M, 2020.
8. *Starilov Iu. N.* Public Service and Service Law: Textbook. Moscow: Norma; Infra-M, 2018.
9. *Starostin S. A. (ed.)*. Administrative Law of Russia. General Part: Textbook. Moscow: Infra-M, 2010.
10. *Starilov Iu. N.* Service Law in Russia: Already a Reality or Still a Scientific Hypothesis? *Legal Science and Legal Education Reform*. 2013. No. 3 (26).
11. *Dobrobaba M. B.* Administrative and Legal Status of Civil Servants of the Constituent Entities of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Rostov-on-Don, 2006.
12. *Grishkovets A. A.* Legal Regulation of Public Service. *Journal of Russian Law*. 1998. No. 7.
13. *Komakhin B. N.* Socially Significant Foundations of the Activities of Civil Servants in the Context of the Development of Unity and the Specifics of Public Service. *Administrative Law and Procedure*. 2019. No. 6.

14. *Nagornykh R. V.* Administrative and Legal Regulation of the Public Service of the Russian Federation in the Law Enforcement Sphere: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2016.
15. *Peshin N. L.* Administrative and Legal Problems of Consideration of Appeals and Reception of Citizens in the Bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law.* 2020. No. 5.
16. *Агапов А. В.* Jurisdictional Powers of Public Bodies and Organizations. *Administrative Law and Procedure.* 2017. No. 9.
17. *Smirnov A. V.* Public Service in the Prosecutor's Office in the System of Public Service in the Law Enforcement Sphere. *Penitentiary Science.* 2021. Vol. 15. No. 1 (53).
18. *Demin A. A.* Public Service. Moscow: LLC "Knigodel", 2010.
19. *Kapinus O. S., Riabtsev V. P.* Legal Regulation of Public Service in the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Trends and Development Prospects. *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.* 2010. No. 5.
20. *Shobukhin V. Iu.* Some Problems of Legal Regulation of Service in the Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Russian Law: Education, Practice, Science.* 2017. No. 2.
21. *Nagornykh R. V.* Public Service of the Russian Federation in the Law Enforcement Sphere: Problems of the Theory and Practice of Administrative and Legal Regulation. Moscow: Infra-M, 2019.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАШИНОПРОЕКТИРУЕМОГО ПРАВА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-13-18>

Развитие информационных технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, неукоснительно влечет степень их вовлеченности во все сферы человеческой деятельности, в том числе в сферу юриспруденции. Одним из векторов развития информационных технологий в области права является направление машиночитаемого права – право машинопроектируемое, характеризуемое, с одной стороны, колоссальным потенциалом, а с другой – существенным списком трудностей в разработке и применении соответствующей технологии. В связи с этим исследование различных правовых аспектов применения машинопроектируемого права обладает актуальностью, теоретической и практической значимостью. Предметом статьи является анализ доктринальных положений, а также Концепции развития технологий машиночитаемого права относительно разработки и применения технологий машинопроектируемого права, его потенциала в сфере правотворческой деятельности. Цель работы – на основе анализа доктринальных и правовых положений о машинопроектируемом праве выявить основные тенденции и проблемы развития данной технологии и его правового регулирования. Методологическую основу исследования составили диалектико-материалистический метод, а также важнейшие общеметодологические принципы и методы познания социальной действительности. В работе проводится анализ проблем определения и применения ответственности при использовании технологий искусственного интеллекта. Основные результаты исследования направлены на установление тенденций и проблем практического применения концепции машинопроектируемого права в рамках правотворческого процесса в целях выработки позиции касательно правового регулирования соответствующих технологий. В статье раскрываются основные проблемы, связанные с разработкой и применением технологий машинопроектируемого права. Отмечается, что на современном этапе технологического прогресса соответствующие технологии носят гипотетический характер. Однако утверждается, что широкий потенциал применения машинопроектируемого права в сфере правотворчества является основой для признания данной концепции перспективной.

ЛИПЧАНСКАЯ Мария Александровна

доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
публичного права и правового
обеспечения Государственного
университета управления
(г. Москва)

lipchan_maria@mail.ru

ПРИВАЛОВ Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
конституционного права им.
профессора И. Е. Фарбера
Саратовской государственной
юридической академии
(г. Саратов)

privalow18@gmail.com

**Машиночитаемое право;
машинопроектируемое право;
искусственный интеллект;
законотворческий процесс;
правотворчество;
цифровизация**

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-011-00765 «Конституционно-правовой механизм реализации социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования, пределы и ответственность».

Maria A. LIPCHANSKAYA

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Public Law
and Legal Support, State University
of Management
(Moscow)

lipchan_maria@mail.ru

Sergei A. PRIVALOV

Candidate of Legal Sciences, Lecturer,
Department of Constitutional Law
named after Professor I. E. Farber,
Saratov State Law Academy
(Saratov)

privalow18@gmail.com

**Machine-readable law;
machine-designable law;
artificial intelligence;
law-making process;
law-making;
digitalization**

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MACHINE-ENGINEERED LAW AND ITS APPLICATION IN THE LAWMAKING PROCESS

The development of information technologies, including artificial intelligence technologies, invariably entails a degree of their involvement in all spheres of human activity, including in the field of jurisprudence. One of the vectors of development of information technologies in the field of law is the direction of machine-readable law – machine-designed law, characterized, on the one hand, by enormous potential, and on the other hand – by a significant list of difficulties in the development and application of appropriate technology. In this regard, the study of various legal aspects of the application of machine-readable law has relevance, theoretical and practical significance. The subject of the article is the analysis of doctrinal provisions, as well as the Concept of development of machine-readable law technologies, concerning the development and application of machine-readable law technologies, its potential in the sphere of law-making activity. The purpose of the work is to identify the main trends and problems of development of this technology and its legal regulation on the basis of the analysis of doctrinal and legal provisions of the machine design law. The methodological basis of the study was the dialectical-materialistic method, as well as the most important general methodological principles and methods of knowledge of social reality. The paper analyzes the problems of defining and applying responsibility when using artificial intelligence technology. The main results of the study are aimed at establishing trends and problems of practical application of the concept of machine-engineered law in the law-making process in order to develop a position on the legal regulation of relevant technologies. The article reveals the main problems associated with the development and application of machine-engineered law technologies. It is noted that at the present stage of technological progress relevant technologies are of hypothetical nature. However, it is argued that the broad potential of the application of machine-designed law in the sphere of lawmaking is the basis for the recognition of this concept promising.

Современный этап развития общества небезосновательно принято характеризовать как информационный. Неотъемлемой чертой данного этапа является тотальное и глубокое проникновение информационных и цифровых технологий во все сферы общественной жизни, начиная от облегчения бытовых моментов и заканчивая оптимизацией и совершенствованием функционирования государственного аппарата. Одним из направлений развития и совершенствования работы государственного механизма с использованием информационных и цифровых технологий является концепт машиночитаемого права. Долгое время машиночитаемое право в России существовало исключительно как теоретическая концепция. Однако в 2021 г. ситуация изменился в связи с утверждением Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предприниматель-

ской деятельности Концепции развития технологий машиночитаемого права [1] (далее – Концепция).

Весьма интересным и в определенной степени футуристическим представляется направление машиночитаемого права – машинопроектируемое право [2, с. 251]. Как следует из названия, цель машинопроектируемого права сводится к нормотворческой деятельности с использованием компьютерных систем и технологий искусственного интеллекта. Особенную значимость приобретает машинопроектируемое право в современных условиях, когда, как верно отмечают Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор, юристы обращаются не к официальным источникам опубликования нормативных правовых актов, а к их «виртуальным дублерам» – электронным базам и информационно-справочным системам [3, с. 99].

Программы позволяют человеку полуавтоматически выявлять противоречия, оборванные логи-

ческие цепочки и другие логические несоответствия (ошибки), оценивать возможный коррупционный эффект, наглядно показывать связи с другими нормами [4]. Проектирование законов подобным способом имеет ряд положительных моментов.

Во-первых, машинопроектируемое право сразу после создания потенциально будет возможно автоматически переводить в машиночитаемый формат. Иными словами, в отличие от современного права, разработанного и применяемого традиционным образом и, следовательно, требующего проведения существенных манипуляций для перевода его в машиночитаемый вид, машинопроектируемое право будет технически проще сделать «понятным и применимым» для его «чтения и реализации» компьютерными системами.

Во-вторых, правовые нормы, создаваемые посредством машинопроектируемого права, можно будет создавать сразу на нескольких языках (человеческих языках), что может быть полезным при разработке нормативно-правовых актов для международных организаций (например, ЕАЭС или СНГ), а также для такого многонационального государства, как Российская Федерация [см.: 5, с. 75; 6, с. 64].

Кроме непосредственного машинопроектируемого права можно также выделить применение компьютерных технологий с использованием машиночитаемого права в целях оптимизации законодательства, его анализа, проведения сравнения норм разных правовых актов. Так, И. В. Понкин выделяет следующее направление применения машиночитаемого права – создание юридико-технических и компьютерно-программно-логистических условий (возможностей) сопряжения (стыковки) цифровой онтологии права с когнитивными и операциональными возможностями компьютерно-программных комплексов (в том числе с использованием искусственного интеллекта) воспринимать (распознавать), анализировать, сопоставлять, моделировать, оценивать нормы права и нормы технического регулирования, сложные комплексы и массивы таких норм в целях оперирования ими (например, упрощение и оптимизация законодательства) [см.: 5, с. 75; 6, с. 64]. Использование машиночитаемого права в указанном направлении может быть использовано для «вычистки» устаревших норм, правовых коллизий, коррупциогенных факторов, в более широком масштабе – для автоматического либо полуавтоматического применения «регуляторной гильотины».

С другой стороны, данный формат использования машиночитаемого права может быть направлен на выявление малоэффективных или вовсе неэффективных правовых норм и разработку вариантов по устранению данной проблемы.

Важным стратегическим направлением развития правотворческой деятельности является ее обосно-

ванное прогнозирование, которое в настоящее время осуществляется фрагментарно по объективным причинам.

Стратегическое планирование, представляющее собой утверждение порядка мероприятий по установлению последовательности и сроков подготовки, рассмотрения и принятия законопроектов [7, с. 6], происходит в коммуникативно-информационном пространстве, где специалист сталкивается с огромным информационным массивом. Как правило, такой объем информации не может быть охвачен человеческим сознанием, что приводит к недоучету всех параметров и неточности оценок. Основа развития в данной области – широкое использование так называемых экспертных систем. Работа экспертных систем любого вида основана на применении банков знаний, где данные должны храниться в строго определенном, формализованном виде, т.е. для успешного использования нормативные правовые акты (их внешняя форма) должны быть унифицированы. Между тем анализ параметров имеющегося законодательного массива показывает, что структура имеющихся актов сильно различается, что потенциально создает риски и неудобства перевода «традиционных» норм права в машиночитаемый формат.

Чтобы не быть голословными, приведем пример структуры информационного ресурса правовой информации, оптимальной с точки зрения дальнейшей автоматизированной обработки. Возьмем в качестве исходного материала текст любого нормативного правового акта. Сейчас во внутренней структуре нормативно-правовых актов существует разница в оформлении: абзацы могут быть без номеров или пронумерованы, причем нумерация встречается различная (пункты и подпункты, части и пункты и т.д.), в то время как для автоматизации важно, чтобы каждый абзац имел свой номер, причем этот номер должен найти свое отражение в уникальном номере документа в базе данных, файле или любой другой единице цифровой информации. Помимо этого текст должен быть поделен на сегменты (минимальный объем законченной смысловой информации), каждый из которых должен быть проиндексирован и храниться в отдельном файле или записи базы данных, т.е. в любом случае имеет свое уникальное имя или номер. Если в тексте документа есть отсылка, ее необходимо оформить как «гиперссылку» или прочим образом связать с документом, куда происходит отсылка.

Особо подчеркнем, что структура нормативного правового акта должна закладываться сразу, еще на стадии законопроекта. Иными словами, законодателью еще при разработке проекта необходимо ориентировать структуру акта в том числе и на автоматическую обработку – это удобно и для всенародного обсуждения законопроекта (например, в сети Интер-

нет), и для его дальнейшего размещения в информационных системах.

Информационные системы ориентированы на быстрый автоматический поиск информации, для чего нормативный документ должен быть подготовлен. На практике накопление и поиск информации обычно базируется на некотором виде индексации (процесс добавления сведений о документе в базу данных, впоследствии использующуюся для полнотекстового поиска информации). В системе поиска документ представляется набором терминов, каждый из которых имеет значение (вес), зависящее от его важности в документе. Для этого обычно создается словарь специальных терминов (называется также «индексом» или «предметным указателем»), содержащий много специальных терминов.

Подобная структура нормативного правового акта вместе с его цифровым видом позволит организовать быстрый поиск как документов в целом, так и их логически отдельных частей, сравнение новых сегментов с уже существующими на предмет их соответствия и непротиворечивости (в чем нам могут помочь системы искусственного интеллекта).

Разработанная Концепция предлагает несколько направлений создания технологий машиночитаемого права в целом и машинопроектируемого права в частности:

- 1) автоматическое создание онтологий права из текстов нормативных актов с помощью искусственного интеллекта;
- 2) ручное проектирование онтологий права из текстов нормативных актов;
- 3) автоматизированное применение онтологии для подготовки решений, основанных на праве;
- 4) автоматизация права без предоставления пользователю возможности работы с онтологией;
- 5) технологии машиночитаемого права с использованием искусственного интеллекта [1].

Следует отметить, что обозначенное выше пятое направление по Концепции, в принципе, не предполагает работу с онтологией машиночитаемого права, что связано со значительно большими возможностями искусственного интеллекта по сравнению с «обычными» компьютерными системами. Особенности использования искусственного интеллекта в компьютерном анализе и применении права определяются концепцией понимания природы искусственного интеллекта. Так, в современной науке принято выделять «сильный искусственный интеллект» и «слабый искусственный интеллект» [см.: 8, с. 104; 9, с. 63; 10, с. 41]. Технологические способности «слабого» и «сильного» искусственного интеллекта разнятся, и, как следствие, разнятся их функциональные возможности в сфере автоматизации понимания и применения права. «Слабый искусственный интеллект»

способен выполнять строго определенные виды задач, которыми он и ограничен, в отличие от «сильного», который значительно более приближен к человеческому интеллекту. «Сильный искусственный интеллект» (называемый еще «общим искусственным интеллектом») представляет собой реальный или гипотетический тип названной технологии, который может достичь или превысить уровень человеческого интеллекта и применять свои способности решения задач к любым проблемам, подобно человеческому мозгу [11, с. 43].

Перспективы применения искусственного интеллекта для создания машиночитаемого и, главное, машинопроектируемого и гипотетически машиноисполняемого права прямо пропорциональны его ключевым характеристикам и, следовательно, различаются у «слабого» и «сильного» искусственного интеллекта. Безусловно, «сильный искусственный интеллект» представляет больший интерес в вопросе «автоматизации» права. Однако исследователи отмечают, что «сильный искусственный интеллект» будет разработан нескоро (по мнению экспертов, как минимум через 45 лет), если в принципе когда-нибудь будет разработан [см.: 8, с. 105; 12, с. 63–64].

В отличие от гипотетического «сильного искусственного интеллекта» определенные технологии, использующие «слабый искусственный интеллект», имеют место уже сегодня, в том числе технологии, применяемые для автоматизации работы с правовыми нормами. Технологии «слабого искусственного интеллекта» применяются при осуществлении юридической экспертизы документов. По данному направлению, в частности, были разработаны следующие платформы: LEVERTON, eBrevia, LawGeex, Legal Robot, Ross Intelligence, Kira Systems, COIN (JPMorgan), ThoughtRiver и др. [8, с. 106–107].

Тем не менее, несмотря на ощутимые достоинства применения искусственного интеллекта в области автоматизации правотворчества – экономия времени, отсутствие необходимости для человека переводить право в машиночитаемый формат, данное направление не лишено определенных изъянов. Во-первых, как указывает О. М. Родионова, аксиоматичны для юристов суждения выглядят скорее описательными декларативными утверждениями [13, с. 88], что усложняет их восприятие юнитом искусственного интеллекта. Данная проблема в первую очередь касается «слабого искусственного интеллекта». Проблема восприятия искусственным интеллектом базовых правил правового понимания безусловно будет оказывать негативное воздействие на гипотетически возможное осуществление им правотворчества. Вторая проблема вытекает из первой – недостаточное совершенство «слабого искусственного интеллекта» для правотворческой деятельности требует его кооперации с человеком.

Некоторые исследователи выделяют также в качестве определенной проблемы проблему, диаметрально противоположную указанной выше, – гипотетическое отстранение человека юнитом искусственного интеллекта [см.: 14, с. 6; 15, с. 9, 12]. Естественно, данная проблема относится лишь к юниту «сильного искусственного интеллекта». Тем не менее подобное развитие событий представляется чрезмерно футуристическим и возможно лишь при развитии и использовании систем «сильного искусственного интеллекта», существование которого носит гипотетический характер, как минимум в ближайшие полвека.

Похожей точки зрения относительно возможности применения «роботов» в творческой юридической деятельности придерживается Т. Я. Хабриева [16, с. 13].

Таким образом, следует отметить, что сегодня направление по развитию технологий машиночитаемого и машинопроектируемого права представляется в достаточной степени перспективным. Тем не менее возможности машиночитаемого права чрезмерно преувеличиваются и являются голословными [6, с. 61]. На данном этапе машиночитаемое право не лишено ряда дискуссионных моментов, относящихся как к терминологической, так и к содержательной стороне данного концепта. В своей совокупности наличие проблемных сторон теории и практики развития и применения технологий машиночитаемого права, с одной стороны, и их потенциальная перспективность – с другой, актуализируют проведение дальнейших научных дискуссий в данном направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Концепция развития технологий машиночитаемого права // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pravitelstve_utverdili_konceptsiyu_razvitiya_tehnologiy_mashinochitaemogo_prava.html (дата обращения: 19.01.2022).
2. Реализация конституционных социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта : проблемы правового регулирования, пределы и ответственность : монография / под общ. ред. М. А. Липчанской. М. : Проспект, 2022.
3. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253).
4. Разин Н., Отоцкий П. Закон на языке искусственного интеллекта // Эконс : сайт. URL: <https://econs.online/articles/opinions/zakon-na-yazyke-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 19.01.2022).
5. Понкин И. В., Лантева А. И. Право и цифра : Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве : учебник. М. : Буки Веди, 2021.
6. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права : актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 9.
7. Старовойтов А. В. Планирование законоподготовительной и законодательной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
8. Вашкевич А. М. Автоматизация права : право как электричество. М. : Симплоер, 2019.
9. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.
10. Васильев А. А., Шпоннер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве : доктринальный анализ // Юрлингвистика. 2018. № 7-8.
11. Морхат П. М. Искусственный интеллект : правовой взгляд : монография. М. : Буки Веди, 2017.
12. Морхат П. М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3.
13. Родионова О. М. Право и цифровые технологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131).
14. Пашенцев Д. А. Динамика правовой традиции в условиях четвертой промышленной революции // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5.
15. Грудцына Л. Ю. Цифровое будущее права : к вопросу об аддитивных технологиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7.
16. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261).

References

1. Concept for the development of machine-readable law technologies. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pravitelstve_utverdili_koncepciyu_razvitiya_tehnologiy_mashinochitaemogo_prava.html (date of the application: 19.01.2022).
2. *Lipchanskaia M. A. (ed.). Realization of Constitutional Social Rights and Freedoms with the Use of Artificial Intelligence: Problems of Legal Regulation, Limits and Responsibility: Monograph. Moscow: Prospekt, 2022.*
3. *Khabrieva T. Ia., Chernogor N. N. Law in the Conditions of Digital Reality. Journal of Russian Law. 2018. No. 1 (253).*
4. *Razin N., Ototskii P. Law in the Language of Artificial Intelligence. URL: https://econs.online/articles/opinions/zakon-na-yazyke-iskusstvennogo-intellekta/ (date of the application: 19.01.2022).*
5. *Ponkin I. V., Lapteva A. I. Law and Digit: Machine-Readable Law, Digital Twin Models, Digital Formalization and Digital Onto-Engineering in Law: Textbook. Moscow: Buki Vedi, 2021.*
6. *Ponkin I. V. The Concept of Machine-Readable and Machine-Executable Law: Relevance, Purpose, Place in RegTech, Content, Ontology and Prospects. International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8. No. 9.*
7. *Starovoitov A. V. Planning of Legislative and Legislative Activities: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2004.*
8. *Vashkevich A. M. Law Automation: Law as Electricity. Moscow: Simploer, 2019.*
9. *Morkhat P. M. Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Law Problems: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2018.*
10. *Vasiliev A. A., Shpopper D., Mataeva M. Kh. The Term "Artificial Intelligence" in Russian Law: Doctrinal Analysis. Iurlingvistika. 2018. No. 7-8.*
11. *Morkhat P. M. Artificial Intelligence: Legal View: Monograph. Moscow: Buki Vedi, 2017.*
12. *Morkhat P. M. The Use of Artificial Intelligence in Litigation. Herald of Civil Procedure. 2019. No. 3.*
13. *Rodionova O. M. Law and Digital Technologies. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 6 (131).*
14. *Pashentsev D. A. Dynamics of the Legal Tradition in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution. Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 5.*
15. *Grudtsyna L. Iu. Digital Future of Law: On Additive Technologies. Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 7.*
16. *Khabrieva T. Ia. Law to Face the Challenges of Digital Reality. Journal of Russian Law. 2018. No. 9 (261).*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ФЕЙКАМИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-19-26>

Современное интернет-пространство, совершенствование и активное распространение информационно-коммуникационных технологий предоставляют пользователям многочисленные преимущества. Однако этот процесс имеет существенные минусы и несет серьезные угрозы, такие как развитие киберпреступности, появление новых методов ведения информационных войн, распространение противоправного контента, размывание основ национальной идентичности, культуры и ценностей и др. Актуальность работы состоит в том, что уже не мифом, а сегодняшними реалиями стали так называемые фейковые новости, представляющие собой неправдивую или ложно-интерпретированную информацию, выдаваемую за реальные новости и вводящую в заблуждение, последствия чего могут быть весьма трагичными. Целью данной статьи является исследование правовых основ регулирования распространения информации в контексте борьбы с фейками, в том числе привлечения виновных за их распространение к различным видам юридической ответственности. Предмет исследования составляют нормы конституционного, административного и уголовного законодательства, научные публикации по исследуемой проблематике, статистические данные, материалы судебной практики. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе дальнейшей корректировки законодательства и совершенствования правоприменительной практики, а также при проведении дальнейших научных изысканий в области прав и свобод человека и гражданина.

НОВОПАВЛОВСКАЯ Елена Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры
социологии и управления
Белгородского государственного
технологического университета
им. В. Г. Шухова
(г. Белгород)
novopavlovskaya@gmail.com

**Конституционные права;
свобода слова;
информация;
интернет-пространство;
фейковые новости;
ответственность**

Elena E. NOVOPAVLOVSKAYA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Professor,
Department of Sociology
and Management, Belgorod State
Technological University
named after V. G. Shukhov
(Belgorod)
novopavlovskaya@gmail.com

**Constitutional rights;
freedom of speech;
information;
Internet space;
fake news;
responsibility**

REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREE DISSEMINATION OF INFORMATION IN THE CONTEXT OF THE FIGHT AGAINST FAKE

The modern Internet space, the improvement and active dissemination of information and communication technologies provide users with numerous benefits. However, this process has significant drawbacks and carries serious threats, such as: the development of cybercrime, the emergence of new methods of conducting information wars, the spread of illegal content, the erosion of the foundations of national identity, culture and values, etc. The relevance of the work lies in the fact that it is no longer a myth, and today's realities have become the so-called "fake news", which is false or falsely interpreted information that is presented as real news and misleading, the consequences of which can be very tragic. The purpose of this article is to study the legal framework for regulating the dissemination of information in the context of the fight against fakes, including bringing those responsible for their distribution to various types of legal liability. The subject of the study is the norms of constitutional, administrative and criminal legislation, scientific publications on the issues under study, statistical data, materials of judicial practice. The results of the study can be used in the process of further adjustment of legislation and improvement of law enforcement practice, as well as in further scientific research in the field of human and civil rights and freedoms.

Конституция РФ в ст. 29 гарантирует свободу слова и право на свободный поиск, получение, передачу и распространение информации, однако с акцентом на то, что это должно осуществляться законными способами, без нарушения прав иных лиц. Способы распространения информации в современных реалиях весьма многообразны.

Отличительными особенностями современной цивилизации являются развитие информационных систем и глобализация коммуникационного пространства. Сегодня интернет-технологии проникли абсолютно во все сферы общественной жизни. К сожалению, в цифровом мире практически невозможно избежать столкновения с фейковыми новостями и большим количеством различных типов дезинформации в Интернете, которые справедливо характеризуются учеными как вызовы цифрового медиапространства [1, с. 65]. Их исследование в последние годы вызывает неподдельный научный интерес не только российских [2, с. 12–15; 3, с. 114–119; 4, с. 52–55; 5, с. 122–130; 6, с. 61–63], но и зарубежных ученых [7, р. 1571–1593; 8, р. 4–10; 9, р. 972–980], в список которых входят юристы, политологи, социологи, специалисты ИТ-сферы и др.

Дезинформация в Интернете зависит от мотивации тех, кто распространяет ложные новости. Это может быть пропаганда, целью которой является введение аудитории в заблуждение и продвижение политической программы или предвзятой точки зрения посредством искажения фактов и предоставления ложной информации. Не менее распространена и журналистика низкого качества, причины которой различны. В частности, в погоне за набором большого количества аудитории и заработком денег, а порой и проведением собственного пиара они не уделяют должного внимания проверке фактов перед публикацией, в результате чего их ошибки могут послужить причиной распространения фейковых новостей.

Весьма распространено также использование «кликбейтов» или заголовков, вводящих в заблуждение, привлекающих внимание значительной аудитории. Для этого достаточно использовать сенсационный заголовок или возмутительную, имеющую общественный резонанс тему. Для «подогрева» интереса аудитории к некоторым новостям такие СМИ часто гиперболизируют достоверную информацию, используют фальшивые факты или громкие заголовки.

Нередко фейковая информация распространяется через фальшивые новостные сайты, которые создаются мошенниками. Внешний вид подобного рода сайтов максимально напоминает вид подлинных, что призвано вызвать доверие пользователей. Фейковые новости в социальных сетях также могут распространяться ботами, массово выпускающими статьи независимо от надежности их источников. Они могут

создавать поддельные аккаунты, на которые накручиваются подписчики.

Последствия распространения фейковых новостей могут быть достаточно серьезными и нести в себе ряд опасностей, в том числе:

- разжигание и обострение социальных конфликтов, подрыв устоев национальной безопасности;
- дезинформация, приводящая к ощущению, что нельзя верить всему, что читаем. Безусловно, это подрывает доверие к серьезным новостным источникам;
- влияние на психоэмоциональное поведение человека, вгоняние в панику и подталкивание к совершению неразумных, необдуманных, а иногда даже опасных поступков.

Особое обострение вопрос о распространении фейковых новостей и фейковой информации о деятельности государств и представителей власти обрел в период пандемии новой коронавирусной инфекции. В силу особенностей нового заболевания, а также ускоренных темпов разработки вакцин и проведения программ вакцинации особую популярность приобрели фейки антигосударственного характера, как правило, двух видов:

1) антигосударственные фейки, дискредитирующие прививки, вводящие категории нерабочих/вредных прививок, – имела место так называемая антипрививочная пропаганда;

2) антигосударственные фейки, дискредитирующие государственную систему как неспособную справиться с новой инфекционной опасностью. Так, по данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор), только за два месяца 2022 г. ею удалено около 2,4 тыс. фейковых материалов, касающихся различных аспектов COVID-19. В этот список входили материалы о продаже поддельных сертификатов о вакцинации от COVID-19 и QR-коды [10].

Множество стран (в частности, Китай, Сингапур, Российская Федерация) стали на законодательном уровне вводить ограничения в отношении СМИ за распространение фейков о коронавирусной инфекции и особенностях противостояния ей [11, с. 216].

Уже на стадии пандемической фейкоистерии можно было отметить несколько особенностей, присущих современному медиапространству в данном аспекте:

1) особенности человеческого взаимодействия в массовом обществе неизбежно заключаются в формировании и распространении слухов. Процесс формирования слухов сродни мифотворчеству и заключается в укреплении социальных связей, дает фундамент для выстраивания общественного дискурса, позволяет людям действовать в рамках единого информационного поля. Помимо этого слу-

хи, строящиеся на распространении наиболее «острой» информации, привлекают людей по причине некоторой степени приверженности к «избранным», которые ей обладают. Когнитивными психологами из Университета Канзаса Д. Салливаном, М. Ландау и З. Ротшильдом был проведен научный эксперимент, в результате которого ученые пришли к выводу, что распространение слухов позволяет человеку ощущать мнимое чувство контроля над ситуацией в условиях, когда в действительности он не способен на нее повлиять [см. подробнее: 12, с. 112–121]. Это приводит к заметному снижению стресса. Причем, как показала пандемия COVID-19, наиболее склонны к распространению слухов эмоционально нестабильные, неустойчивые люди, на психику которых оказало отрицательное влияние какое-либо событие, связанное с объектом их слухов, либо люди, не имеющие никакого отношения к ситуации, что позволяет им держаться подальше от ситуации и формировать специфические картины происходящего;

2) в рамках распространения фейковой информации никакой роли не играет степень распространяемых слухов и домыслов. Любая информация, которая попадает в поле зрения человека, вне зависимости от его доверия к ней, неизбежно будет дальше транслироваться с одинаковой степенью «эфирной доли». Более того, если человек сомневается в какой-либо информации, выше шанс того, что он будет занимать больше медиапространства для рассуждений на ее счет, в силу чего она вызовет больше интереса и шанс ее дальнейшего хода в разы выше. Это наглядно подтвердил проведенный в марте 2020 г. эксперимент, в ходе которого респонденты должны были определить, является предложенная новость фейком или нет, а исходя из сделанного вывода решить, необходимо ее распространять или нет. В итоге даже те новости, которые были сочтены фейком, были распространены в социальных сетях и получили большое пространство для обсуждения [см. подробнее: 12, с. 112–121];

3) рост количества слухов пропорционален степени нестабильности обстановки в государстве. Как правило, на распространение слухов не влияют ни пол, ни возраст, ни образование распространителя информации. Основным фактором выступает степень социальной нестабильности, в силу чего за счет деформаций коллективного мышления деформируется и общественный дискурс вместе с общественным информационным потоком, который формирует рамки для рассуждений и неизбежно втягивает человека в пучину, в рамках которой невозможно мыслить вне фейковых понятий и категорий.

На момент особенного обострения коронавирусной инфекции крайне высокая степень вины в большом количестве фейков и высокой степени недовер-

рия общества к вакцинам лежала на СМИ. Согласимся с верным признанием А. М. Плотниковой и Т. В. Цыганова, что СМИ не справились с ролью посредником между обществом и государством, не смогли создать необходимое информационное поле для распространения достоверной информации касательно вакцинации, что стоило многим людям жизни [13, с. 120].

В условиях резко обострившейся конфронтации с Западом проблема распространения фейков стала еще более актуальной и приобрела высокую степень государственной важности. В 2022 г. Интернет захлестнула волна фейковой информации о специальной военной операции, проводимой на территории Украины. Новости распространяются повсеместно – в социальных сетях, почте, телевидении и иных СМИ, что поставило на повестку дня серьезнейший и злободневный вопрос – осуществление оперативной и всесторонней борьбы с фейками. Только за период с февраля по май 2022 г. Роскомнадзором удалено более 117 тыс. фейков о проведении специальной военной операции (в том числе касающихся самой сущности конфликта, действий и потерь Вооруженных Сил РФ и др.), 38 тыс. призывов к протестам. В результате эффективной работы органов власти за указанный период заблокировано 1177 ресурсов с украинской националистической пропагандой. Суммарно количество аудитории заблокированных ресурсов составило более 202 млн пользователей [14].

Учитывая масштабы фейковых новостей, серьезность их последствий, в том числе тот факт, что фейки – это действенный инструмент информационной войны, представители власти в борьбе с ними должны консолидировать усилия с различными институтами гражданского общества, чтобы неравнодушные граждане получали достоверную и своевременную информацию о ходе специальной военной операции на территории Украины, что в конечном счете будет способствовать минимизации информационного давления на население. На данный момент ведется активная работа по предоставлению информации о происходящем на территории Украины. Минобороны России регулярно проводит брифинги с целью освещения действий российской армии, которая активно борется против националистической агрессии правящего киевского режима. В рамках официальных источников опубликования информации о действиях российских властей («Парламентская газета», «Российская газета» и др.) проводится регулярное освещение новостей о реальных событиях геополитического характера, имеющих влияние на функционирование РФ.

Несмотря на это, количество фейков остается на высоком уровне. К сожалению, далеко не все пользователи понимают то, как устроена индустрия фейков и что мы находимся на поле информационной

войны. Самое страшное, что большинство пользователей не умеют правильно распознавать и «отфильтровывать» фейковую информацию. У распространения фейков есть и экономическая подоплека, поскольку фейки предназначены также для заработка на интернет-трафике и распространении ложной информации. По мнению эксперта из МВД России А. Трифонова, в 2021 г. автор *Telegram*-канала «Ковид Соппротивление» на тиражировании фейков о вакцинации и COVID-19 заработал до 22,6 млн руб. [10]. Более того, сегодня значительно выросло количество аудитории, среди которых и новые пользователи, посещающие поддельные сайты и каналы, которые помимо психологического давления и дезинформации активно собирают пожертвования, далеко-таки не всегда идущие по обозначенные цели.

Государство ведет активную борьбу с фейками, опровергает недостоверные новости, публикует собственные данные о ходе специальной военной операции. Однако психологически человек устроен так, что при получении дозы стресса и страха перед быстрыми изменениями он жаждет больших эмоций. Именно поэтому людей так легко обмануть на эмоциональном фоне, чем умело пользуются создатели фейковых новостей.

Как верно замечает С. М. Небренчин, в силу особенностей современных геополитических конфликтов противостояние между государствами в наше время представляет собой гибридную смесь различного рода негативных воздействий, предполагающих давление на противника в различных аспектах его государственной жизни [15, с. 241]. Наиболее популярными методами давления во время ведения гибридного противостояния являются политические и экономические. Формирование неблагоприятной экономической обстановки в стране за счет давления через санкционные ограничения, с параллельной дискредитацией власти и правящего режима внутри самой страны, создает серьезные предпосылки для различного рода волнений социального характера, что дестабилизирует государство и способно вывести его из геополитической борьбы.

Попытка достижения своих корыстных целей подобными методами происходит прямо сейчас на наших глазах. Для выведения из строя российской экономики и дискредитации нынешней власти в России происходит сильнейшее за всю историю экономическое давление со стороны западных стран. Количество санкций, введенных в отношении России в связи с проведением ей независимой внутренней и внешней политики, которая невыгодна западным олигархическим «демократиям», просто зашкаливает [16]. Помимо этого в медиaprостранстве развернулась достаточно активная борьба за владение массовым сознанием.

Понимая серьезность последствий информационной дезинформации, 7 марта 2019 г. был скорректирован Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149). Изменения и дополнения направлены на противодействие фейковым новостям, распространяемым в сети Интернет под видом достоверных. Фактически на законодательном уровне идет речь о раскрытии смысла понятия «фейковая новость», под которой понимается информация, распространяемая «под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

Между тем реалии COVID-19 и специальной военной операции показали, что подобных законодательных корректировок недостаточно, поскольку в данный момент во многих медиаресурсах в открытом доступе ходит множество различных материалов, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил РФ и правящего режима, проводящих специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины. Пользуясь возможностями контроля большей части наиболее популярных медиаплощадок, принадлежащих западным транснациональным корпорациям, антироссийский политический дискурс всячески продвигает идеи дискриминации русскоговорящего населения. С этой целью распространяется множество фейков, не имеющих отношения к реальности, но при этом сделанных крайне качественно. Основная цель подобного рода фейков – психологическое давление на массовое сознание за счет распространения наиболее жестокой клеветы о действиях российской армии, чтобы вызвать жалость, гнев и агрессию, что позволяет мобилизовать еще больше изготовителей фейкового контента в медиaprостранстве, которые уже за счет психологических манипуляций на чистом энтузиазме создают новые фейки и продолжают линию антироссийской пропаганды.

Среди наиболее значимых детерминантов, влияющих на искажение информации в фейковых новостных публикациях, ученые справедливо выделяют технологии, бизнес и политику [см. подробнее: 17, с. 7–14]. Технологические особенности распространения информации в наше время предполагают формирование новостей из фрагментарных вырезок в виде фото- и видеоматериалов, а также различных обрывочных фактов о произошедших событиях. В итоге любая картина в рамках определенного

медиаресурса формируется в виде лоскутного одеяла из различных сообщений, которые периодически противоречат друг другу. В рамках одного медиаресурса информация может выкладываться и сразу же опровергаться.

Из-за особенностей функционирования СМИ в рамках рыночной конкуренции они вынуждены создавать новостные сообщения «на скорую руку», чтобы они не утратили своей сенсационности и актуальности. В таких условиях практически невозможно наладить нормальную процедуру проверки достоверности фактов, особенно когда новостных поступлений для публикаций становится все больше в силу множества одновременно происходящих событий.

Индустрия новостей в условиях подобного рода строгой рыночной конкуренции неизбежно будет направлена на прибыль и формирование хороших условий для финансирования. Погоня за рейтингами и поиском инвесторов является мощнейшим фактором для искажения реальности в новостях. Тенденция, направленная на формирование контента в погоне за рейтингами и финансированием, создает пространство для формирования информационного «мусора» в новостном пространстве. Часто многие незначительные новости раздуваются до огромных масштабов, в то время как могут замалчиваться либо очень мало освещаться действительно важные, социально значимые события.

Стоит особенно учитывать последний аспект, который в нынешних условиях с точки зрения своего значения занимает первое место. Политический фактор формирования информационного поля имеет исключительное влияние. Политическая ангажированность конкретных медиаресурсов – это один из ключевых факторов, подталкивающих распространителей информации к стремлению манипулировать общественным сознанием и подтасовывать информацию.

При этом стоит учитывать, что все эти факторы действуют в достаточно специфичной связке: особенности технологий распространения информации создают условия для фрагментированного и обрывочного представления о происходящих событиях, коммерциализация СМИ открывает простор для манипуляций медиаресурсами за счет их финансирования и механизмов повышения рейтингов, а политическое давление и влияние извне, совмещая все предыдущие особенности СМИ в наше время, начинают воздействовать на коммерческий интерес СМИ через их финансирование, манипулируя при этом «лоскутностью» представляемых фактов для создания удобной той или иной политической силе картины мира.

В целях нивелирования особенно остро стоящего в наше время политического фактора еще в 2017 г. был принят Федеральный закон от 25 ноября 2017 г. № 327-ФЗ, вносящий изменения в ст. 10.4, ст. 15.3 ФЗ

№ 149 и ст. 6 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Им была введена категория «иностранный агент», статус которого предполагает формирование отдельного реестра лиц, признанных таковыми. Минюст России вправе признать иностранным агентом любое иностранное СМИ, получающее финансирование или имущество от иностранных органов или граждан непосредственно или через российские юридические лица. Такие иностранные агенты приравнены в своих обязанностях к НКО – иностранным агентам. Ведение реестра признанных иностранных СМИ – иностранных агентов также отнесено к компетенции Минюста России.

Помимо того, в 2018 г. была введена возможность признания физических лиц иностранными агентами в случае, если они распространяют информацию для неограниченного круга лиц и получают иностранное финансирование. Возможно также признать в том же статусе лицо, которое распространяет информацию иностранных агентов либо участвует в создании информационных продуктов совместно с ними и при этом имеет финансирование из-за рубежа.

Как уже отмечалось ранее, после начала специальной военной операции на территории Украины со стороны множества СМИ, как иностранных, так и отечественных, «посыпался» поток фейковых новостей о действиях российских Вооруженных Сил. Для их дискредитации использовалось множество манипулятивных методов. Часто доходило до того, что фейковые материалы о якобы множестве жертв со стороны мирного населения были представлены кадрами жертв военных конфликтов Ирака или Сирии [18].

Подхватив информационную истерию, раздутую СМИ, некоторые психически неустойчивые граждане, а также граждане, имеющие прозападную политическую позицию, стали выходить на несанкционированные митинги и демонстрации, нарушая общественный порядок. В общественных местах имели место акты вандализма в виде распространения надписей дискредитационного характера. Политически ангажированные слои населения стали участвовать в распространении фейков прозападных СМИ, усиливая влияние фейкоистерии и разгоняя дискурсивную спираль по распространению ложной информации [19].

В целях защиты граждан РФ от распространения ложной информации о действиях ее Вооруженных Сил на территории Украины была введена соответствующая административная и уголовная ответственность. Фактически приведенное ранее в настоящем исследовании определение недостоверной (фейковой) информации было в значительной степени расширено. В настоящее время ФЗ № 149 также относит к подобным сведениям распространяемую под видом достоверных сообщений недостоверную информацию, содержащую данные об использовании Воо-

руженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащую данные об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях, или информацию, направленную на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе призывов к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в указанных целях, а равно направленную на дискредитацию исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях, информацию, содержащую призывы к введению в отношении РФ, ее граждан либо российских юридических лиц политических, экономических и (или) иных санкций, информацию, содержащую обоснование и (или) оправдание осуществления экстремистской деятельности, включая террористическую деятельность, предложение о приобретении поддельного документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ, и др. Сегодня сразу несколькими статьями Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусмотрены серьезные штрафы, размер которых находится в прямой зависимости от субъекта правонарушения и тяжести наступивших последствий. Так, ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за распространение в СМИ, в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния. Субъектами данного правонарушения могут выступать физические лица, должностные лица и юридические лица. При этом санкция является относительно определенной, устанавливая нижнюю и верхнюю границу административного штрафа. Нижняя граница для граждан составляет от 30 тыс. руб., для должностных лиц – от 60 тыс. руб., для юридических лиц – от 200 тыс. руб., а верхняя граница – 100 тыс. руб., 200 тыс. руб., 500 тыс. руб. соответственно. В случае повторного совершения подобных деяний штраф-

ные санкции увеличиваются и составляют: для граждан – от 100 тыс. руб. до 300 тыс. руб. с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой; для должностных лиц – от 300 тыс. руб. до 600 тыс. руб.; для юридических лиц – от 500 тыс. руб. до 1 млн руб. с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой.

За распространение в СМИ, в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств следует административный штраф на юридических лиц в размере от 1,5 млн руб. до 3 млн руб. с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой. Если в результате наступила смерть человека, был причинен вред здоровью или имуществу, произошло массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, то размер штрафа увеличивается и составляет для юридических лиц от 3 млн руб. до 5 млн руб. с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой. Как следует из официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, всего в 2021 г. поступило 2055 дел об административных правонарушениях (ст. 13.15 КоАП РФ) по первой инстанции, по которым было назначено 1260 административных штрафов [20].

Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ ввел ст. 207.2, уголовная ответственность по которой наступает в случае публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшей наступление тяжких последствий. Санкция указанной статьи и по ч. 1, и по ч. 2 является альтернативной, включая штраф, исправительные работы, принудительные работы и лишение свободы. При этом если в результате совершения указанного деяния по неосторожности наступила смерть человека или иные тяжкие последствия, то наказание является более жестким, включая лишение свободы на срок до пяти лет.

Более того, федеральными законами от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ и № 32-ФЗ введены новые составы административного правонарушения (ст. 20.3.3 КоАП РФ) и преступления (ст. 207.2, 280.3 УК РФ): публичные действия по дискредитации использования Вооруженных Сил РФ и публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ.

Приведенная выше статистика и обращение к судебной практике свидетельствуют о том, что названные нормы административного и уголовного законодательства применялись уже не раз в разных регионах России, причем в связи с привлечением к ответственности как за фейки о карантинных мерах и о COVID-19 в целом, так и за фейки о специальной военной операции (например, постановление мирового судьи судебного участка № 7 г. Армавира Краснодарского края от 16 апреля 2020 г., постановление мирового судьи Усманского судебного участка № 1 Усманского судебного района Липецкой области от 28 сентября 2020 г., постановление мирового судьи судебного участка № 16 Волжского судебного района Республики Марий Эл от 21 сентября 2021 г. и др.).

Проведенное исследование дает основания для следующих выводов:

во-первых, сегодня мы являемся свидетелями нового витка распространения фейков, в том числе уже откровенно политического характера. На нынешнем этапе на все проблемы, что были указаны выше, накладывается прямой умысел распространения недостоверной информации со стороны множества западных политических субъектов. Используется широкая и разветвленная сеть различных методов давления и способов дестабилизации общества. При этом проводится прямая работа по финансированию распространителей фейковой информации и их поддержке.

В этот раз на проблемы чисто когнитивно-психологического характера в плане склонности людей верить недостоверной информации и распространять ее наслаиваются проблемы прямого геополитического давления со стороны властных субъектов, что в разы усугубляет фейковую истерию, которую раздувают политически ангажированные СМИ;

во-вторых, борьба с фейками должна носить комплексный характер, включая меры правотворческого и правоприменительного содержания. С одной стороны, законодатель должен учитывать особенности геополитической обстановки, внутреннюю социально-экономическую и политическую обстановку в стране, своевременно реагируя на их изменения и корректируя административное и уголовное законодательство, ужесточая его, в том числе вводя принципиально новые нормы, что мы и наблюдаем в современных реалиях. С другой стороны, представители власти должны консолидировать свои усилия, проводя совместную работу с множеством СМИ, работающих на реальное освещение происходящих событий, как на украинской, так и на российской территории. Только объединение таких усилий и слаженная работа властных структур государства и различных институтов гражданского общества создадут эффективные условия для нормальной реализации конституционного права на свободное распространение информации, а также для противостояния общества фейковым воздействиям.

Пристатейный библиографический список

1. *Симонова Е. В.* Фейк как вызов цифрового медиапространства // Образование и наука без границ : фундаментальные и прикладные исследования. 2022. № 15.
2. *Ильяшенко А. Н., Хисамова З. И.* О некоторых аспектах привлечения к уголовной ответственности за распространение fake news в социальных сетях в условиях пандемии // Российский следователь. 2020. № 9.
3. *Плешанова О. П.* Фейки в сторону // Закон. 2019. № 4.
4. *Рахматулина Р. Ш.* Технология deepfake в праве интеллектуальной собственности // Юрист. 2022. № 2.
5. *Султанов А. Р.* Как бороться с фейком в налоговых спорах // Закон. 2019. № 9.
6. *Цветкова Е. В., Филиппова Т. Г.* Фейк-ньюз : взгляд журналиста и юриста // Российская юстиция. 2020. № 4.
7. *Arianto R., Harco Leslie S. W., Heryadi Y.* Fake News Detection Model Based on Credibility Measurement for Indonesian Online News // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2021. Vol. 99. No. 7.
8. *Freedman E.* Fake News in America // Herald of Journalism. 2019. Vol. 52. No. 2.
9. *Waghmare A. D., Patnaik G. K.* Fake News Detection of Social Media News in Block Chain Framework // Indian Journal of Computer and Engineering. 2021. Vol. 12. No. 4.
10. Роскомнадзор удалил около 2,4 тыс. фейков о коронавирусе в 2022 году // Коронавирус COVID-19 : сайт. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20220218-0843.html> (дата обращения: 05.08.2022).
11. *Сюй М.* Политические фейки как проблема современной журналистики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-2.
12. *Землянский А. В.* Фейк-ньюс как одна из ключевых составляющих инфодемии : типология и характеристики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 4.
13. *Плотникова А. М., Цыганов Т. В.* «Пандемия неверия» : коронавирусный контекст критики власти в практике лингвистической экспертизы // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91).

14. Военная операция на Украине // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/14743553?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 08.08.2022).
15. *Небренчин С. М.* Современные гибридные войны : медиасмыслы, технологии, стратегии // Большая Евразия : развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1.
16. Санкции в отношении России // ТАСС : сайт. URL: <https://nauka.tass.ru/sankcii-v-otnoshenii-rossii> (дата обращения: 08.08.2022).
17. *Семилет Т. А., Фотиева И. В., Лукашевич Е. В., Витвинчук В. В., Кирилин К. А.* Искажение реальности в новостной журналистике: детерминирующие факторы и социокультурные следствия // Вестник КГУ. 2022. № 1.
18. Жестокая игра на эмоциях : как в СМИ и соцсетях распространяют фейки о российской спецоперации // Yandex.ru : сайт. URL: <https://yandex.ru/turbo/tvzvezda.ru/s/news/20222272230-GLCqm.html> (дата обращения: 11.08.2022).
19. В Москве и Санкт-Петербурге задержали участников антивоенных акций // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2022/624848199a79473a1104ec5d> (дата обращения: 14.08.2022).
20. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 15.08.2022).

References

1. *Simonova E. V.* Fake as a Challenge to the Digital Media Space. *Education and Science Without Borders: Fundamental and Applied Research*. 2022. No. 15.
2. *Iliashenko A. N., Khisamova Z. I.* On Some Aspects of Bringing to Criminal Responsibility for the Distribution of Fake News in Social Networks During a Pandemic. *Russian Investigator*. 2020. No. 9.
3. *Pleshanova O. P.* Fake Aside. *Law*. 2019. No. 4.
4. *Rakhmatulina R. Sh.* Deepfake Technology in Intellectual Property Law. *Lawyer*. 2022. No. 2.
5. *Sultanov A. R.* How to Deal With Fake in Tax Disputes. *Law*. 2019. No. 9.
6. *Tsvetkova E. V., Filippova T. G.* Fake News: The View of a Journalist and a Lawyer. *Russian Justice*. 2020. No. 4.
7. *Arianto R., Harco Leslie S. W., Heryadi Y.* Fake News Detection Model Based on Credibility Measurement for Indonesian Online News. *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*. 2021. Vol. 99. No. 7.
8. *Freedman E.* Fake News in America. *Herald of Journalism*. 2019. Vol. 52. No. 2.
9. *Waghmare A. D., Patnaik G. K.* Fake News Detection of Social Media News in Block Chain Framework. *Indian Journal of Computer and Engineering*. 2021. Vol. 12. No. 4.
10. Roskomnadzor deleted about 2.4 thousand fakes about coronavirus in 2022. URL: <https://xn--80aesfpebag-mfblc0a.xn--p1ai/news/20220218-0843.html> (date of the application: 05.08.2022).
11. *Xu M.* Political Fakes as a Problem of Modern Journalism. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No. 3-2.
12. *Zemlianskii A. V.* Fake News as One of the Key Components of the Infodemic: Typology and Characteristics. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2021. No. 4.
13. *Plotnikova A. M., Tsyganov T. V.* "The Pandemic of Disbelief": Coronavirus Context of Power Criticism in the Practice of Linguistic Expertise. *Political Linguistics*. 2022. No. 1 (91).
14. Military operation in Ukraine. URL: https://tass.ru/obschestvo/14743553?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of the application: 08.08.2022).
15. *Nebrenchin S. M.* Modern Hybrid Wars: Media Meanings, Technologies, Strategies. *Big Eurasia: Development, Security, Cooperation*. 2022. No. 5-1.
16. Sanctions against Russia. URL: <https://nauka.tass.ru/sankcii-v-otnoshenii-rossii> (date of the application: 08.08.2022).
17. *Semilet T. A., Fotieva I. V., Lukashevich E. V., Vitvinchuk V. V., Kirilin K. A.* Distortion of Reality in News Journalism: Determining Factors and Socio-Cultural Consequences. *Bulletin of the KGU*. 2022. No. 1.
18. A cruel game on emotions: how fakes about a Russian special operation are spread in the media and social networks. URL: <https://yandex.ru/turbo/tvzvezda.ru/s/news/20222272230-GLCqm.html> (date of the application: 11.08.2022).
19. Participants of anti-war protests detained in Moscow and St. Petersburg. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2022/624848199a79473a1104ec5d> (date of the application: 14.08.2022).
20. Judicial statistics data. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (date of the application: 15.08.2022).

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ ЧЕРЕЗ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ОПТИМИЗАЦИЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-27-33>

Рассматривая заявленную в названии статьи тему, автор выявил малое внимание к проблемам уклонения от уплаты налогов со стороны академической науки за последние пять лет в противовес активным попыткам научных исследований со стороны молодых ученых, магистрантов и студентов. С одной стороны, допустимо предположить, что наличие у налоговых органов свыше 20 информационных комплексов (самые известные – АИС «Налог» и АСК «НДС-2»), позволяющих инспекторам выявлять схемы незаконного ухода от налогов, оставило заявленную проблему в качестве разрешенной, однако в контексте вступления в силу Федерального закона от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», возвратившего существовавший до осени 2014 г. порядок возбуждения уголовных налоговых дел (ст. 198–199.2) только с подачи налоговых органов, появился переход от оперативно-следственного порядка выявления рассматриваемых правонарушений к административному. Целью составившего основу данной статьи исследования было определение эффективных средств административно-правового противодействия злоупотреблению оптимизацией налогов. Предметом исследования явились те проблемы, с которыми налоговые органы сталкиваются при проведении камеральных и выездных налоговых проверок хозяйствующих субъектов, использующих оптимизацию налогообложения в целях ее минимизации. При рассмотрении названных проблем использовался широкий спектр методов, среди которых следует выделить логический, системно-структурный, а также формально-юридический. Названные методы позволили установить основные факторы проявления допустимой (правомерной) оптимизации налогов и уклонения от них. Использование упомянутых методов дало возможность сформулировать ряд рекомендаций по выявлению и противодействию неправомерному использованию налоговой оптимизации в ущерб бюджета РФ и налоговой системы. В результате проведенного исследования были сделаны выводы о необходимости повышения внимания налоговых органов к налоговой оптимизации как форме потенциального злоупотребления правом в целях уклонения от уплаты налогов. Отмеченный вывод подкреплен обзором наиболее распространенных форм налоговой оптимизации, которые могут выступать в качестве уклонения от уплаты налогов.

МАКСИМОВ

Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры государственно-правовых
дисциплин Северного института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Петрозаводск)

aleksandr-law@mail.ru

**Уклонение от уплаты налогов;
минимизация налогов;
налоговая оптимизация;
уход от налогов;
обход налогов;
аутстаффинг;
необоснованная выгода;
трансфертное
ценообразование**

Alexander A. MAKSIMOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of State and Legal Disciplines,
Northern Institute (Branch)
of All-Russian State University
of Justice
(Petrozavodsk)
aleksandr-law@mail.ru

**Tax evasion;
tax minimization;
tax optimization;
tax avoidance;
outstaffing;
unjustified benefit;
transfer pricing**

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL COUNTERACTION
TO TAX EVADIATION BY BUSINESS ENTITIES THROUGH
THE ABUSE OF TAX OPTIMIZATION**

Considering the topic stated in the title of the article, the author revealed little attention to the problems of tax evasion by academic science over the past 5 years, as opposed to active attempts at scientific research by young scientists, undergraduates and students. On the one hand, it is acceptable to assume that the presence of more than 20 information complexes in the tax authorities (the most famous AIS "Nalog" and ASK "VAT-2"), allowing inspectors to identify schemes for illegal tax evasion left the stated problem as resolved, but in the context the entry into force of Federal Law No. 51-FZ of 9 March 2022 "On Amending Articles 140 and 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation", which returned the procedure for initiating criminal tax cases that existed until autumn 2014 (Articles 198–199.2) only from filing by the tax authorities, there was a transition from the operational-investigative procedure for identifying the offenses in question to the administrative one. The purpose of the study that formed the basis of this article was to determine effective means of administrative and legal counteraction to the abuse of tax optimization. The subject of the study was the problems that the tax authorities face when conducting desk and field tax audits of business entities that use tax optimization in order to minimize it. When considering these problems, a wide range of methods was used, among which logical, system-structural, and also formal-legal methods should be distinguished. These methods made it possible to establish the main factors of the manifestation of permissible (lawful) tax optimization and tax evasion. The use of these methods made it possible to formulate a number of recommendations for identifying and countering the unlawful use of tax optimization to the detriment of the RF budget and the tax system. As a result of the study, conclusions were drawn about the need to increase the attention of tax authorities to tax optimization as a form of potential abuse of law in order to evade taxes. The noted conclusion is supported by a review of the most common forms of tax optimization that can act as tax evasion.

Исполнение обязанности по уплате налогов и сборов является закрепленным в Конституции РФ императивом. Неисполнение данной обязанности влечет за собой наказание, предусмотренное как непосредственно налоговым законодательством, так и административным и уголовным.

Однако, несмотря на развитие экономических отношений в стране, совершенствование законодательства, а также форм деятельности административно-публичных органов, уклонение от уплаты налогов традиционно сохраняется в качестве обычного явления для российского правового сознания. Оно стало неотъемлемым элементом правовой жизни любого налогоплательщика, в особенности тех лиц, которые занимаются хозяйственной деятельностью, т.е. предпринимательством, в той или иной форме [3, с. 137–140]. В рамках настоящей статьи не представляется необходимым анализировать причины

уклонения от уплаты налогов – они объективно ясны и упираются в субъективные корыстные цели и имеют свое денежно-финансовое выражение.

Одновременно с этим негативные последствия сложившегося положения вещей не требуют дополнительной аргументации – использование различных противоправных схем по сокращению налогового бремени подрывает экономическое благосостояние РФ и, как следствие, внутреннюю политику государства.

Примечательно, что на данный момент в России, по данным Министерства финансов РФ, собирается около 98% налогов и сборов при общепринятом мировом показателе в 95% [4, с. 197–202]. Это является, несомненно, хорошим результатом деятельности административно-публичных органов, но не стоит забывать, что суть уклонения от уплаты налогов заключается не столько в фактической неуплате

уже исчисленного налога (на который при неуплате начисляется пеня), сколько в сокрытии налогооблагаемой базы, получении необоснованной налоговой выгоды, налоговых льгот и иных выгод. Не стоит забывать и про теневой сектор экономики, налоги и сборы с которого при их взимании превысили бы доходы от налогов и сборов с добросовестных хозяйствующих субъектов. Согласно оценкам различных экспертов и данным официальной статистики (в том числе Центрального банка РФ) объем теневой экономики в России за последнее пятилетие (2017–2022 гг.) колеблется от 12% до 35% валового внутреннего продукта (ВВП) с выделяющейся неоднородностью по сферам хозяйствования [9] ввиду отсутствия унификации методики подсчетов.

Как отмечает Д. М. Амиралиева, «ключевыми последствиями уклонения от уплаты налогов выступают: снижение поступлений в бюджет, нарушение принципа социальной справедливости, финансовый ущерб социальным обязательствам государства» [1, с. 42–47].

Уклонение от уплаты налогов по своему содержанию, которое закреплено в Уголовном кодексе РФ, имеет две смысловых формы-способа: *умышленного действия* путем включения в налоговую декларацию (расчет) или иные документы заведомо ложных сведений и *умышленного бездействия*, выражающегося в умышленном непредставлении налоговой декларации (расчета) или иных указанных документов. Между обоими способами условно стоит знак равенства, что дополнительно было подтверждено постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48.

Однако подобный подход несколько искажает действительность. Непредставление налоговой отчетности по сути является «уходом от налогов», носит явный, открытый характер (это указанные выше 2% несобираемых налогов), в результате данного умышленного бездействия налоговыми органами происходит достаточно быстрое выявление нарушителя – согласно подп. 1 п. 3 ст. 76 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) по истечении 20 дней возможно применять блокировку расчетного счета организации, причем в беззвездительном порядке.

С другой стороны, искажение отчетности путем включения в нее заведомо ложных сведений выступает «обходом налогов», которое носит неявный, латентный характер и подлежит выявлению налоговыми органами в рамках административных процедур. Данная деятельность требует профессиональных знаний и навыков, объективной первичной информации, а также использования информационно-аналитических систем.

При этом важно отметить, что деятельность хозяйствующих субъектов вариативна и отмеченная

противоправная латентная деятельность очень тесно переплетена с таким законным финансово-правовым явлением, как минимизация налогов.

Налоговая минимизация – это максимальное снижение всех налогов, подлежащих уплате хозяйствующим субъектом в соответствующий бюджет и априори не являющаяся полностью незаконной, так как традиционно существует в двух формах: правомерной (налоговая оптимизация) и неправомерной (уклонение от уплаты налогов). Особое значение следует придать тому, что минимизация налогового бремени может быть направлена как на отчетный налоговый период (периоды), так и на налогообложение всей хозяйствующей деятельности в целом.

Налоговая оптимизация, по мнению Е. М. Ануфриевой, является «формой снижения размера налоговых обязательств посредством целенаправленных планомерных действий налогоплательщика, включающих в себя использование всех предоставленных законодательных льгот, приемов и механизмов, а также действий, направленных на правомерный обход налогов, рассчитанных на длительный срок (несколько отчетных периодов)» [2, с. 35–41].

Оптимизация налоговой нагрузки хозяйствующего субъекта тесно связана с налоговым планированием, которое основано на использовании льгот, зафиксированных в НК РФ, а также способов и приемов бухгалтерского учета, закрепленных в законодательных и нормативных актах, в стандартах (ПБУ или РСФО/МСФО) бухгалтерского учета, т.е. является легитимным. Стоит отметить, что некоторыми исследователями [3] проблем уклонения от уплаты налогов активно предлагается минимизация налоговых льгот как одного из самых распространенных «коридоров» по осуществлению противоправной минимизации налогов, что не выдерживает критики, так как злоупотребление субъектами правоотношений существующими законодательными преференциями не может служить отмене последних ввиду явного противоречия подобного подхода принципам права.

Ю. В. Кондратенко отмечает следующие черты правомерной налоговой оптимизации, с которыми, безусловно, следует согласиться [6, с. 275–279]:

во-первых, получение обоснованной налоговой выгоды;

во-вторых, осуществление добросовестных законных учетных операций;

в-третьих, достижение увеличения финансовых показателей организации.

В противовес, неправомерная минимизация налогов имеет прямо противоположные черты, так как налоговая выгода может быть необоснованной, операции носят сомнительный характер, а также имеет место превалирование личных (персональных) выгод над корпоративными.

Все формы уклонения от уплаты налогов хозяйствующими субъектами условно можно разделить на следующие группы:

1) *административные*:

- злоупотребление правом на изменение юридического адреса организации;
- неправомерное ведение хозяйственной деятельности;
- использование недопустимого структурирования организации;

2) *бухгалтерские*:

- связанные с сокрытием выручки или дохода;
- связанные с использованием фондов предприятий;
- связанные с использованием расчетных счетов;
- манипуляции с расходами, применяемые для целей налогообложения;

3) *кадровые*:

- изменение формального числа сотрудников;
- изменение субъектного состава сотрудников путем включения (в том числе формального) льготных и (или) особых категорий граждан;

4) *криминальные*:

- подделка финансово-расчетных документов;
- подделка правоустанавливающих и иных документов организации;
- фальсификации;

5) *финансовые*:

- несоблюдение порядка регистрации и хранения денежных средств;
- осуществление финансовых операций с использованием электронных денег;
- ведение интернет-торговли с сокрытием или фальсификацией электронных транзакций;
- личные финансовые злоупотребления.

Налоговые органы достаточно активно проработали все существующие и возможные схемы уклонения от уплаты налогов и расширяют имеющий накопленный опыт, однако наибольшей проблемой современности является дифференциация уклонения от уплаты налогов с налоговой оптимизацией.

На сегодняшний день наиболее распространены формами оптимизации налогового бремени выступают трансфертное ценообразование, использование офшорных схем, необоснованная налоговая выгода и аутстаффинг.

Трансфертное ценообразование – наиболее простой и распространенный способ минимизации налогового бремени. Применяется в основном крупными компаниями, имеющими разветвленный вертикальный аппарат (чаще всего холдинги и компании с мультидивизиональной системой управления). Заключается данный способ в реализации товаров и услуг так называемыми взаимозависимыми лицами по внутренним, меньшим, чем на рынке, ценам. Как отмечают

В. В. Попов и Е. Г. Тришина, «вышеуказанный способ ценообразования не является отрицательным аспектом деятельности налогоплательщиков, так как установление таких цен важно для подобных хозяйствующих субъектов для цели эффективного перераспределения денежных средств и более четкого контроля за их перемещением внутри всей организации» [7, с. 238–244].

Раздел V.1 НК РФ, регулирующий порядок выявления взаимозависимых лиц, а также контроль над сделками, проводимыми данными организациями, оставил открытым список «взаимозависимых лиц», что породило неоднородность судебной практики ввиду слишком широких рамок для применения закона.

Несмотря на потенциальные риски оказания негативного воздействия от излишнего налогового влияния на крупные компании, представляются целесообразными установление квотирования трансфертных сделок, введение института денежных отчислений в бюджет РФ за каждую такую сделку, а также обязательная оценка в отношении производимой как разовой, так и регулярной сделки на предмет существенного изменения ее стоимости по отношению к рыночной.

Ведение предпринимательской деятельности в государствах и на территориях с особым (упрощенным) порядком налогообложения. Вторым по популярности и формально не запрещенным способом оптимизации налогов является регистрация предпринимательства в странах, где налогообложение упрощено или попросту отсутствует. Приказ Минфина России от 13 ноября 2007 г. № 108н закрепляет список из 40 офшоров, действующих поныне. Конфиденциальность операций, совершаемых в вышеуказанных странах, способствуют уходу выгодоприобретателей по проводимым сделкам от налогов в своей стране.

Противостоит данному способу оптимизации налогов Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1998 г., предусматривающая базовым механизмом противодействия активное сотрудничество налоговых органов стран, ратифицировавших Конвенцию. Однако стоит отметить, что данный способ оптимизации налогов за последние годы (2020–2022 гг.) начал активно сокращаться ввиду снижения товарооборота между странами и санкционной политики.

Противодействие офшорному снижению налогового бремени возможно через финансовый и валютный мониторинг, а также такой достаточно эффективный механизм, как контроль за иностранным налоговым резидентством и иностранными компаниями, активно контактирующими с российскими предпринимателями. Имеет место развитие идеи контролируемых сделок, предусмотренных ст. 105.14 НК РФ, в сторону снижения порога суммового дохода за отчетный год.

Необоснованная налоговая выгода. Постановлением Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 декабря 2006 г. № 53 был введен термин «необоснованная налоговая выгода», сменив существовавшие до этого такие термины, как «недобросовестный налогоплательщик» и «злоупотребление правом», которые, кстати, также не были закреплены законодательно.

Необоснованная налоговая выгода – это денежные средства, полученные путем заключения соглашения, результатом которого контрагенты по нему видели лишь минимизацию своих расходов, а именно налоговых отчислений.

Высший Арбитражный Суд РФ определил «необоснованную налоговую выгоду» как положение, при котором учет хозяйственных операций для целей налогообложения производится без привязки к экономической обоснованности, либо производится учет операций, цель и результат которых не обусловлен разумными экономическими или иными причинами (п. 3 Постановления). Кроме того, выгода признается необоснованной, если она получена налогоплательщиком в отрыве от его текущей хозяйственной деятельности, а также если контрагент налогоплательщика уклоняется от уплаты налогов, о чем последний знал заранее.

Основной формой создания необоснованной налоговой выгоды является структурирование организации (бизнеса), которое может быть направлено, с одной стороны, на минимизацию налогового бремени через аффилированные (дочерние) организации, а с другой стороны, на искусственное дробление организации (бизнеса) для получения налоговых льгот или применения особых налоговых режимов (в частности, плательщики ЕНВД освобождены от налога на прибыль организаций и НДС) [5, с. 32–39].

Противодействием подобным формам оптимизации налогов выступает анализ финансово-хозяйственной деятельности всех взаимосвязанных с организацией субъектов предпринимательства (контрагентов) в целях выявления фактов, подтверждающих, что они созданы не для осуществления предпринимательской деятельности либо являются «фиктивными».

В связи с тем, что незаконное образование юридического лица и незаконное использование документов для его образования криминализированы и являются достаточно яркой формой уклонения от уплаты налогов, создание дочерних организаций и филиалов в целях оптимизации налогов выступает распространенным явлением. Поэтому ключевой показатель и ориентир для определения того, является ли подобное структурирование правомерным, – критерий достижения компанией подобными действиями деловых целей. Например, самостоятельность хозяйствования каждого взаимозависимого лица, от-

сутствие признаков единого производственного процесса у указанных субъектов, фактическое соблюдение требований налогового законодательства – все это позволит признать выгоду, полученную при таком разделении, обоснованной.

В данном случае дополнительным фактором противодействия подобным формам оптимизации налогов выступает оценка во всех частях раздробленной компании степени единства кадрового состава, степени единства производственного процесса, а также близости контрактного взаимодействия участников сделок между организациями.

Представляется, что главным фактором противодействия раздробленности и структурированности компаний выступает создание экономически неблагоприятных условий регистрации каждой последующей организации одним и тем же учредителем (сокращение множественных учредителей) через галопирующее нарастание размера государственной пошлины за регистрацию каждой дополнительной организации, а также ужесточение ответственности иных лиц при выявлении факта взаимозависимости в противоправных целях, если их вина также будет доказана [10].

Аутстаффинг в классическом понимании – не обоснованное экономическими причинами оперирование трудовыми ресурсами зависимых друг от друга организаций. Заключается оно в переводе некоторого количества сотрудников проверяемого налогоплательщика в подконтрольные ему организации, без смены их трудовой функции и места работы.

Субъектами осуществления данной схемы являются организации с общим режимом налогообложения либо организации с упрощенной системой налогообложения, созданные и подконтрольные зачастую более крупному хозяйствующему субъекту.

Подобные действия приводят к искусственному увеличению расходов организации и тем самым сокращению налоговой базы (в данном случае прибыли), используемой для исчисления налога.

Методы противодействия аутстаффингу как части большего явления – заемного труда по-прежнему находятся в стадии формирования, так как, несмотря на запрет ст. 56.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) использования заемного труда, однозначного запрета на аренду персонала введено не было, что и практикуется по сей день в условиях норм гл. 53.1 ТК РФ.

Вступление в силу Федерального закона от 5 марта 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» означало процесс регламентации отношений заемного труда, направленной на создание устойчивых и прозрачных правовых связей между субъектом, направившим работников, и субъектом их принявшим. Это создает почву для более эффективного контро-

ля над данным видом деятельности в целях защиты прав и интересов работников, а также, что не менее важно, интересов государства в сфере налогов и сборов. Регистрация всех договоров о заемном труде поможет отследить действительную деловую цель в их содержании, а также, путем проверок, и на практике [8, с. 30–32].

По результатам проведенного исследования представляется целесообразным сделать следующие выводы:

во-первых, умышленные действия, направленные на включение в налоговую декларацию (расчет) или иные документы заведомо ложных сведений, носят скрытый характер, имеют противоправную природу и представляются более социально опасными по сравнению с умышленным бездействием, выражающимся

в умышленном непредставлении налоговой декларации (расчета) или иных указанных документов;

во-вторых, уклонение от уплаты налогов (обход налога) подлежит объективной дифференциации с налоговой оптимизацией хозяйственной деятельности организации;

в-третьих, налоговая оптимизация носит легитимный характер и наиболее распространенными ее формами являются трансфертное ценообразование, использование оффшорных схем, необоснованная налоговая выгода и аутстаффинг;

в-четвертых, действующее налоговое законодательство нуждается в расширении рычагов воздействия налоговых органов на субъектов хозяйственной деятельности в целях контроля за налоговой оптимизацией и сокращения объемов злоупотребления ей.

Пристатейный библиографический список

1. *Амиралиева Д. М.* Актуальные аспекты повышения эффективности системы налогового контроля : причины уклонения от уплаты налогов и пути их преодоления // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 34. № 4.
2. *Ануфриева Е. М.* Понятие уклонения от уплаты налогов в системе налоговых отношений // Финансы и кредит. 2008. № 44 (332).
3. *Бугаев Е. Н.* Механизм уклонения от уплаты налогов в РФ : теоретические и практические пробелы в действующем законодательстве // Право и государство : теория и практика. 2019. № 7 (175).
4. *Довтаев С. Ш., Махмудова Т. Х.* Составляющие налоговой нагрузки в системе налогообложения РФ // Science Time. 2016. № 2 (26).
5. *Землянская И. С.* Необоснованная налоговая выгода : проблемы и практика применения // Финансовая аналитика : проблемы и решения. 2014. № 9.
6. *Кондратенко Ю. В.* К вопросу о разграничении понятия оптимизации налогообложения и уклонения от уплаты налогов в деятельности подразделений ЭБИПК МВД России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29).
7. *Попов В. В., Тришина Е. Г.* Уклонение от уплаты налогов как элемент правовой жизни общества (теоретико-правоприменительные аспекты) // Налоги. 2016. № 2.
8. *Степанов С. В.* Запрещение заемного труда, или Новый вид трудового обязательства : юридическая конструкция // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 3.
9. Структура подозрительных операций и секторы экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // Центральный банк Российской Федерации : сайт. URL: https://cbr.ru/today/resist/resist_sub/2021_1/ (дата обращения: 01.04.2022).
10. *Сухаренко А.* Однодневки возьмут на карандаш // эж-Юрист. 2016. № 6-7.

References

1. *Amiraliyeva D. M.* Actual Aspects of Improving the Efficiency of the Tax Control System: The Causes of Tax Evasion and Ways to Overcome Them. *Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. 2019. Vol. 34. No. 4.
2. *Anufrieva E. M.* The Concept of Tax Evasion in the System of Tax Relations. *Finance and Credit*. 2008. No. 44 (332).
3. *Bugaev E. N.* The Mechanism of Tax Evasion in the Russian Federation: Theoretical and Practical Gaps in the Current Legislation. *Law and State: Theory and Practice*. 2019. No. 7 (175).
4. *Dovtaev S. Sh., Makhmudova T. Kh.* Components of the Tax Burden in the Taxation System of the Russian Federation. *Science Time*. 2016. No. 2 (26).
5. *Zemlianskaia I. S.* Unreasonable Tax Benefit: Problems and Practice of Application. *Financial Analytics: Problems and Solutions*. 2014. No. 9.

6. *Kondratenko Iu. V.* On the Delimitation of the Concept of Tax Optimization and Tax Evasion in the Activities of Units of the EBIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 1 (29).
7. *Popov V. V., Trishina E. G.* Tax Evasion as an Element of the Legal Life of Society (Theoretical and Law Enforcement Aspects). *Taxes*. 2016. No. 2.
8. *Stepanov S. V.* The Prohibition of Agency Work, or a New Type of Labor Obligation: A Legal Structure. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2016. No. 3.
9. The structure of suspicious transactions and sectors of the economy that formed the demand for shadow financial services. URL: https://cbr.ru/today/resist/resist_sub/2021_1/ (date of the application: 01.04.2022).
10. *Sukharensko A.* One-Days Will Be Taken on a Pencil. *Ej-Lawyer*. 2016. No. 6-7.

**К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ВНЕСУДЕБНЫХ И ДОСУДЕБНЫХ СПОСОБОВ
РАЗРЕШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ
В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И ПУБЛИЧНОЙ
СФЕРЕ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ СЫРЬЕМ**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-34-39>

Развитие внесудебных и досудебных форм и способов защиты прав и законных интересов организаций является одним из ключевых направлений трансформации российской правовой системы. Предметом исследования являются нормы законодательства и отдельные взгляды ученых, касающиеся внесудебных и досудебных механизмов разрешения правовых споров, возникающих в процессе осуществления оптовой торговли сельскохозяйственным сырьем. Цель работы – на основе анализа доктрины и законодательства охарактеризовать внесудебные и досудебные способы урегулирования экономических споров в гражданско-правовой и публичной сфере, возникающих в процессе осуществления оптовой торговли сельскохозяйственным сырьем. В качестве методов научного исследования автором использованы законы формальной логики, метод системного анализа, сравнительно-правовой метод. Новизна результатов заключается в том, что автором выделены особенности внесудебных и досудебных способов урегулирования экономических споров в гражданско-правовой и публичной сфере, возникающих в процессе осуществления оптовой торговли сельскохозяйственным сырьем; выявлены проблемные аспекты применения внесудебных и досудебных способов урегулирования экономических споров и сформулированы предложения по совершенствованию практики реализации внесудебного и досудебного порядка урегулирования экономических споров в указанных правоотношениях. Автор приходит к выводу, что процедуру досудебного и внесудебного разрешения споров из договоров оптовой торговли с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей и заготовителей сельскохозяйственной продукции способны улучшить такие факторы, как создание реестра правомочных медиаторов при органах власти субъектов, постоянное информирование сельскохозяйственных предпринимателей о наличии досудебных и внесудебных мер по разрешению споров, а также совершенствование институтов принудительного исполнения соглашений путем совершения нотариальной надписи.

ЩЕРБАКОВА

Лилия Геннадиевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии, доцент
кафедры гражданского права
и процесса Поволжского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Саратов)

lilia2107@mail.ru

**Экономические споры;
оптовая торговля
сельскохозяйственным сырьем;
внесудебные и досудебные
способы урегулирования
экономических споров;
медиация;
переговоры;
третейский суд;
гражданско-правовые споры**

Lilia G. SHCHERBAKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Arbitration Procedure, Saratov
State Law Academy, Associate
Professor, Department of Civil
Law and Procedure, Volga Region
Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice (Saratov)

lilia2107@mail.ru

**ON THE STATE REGULATION OF EXTRA-JUDICIAL
AND PRE-JUDICIAL METHODS OF RESOLUTION
OF ECONOMIC DISPUTES IN THE CIVIL-LEGAL
AND PUBLIC SPHERE ARISING IN WHOLESALE TRADE
IN AGRICULTURAL RAW MATERIALS**

**Economic disputes;
wholesale trade in agricultural
raw materials;
extra-judicial and pre-trial ways
of settling economic disputes;
mediation;
negotiation;
arbitration court;
civil disputes**

The development of extrajudicial and pre-trial forms and methods of protecting the rights and legitimate interests of organizations is one of the key areas for the transformation of the Russian legal system. The subject of the study is the norms of legislation and individual views of scientists regarding extrajudicial and pre-trial mechanisms for resolving legal disputes arising in the process of wholesale trade in agricultural raw materials. The purpose of the work is to characterize out-of-court and pre-trial ways of settling economic disputes in the civil and public spheres arising in the process of wholesale trade in agricultural raw materials based on the analysis of doctrine and legislation. As methods of scientific research, the author used the laws of formal logic, the method of system analysis, the comparative legal method. The novelty of the results lies in the fact that the author highlights the features of extrajudicial and pre-trial methods for settling economic disputes in the civil and public spheres that arise in the process of wholesale trade in agricultural raw materials; problematic aspects of the use of extrajudicial and pre-trial methods of settling economic disputes are identified and proposals are formulated to improve the practice of implementing extra-judicial and pre-trial procedures for settling economic disputes in these legal relations. The author comes to the conclusion that the procedure for pre-trial and out-of-court settlement of disputes arising from wholesale trade agreements with the participation of agricultural producers and procurers of agricultural products can be improved by such factors as the creation of a register of eligible mediators at the authorities of the subjects, the constant informing of agricultural entrepreneurs about the availability of pre-trial and extrajudicial measures to dispute resolution, as well as the improvement of institutions for the enforcement of agreements by making a notary inscription.

Сельскохозяйственная продукция является одним из традиционных предметов для оптовой торговли. Поставки зерна, сельскохозяйственных животных, плодово-овощной продукции и бобовых являются традиционным направлением бизнеса во многих странах. В России доля сельского хозяйства в общем ВВП экономики в последние 10 лет менялась волнообразно, однако в последние годы наметилась устойчивая тенденция роста. Это только подчеркивает высокое значение агропромышленных комплексов (далее – АПК) для развития экономики и является обоснованием для того, чтобы государство постоянно совершенствовало механизмы юридической защиты сельскохозяйственных товаропроизводителей [1, с. 116].

Оптовая торговля сельскохозяйственной продукцией опосредуется правовой формой договора контракции и различных видов договоров поставки. По смыслу ст. 535 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) договор контракции может служить правовой формой для оформления отношений между производителями сельскохозяйственной продукции (поставщиками) и покупателями, которые приобретают продукцию для нужд последующей реализации или переработки. Материальное право России не ограничивает покупателя в его праве перепродавать сельскохозяйственную продукцию, в том числе с бизнес-целью. Договор контракции защищает сельскохозяйственного поставщика, так как этот вид

деятельности сопряжен с определенными рисками. Особенностью договора является освобождение поставщика от ответственности в случае, если возникли обстоятельства непреодолимой силы, которые воспрепятствовали производству продукции [2].

Кроме того, поставщик освобождается от ответственности и в случае, когда он не смог произвести продукцию ввиду неисполнения покупателем своих обязательств. Имеются в виду ситуации, когда производитель, например, не смог вложить средства в производство продукции, так как покупатель не предоставил аванс по договору [3, с. 38]. Разрешение споров по договору контракции может происходить как в досудебном, так и в судебном порядке. Рассмотрим распространенные формы досудебного и внесудебного разрешения споров из договора контракции.

Следует заметить, что споры из договора могут возникать по причине неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, а также по причине неверного толкования сторонами условий договора. К наиболее распространенным причинам споров относятся неоплата или неполная оплата поставки сельскохозяйственной продукции, поставка товаров ненадлежащего качества или не в том количестве, которое указано договором, а также нарушение сроков исполнения обязательства по вывозу товаров из места нахождения поставщика.

С точки зрения процессуального права необходимо дифференцировать досудебные и внесудебные

формы разрешения конфликтов. Досудебные формы не исключают последующего обращения в суд и для некоторых видов споров являются обязательными. Внесудебные формы направлены на поиск самостоятельного решения конфликта при помощи правоприменения или альтернативных форм урегулирования конфликта. В первом случае речь идет об обращении в третейский суд, который разрешает спор с позиции материального права и обычаев делового оборота, но отличается от обычного суда только отсутствием государственной юрисдикции и возможностью привлечения для рассмотрения споров лиц с опытом не только в юриспруденции, но и в агробизнесе. Во втором случае речь идет о медиации – урегулировании спора с помощью специализированного посредника.

Претензионный порядок по договору контрактации не является обязательным исходя из положений ГК РФ о контрактации, однако стороны могут внести его в договор и тогда проведение претензионной работы станет необходимым условием для обращения в арбитражный суд. Кроме того, норма ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) устанавливает, что претензионный порядок является обязательным для всех случаев, когда спор касается взыскания денежных средств. Таким образом, хотя материальное право и не предусматривает обязательный досудебный порядок, процессуальное его устанавливает, и стороны обязаны провести претензионную работу с целью досудебного урегулирования споров. Это соответствует духу АПК РФ, который направлен в том числе и на налаживание деловых связей, пропаганду бизнес-этики и экологических взаимоотношений между сторонами. Однако утилитарное значение этой нормы права несколько более узкое – она призывает стороны самостоятельно реализовать свое право и исполнить обязательство по бесспорному делу и не загружать суды.

Целью претензионной работы по договорам контрактации в экономическом плане обычно является снижение дебиторской задолженности. В контексте контрактации эта правовая форма поможет решить такие проблемы, как неполная выплата аванса, непредоставление материалов, необходимых для производства продукции, если таковое было условием договора.

Это простая форма, потенциал которой кроется именно в ее простом и бесплатном характере. Сельхозпроизводитель может направить претензию в любой момент, когда обнаружит нарушение своих прав. Покупатель обязан дать ответ на претензию, однако существенной проблемой является то, что ответ дается не всегда по существу. Часто такие ответы носят формальный характер и являются лишь способом затягивания реального разрешения спора.

Плюсами претензионного порядка является то, что он простой и финансово доступный, а также позволяет создать доказательственную базу для суда. Од-

нако требования о выплатах авансов, производстве оплаты за поставку в полном объеме и вывозе сельскохозяйственной продукции из места ее производства в претензионном порядке не всегда являются исполнимыми. На их исполнимость влияют добрая воля сторон, экономическая ситуация, необходимость сохранять и поддерживать деловые отношения либо отсутствие такой необходимости. Отсутствие механизмов принудительного исполнения не позволяет считать эту форму высокоэффективной.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ исковое заявление будет возвращено судом, если стороны не соблюли претензионный порядок. Следует заметить, что эта норма защищает суд от перегрузки и дает сторонам шанс на самостоятельное разрешение спора. Однако в ряде случаев она может стать препятствием для реализации прав и законных интересов сельскохозяйственного производителя. К примеру, в ситуации, когда договор был заключен и исполнялся, платежи велись по графику, но затем заготовитель продукции попал под процедуру банкротства и внешний управляющий заморозил исполнение обязательств. В этом случае высокая скорость судебного процесса была бы большим плюсом для производителя продукции, так как в этом случае производитель мог бы успеть исполнить решение до введения процедуры банкротства. Такие ситуации требуют гибкого подхода, и, представляется, было бы целесообразным наделять претензию, заверенную нотариально, силой исполнительного листа для договоров контрактации, чтобы не ставить производителя в ситуацию, когда он вынужден прервать производство из-за того, что заготовитель не исполнил денежные обязательства.

Медиация – это урегулирование конфликта профессиональным посредником, медиатором. В отличие от арбитражного или третейского суда он не пользуется процессуальными механизмами и разрешает спор не только с позиций права и обычаев делового оборота, но и используя здравый смысл, логику, психологию, знания из области конфликтологии и бизнес-процессов. В отношении договора контрактации медиация может служить хорошим способом для того, чтобы посадить стороны за стол переговоров.

Медиатором может стать лицо, которое имеет значительный опыт ведения агробизнеса и разбирается в бизнес-процессах. Потому потенциал процедуры оценивается как достаточно высокий. Для того чтобы стороны могли разрешать спор в порядке медиации, необходимо внести в текст договора медиативную оговорку заранее. Однако если в процессе исполнения договора возникла необходимость именно в этом способе разрешения спора, то закон не препятствует сторонам заключить медиативную оговорку постфактум. Особенности процедуры в том, что медиатор помогает сторонам найти взаимовыгодное решение, которое устроит все стороны договора, и сохра-

нить деловые отношения. При этом он не навязывает свою позицию и не связан процессуальными нормами в формате разрешения споров. В настоящий момент медиация в России в АПК только внедряется. Так, в прошлом году Краснодарский край совместно с «Опорой России» запустил соответствующий проект [4]. По нашему мнению, цель проекта в большей степени информационная. Сельскохозяйственные предприниматели могут быть не осведомлены о наличии такой процедуры в законе и могут неправильно толковать медиативное соглашение. Между тем с 2019 г. заверенное нотариально медиативное соглашение имеет силу исполнительного листа, т.е. может применяться для принудительного исполнения того, о чем договорились стороны. Когда это решение принималось на уровне государства, ряд специалистов утверждал, что это нарушает дух медиации, однако с позиций целесообразности для отечественного правового поля решение было достаточно обоснованным. Многие предприниматели не пользовались альтернативными и досудебными формами разрешения юридических конфликтов именно ввиду непонятного механизма исполнения их решений и отсутствия формата принудительного исполнения.

В большей степени медиация как процедура в процессе разрешения споров из договора контрактации обладает следующими плюсами:

- медиатор не связан узкой процессуальной парадигмой, при наличии договоренности он может направиться в место расположения сельскохозяйственного предприятия и обеспечить разрешение спора без выезда, например, в областной центр для обращения в суд. Это оптимально для отдаленных регионов и ситуаций, когда предприниматель управляет и бизнес-процессами, и производством одновременно и не имеет возможности нанять в штат юриста для того, чтобы вести претензионно-исковую работу;

- медиатор может абстрагироваться от узких процессуальных требований, например, по представлению доказательств и документов, он в значительной степени работает «на доверии», выслушивая позиции сторон и предлагая им взаимовыгодные варианты решения проблем;

- медиация проще технически и может быть менее затратной по времени процедурой. Это позволяет ей более эффективно встраиваться в структуру правоотношения и обеспечивать решение проблем тогда, когда это действительно нужно. Допустим, в ситуации взыскания аванса или обеспечения вывоза продукции покупателем медиатор может помочь в разрешении спора в течение одного цикла производства без нарушения его процессов. Это позволяет вырастить продукцию и поставить ее в будущем.

Однако у медиации есть некоторые проблемы в отношении разрешения споров по сельскохозяйственной продукции. Круг медиаторов, которые об-

ладали бы экспертностью в агробизнесе и при этом являлись бы профессиональными участниками сообщества медиаторов, пока что не сформирован, что не может не сказываться на качестве оказания услуг.

Существуют такие резонные возражения против медиации, как отсутствие гарантий рассмотрения спора, вероятность того, что стороны не придут к взаимовыгодному соглашению, несмотря на профессионализм медиатора и его желание разрешить конфликт. В этом случае с момента начала процедуры до момента разрешения спора в суде и получения решения может пройти достаточно большой временной отрезок. В случае, если спор велся об авансе, платежах или вывозе продукции, это может существенно нарушить права и законные интересы сельскохозяйственного производителя. Ему, очевидно, придется закладывать определенную сумму на риски, т.е. рассчитывать, что, обращаясь к медиатору, он не всегда сможет взыскать средства в срок и обеспечить непрерывность сельскохозяйственного производства.

Процедура посредничества, или переговоров с участием посредника, в отличие от медиации, еще менее формальна. Посредником может стать любое лицо, которому стороны доверяют процесс разрешения спора, – особый правовой статус тут не нужен. Это еще больше упрощает процедуру и делает разрешение спора доступным в отдаленных регионах и буквально по первому требованию. Но стоит понимать, что стороны в данном контексте не будут максимально защищены юридически. Они могут оформить соглашение нотариально, но в целом большинство таких соглашений исполняются не принудительно, а благодаря доброй воле сторон. Участники спора могут не справиться с бременем добровольного исполнения, и тогда выгода теряется.

Третейский суд является наиболее долгой и дорогой формой разрешения конфликта. Однако он использует процессуальную процедуру, что обеспечивает участников гарантиями помимо доброй воли сторон и желания прийти к консенсусу совместными усилиями. Отличие третейской формы в том, что она опирается на нормы права, как материального, так и процессуального, однако судьями могут быть лица, которые имеют опыт в бизнесе, в том числе и сельскохозяйственном. Очевидно, что это не самая простая, быстрая и дешевая форма разрешения спора и третейские суды могут стоять особняком среди досудебных и внесудебных мер. Обоснованным и целесообразным видится обращение в них по сложным сделкам, где множественные юридические конфликты не позволяют далее продолжать нормальное русло правоотношений.

Разрешение споров по договору контрактации видится наиболее перспективным, если в процессе участвует лицо с опытом в агробизнесе. Так, договоры контрактации маслосемян могут содержать до-

полнительные требования к сушке, транспортировке продукции. То же самое касается и зерна. Выполнение этих условий – важная гарантия качества поставляемой продукции. Такие тонкости должны быть известны лицу, разрешающему споры. Договоры на контрактацию картофеля часто содержат в себе требования к таре и упаковке сырья. В договорах на поставку животноводческой продукции часто устанавливаются стандарты качества на единицу продукции, что позволяет защитить стороны от нарушений прав, возникающих с поставкой товаров ненадлежащего качества. Если вести речь о договорах на поставку животноводческой продукции, то в практике они часто включают в себя ежемесячную рассрочку платежа, что-то вроде «зарплаты фермера», из которой осуществляются выплаты на покупку кормов, оплату воды и электроэнергии и т.д.

Знание подобных моментов упростит разрешение споров в сельском хозяйстве, поэтому предлагаем ввести отдельный реестр медиаторов, обладающих знаниями и опытом в АПК.

Если покупателем является государство, то договоры заключаются в порядке Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5]. Это накладывает особенности на формат разрешения споров, а именно на претензионный порядок [6, с. 83]. Основной проблемой тут является формализм, который не позволяет не крупным участникам споров без юридической помощи самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Полагаем, что в этом случае необходимым является введение менее формальных требований к претензии и ее направлению, если речь идет о мелких сельскохозяйственных производителях. Возможно, часть проблем могла бы решиться, если бы были введены профессиональные медиаторы для разрешения споров с государством и участие в процедуре с ними могло с точки зрения закона заменить претензионный порядок.

Существуют многочисленные рекомендации для сторон указывать размер требования в претензии [7], правовое основание требования, правильные наименования правомочных сторон. Однако проблемы на практике из этого документа продолжают возникать. Следует заметить, что определенную пользу может принести составление указанного документа нотариусами, однако это делает процедуру не бесплатной. Органы власти могли бы создать базу документов для сельскохозяйственных предпринимателей, которая помогла бы облекать свои претензии в более грамотную правовую форму. Также стоит рассмотреть специализированную цифровую госуслугу – составление базовых документов для досудебного урегулирования споров. Это во многом упростило бы ситуацию для регионов, где получение качественной юриди-

ческой помощи все еще является проблемой из-за отдаленного расположения региона.

Проблемы досудебного и внесудебного урегулирования споров из отношений оптовой торговли включают в себя и вопросы доступности альтернативных и досудебных форм [8]. Так, профессиональные медиаторы есть не во всех регионах. Процедура по их поиску может стать ничуть не менее проблематичной, чем обращение в арбитражный суд. В таких регионах гораздо больше шансов на рассмотрение спора при помощи посредника, однако для повышения исполнимости таких решений требуется совершение исполнительной надписи нотариусом. И снова встает вопрос доступности: производители должны либо обратиться в местную администрацию, где лицо, исполняющее функцию нотариуса, совершит надпись, либо направиться туда, где есть нотариус. Представляется необходимым для таких случаев ввести процедуру медиации с использованием средств видеоконференц-связи. В целом удаленный формат хорошо зарекомендовал себя в период пандемии и может быть распространен и на ситуацию с медиацией или третейским производством в труднодоступной местности. Это обусловлено тем, что в процессе медиации не так широко требуется непосредственное исследование доказательств, стороны больше времени проводят в процессе выдвижения и удовлетворения взаимовыгодных требований.

Третейское производство как самостоятельный формат рассмотрения споров является не только эффективным и процессуально определенным, но и достаточно дорогим решением, поэтому может быть и не самым выгодным и перспективным, если речь идет о рассмотрении споров с участием мелких сельскохозяйственных производителей [9, с. 5–14].

Достаточно остро встают и вопросы обжалования действий и решений посредников и повторного обращения за разрешением того же самого спора. Исходя из сути и смысла досудебных, внесудебных и альтернативных процедур обжалование в классическом понимании этого события происходит путем обращения в арбитражный суд. Таким образом, эффективность альтернативных форматов полностью зависит от того, насколько профессиональным оказался посредник и насколько стороны были сами готовы и выслушать позицию друг друга, и исполнить то решение, к которому пришли в итоге процедуры. Невозможно защититься от случаев, когда время на процедуру урегулирования конфликта было потрачено, но стороны так и не получили устраивающий их результат. Потому посредник, медиатор и третейский суд должны сделать особый акцент на том, чтобы разъяснить участникам процесса, какие риски их ждут, если они не достигнут согласия в ходе процедуры и будут вынуждены обратиться в арбитражный суд за законным и обоснованным решением.

В целом же процедуру досудебного и внесудебного разрешения споров из договоров оптовой торговли с участием сельскохозяйственных товаропроизводителей и изготовителей сельскохозяйственной продукции способны улучшить такие факторы, как создание реестра правомочных медиаторов при орга-

нах власти субъектов, постоянное информирование сельскохозяйственных предпринимателей о наличии досудебных и внесудебных мер по разрешению споров, а также совершенствование институтов принудительного исполнения соглашений путем совершения нотариальной надписи.

Пристатейный библиографический список

1. Рыжкова С. М. Формы регулирования рынка органических продуктов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2022. № 2.
2. Шамина А. С. Особенности договора контрактации // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dogovora-kontraktatsii/viewer> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Малая Т. Н., Нестерова Т. И. Производитель сельскохозяйственной продукции как сторона договора контрактации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 7.
4. Медиация расширяет свою сферу применения в агробизнесе // Опора России : сайт. URL: <https://oporakubani.ru/news/307> (дата обращения: 27.04.2022).
5. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
6. Скаяева С. Р. Особенности правового регулирования отношений контрактации и проблемы разграничения договора поставки и договора контрактации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 3.
7. Методические рекомендации по спорам, возникающим из отношений контрактации // Арбитражный суд Волгоградской области : сайт. URL: <https://volgograd.arbitr.ru/node/20752> (дата обращения: 27.04.2022).
8. Павловский А. В. Медиация в России. Почему до обращения спорящих сторон в суд они так редко прибегают к процедуре медиации? // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/09/mediaciya_v_rossii_pochemu_do_obrascheniya_sporyaschih_storon_v_sud_oni_tak_redko_pribegayut_k_proce (дата обращения: 27.04.2022).
9. Ясус М. В. Вопросы экономической эффективности нового законодательства об арбитраже в России // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1.

References

1. Ryzhkova S. M. Forms of Regulation of the Market of Organic Products. *Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2022. No. 2.
2. Shamina A. S. Features of the Contracting Agreement. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dogovora-kontraktatsii/viewer> (date of the application: 27.04.2022).
3. Malaia T. N., Nesterova T. I. Producer of Agricultural Products as a Party to the Contract Agreement. *Property Relations in the Russian Federation*. 2016. No. 7.
4. Mediation expands its scope in agribusiness. URL: <https://oporakubani.ru/news/307> (date of the application: 27.04.2022).
5. Federal Law of 5 April 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 14. Art. 1652.
6. Skiaeva S. R. Peculiarities of Legal Regulation of Contracting Relations and Problems of Delimitation of a Supply Agreement and a Contracting Agreement. *Bulletin of Maikop State Technological University*. 2012. No. 3.
7. Guidelines for disputes arising from contracting relations. URL: <https://volgograd.arbitr.ru/node/20752> (date of the application: 27.04.2022).
8. Pavlovskii A. V. Mediation in Russia. Why Do They So Rarely Resort to Mediation Before the Disputing Parties Go to Court? URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/09/mediaciya_v_rossii_pochemu_do_obrascheniya_sporyaschih_storon_v_sud_oni_tak_redko_pribegayut_k_proce (date of the application: 27.04.2022).
9. Iasus M. V. Issues of Economic Efficiency of the New Legislation on Arbitration in Russia. *Bulletin of Arbitration Practice*. 2017. No. 1.

НАСЛЕДНИКИ АВТОРОВ КАК УЧАСТНИКИ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-40-43>

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что многие проблемы, связанные с наследованием авторских прав и особенностями правового положения наследников как участников правоотношений по использованию произведений, остались нерешенными до настоящего времени, что объясняется как спецификой авторских прав, так и непоследовательностью развития законодательных положений, регулирующих соответствующие отношения. Предметом исследования являются нормы гражданского законодательства, позволяющего выявить особенности правового положения наследников авторов как участников правоотношений по использованию произведений. Цель статьи состоит в определении правового статуса наследников авторов произведений. При проведении исследования использовались диалектико-материалистический метод научного познания, анализ, синтез, системный подход, догматико-юридический метод, правовое моделирование. Диалектико-материалистический метод позволил исследовать особенности правового статуса наследников авторов произведений в его единстве. Использование методов анализа и синтеза дало возможность охарактеризовать специфику реализации права наследников авторов произведений, опираясь на доктрину и практику. Использование системного подхода привело к структурированному изложению эмпирического материала. Догматико-юридический метод направлен на изучение законодательства Российской Федерации о наследовании. Отмечается необходимость унификации правовых подходов, регламентирующих правовые возможности наследников авторов как участников отношений по использованию произведений, а также преодоления неоднозначности действующих законодательных норм, в том числе определяющих порядок и условия реализации наследниками автора полномочий на защиту его личных неимущественных прав. Делается вывод о необходимости обеспечить последовательное выделение авторов и их наследников в качестве особой категории правообладателей для целей дальнейшего развития законодательства и практики его применения.

КОЗЛОВА

Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук,
младший научный сотрудник
научно-образовательного центра
«Цивилист» Юго-Западного
государственного университета
(г. Курск)

Mano173318@yandex.ru

**Автор;
авторское право;
произведение;
наследники автора;
правообладатель;
исключительное право;
распоряжение
исключительным правом;
защита авторских прав**

Maria V. KOZLOVA

Candidate of Legal Sciences, Junior
Researcher, Scientific and Educational
Center "Civilist", Southwest State
University (Kursk)

Mano173318@yandex.ru

**Author;
copyright;
work;
heirs of the author;**

HEIRS OF AUTHORS AS PARTICIPANTS

IN LEGAL RELATIONSHIPS FOR THE USE OF WORKS

The relevance of the chosen topic is due to the fact that many problems associated with the inheritance of copyright and peculiarities of the legal status of heirs as participants of legal relations on the use of works remain unresolved to date, due to both the specificity of copyright, and the inconsistent development of legislative provisions governing the relationship. The subject of the research is the norms of civil legislation, which allows to identify the specifics of the legal status of the heirs of authors as participants of legal relations on the use of works. The aim of the article is to determine the legal status of the heirs of authors of works. The article used dialectical-materialistic method of scientific knowledge, analysis,

**rightsholder;
exclusive right;
disposal of exclusive rights;
copyright protection**

synthesis, systematic approach, dogmatic-legal method, legal modeling. The dialectical-materialistic method allowed to study the peculiarities of the legal status of the heirs of authors of works in its unity. The use of methods of analysis and synthesis made it possible to characterize the specifics of realization of the right of heirs of authors of works on the basis of doctrine and practice. The use of the systematic approach led to a structured presentation of the empirical material. The dogmatic-legal method is aimed at studying the legislation of the Russian Federation on inheritance. The necessity of unification of legal approaches regulating legal possibilities of heirs of authors as participants of relations on use of works is noted, and also overcoming of ambiguity of existing legislative norms, including defining the order and conditions of realization by heirs of the author of powers on protection of his personal non-property rights. It is concluded that it is necessary to ensure the consistent allocation of authors and their heirs as a special category of copyright holders for the purposes of further development of legislation and practice of its application.

Вопросы наследования авторских прав неоднократно становились объектами научного исследования [1; 2; 3], рассматривались в авторитетных научных публикациях [4; 5; 6, с. 13–21]. Однако многие проблемы, связанные с наследованием авторских прав и особенностями правового положения наследников как участников правоотношений по использованию произведений, остались нерешенными до настоящего времени.

В значительной степени такие проблемы объясняются особенностями объектов авторских прав, обуславливающих также специфику наследования исключительных прав на них: «Указанные проблемы обусловлены, прежде всего, спецификой наследования авторских прав, существенными различиями между наследованием прав на произведения, являющиеся нематериальными объектами – результатами интеллектуальной деятельности, и наследованием прав на материальные объекты, особенностями законодательного закрепления правомочий наследников авторов произведений и рядом других факторов» [3, с. 3].

Однако наряду с особенностями объектов правовой охраны существенным фактором, предопределяющим возникновение проблем в сфере наследования авторских прав, является непоследовательность правовой доктрины и законодательства при определении правового положения наследников авторов.

С одной стороны, наследники авторов во многих случаях приравниваются к авторам в качестве «слабой стороны» гражданско-правовых отношений, нуждающейся в повышенном уровне правовой защищенности, наряду с авторами их наследники отграничиваются от иных категорий правообладателей. С другой стороны, законодательство и судебная практика зачастую рассматривают права наследников в качестве допускающих существенные ограничения по сравнению с правами авторов, что не может не сказываться самым негативным образом на охране таких прав.

Признание возможности перехода по наследству возникающих у автора имущественных прав на произведения является традиционным подходом для российского законодательства [7, с. 67–71]. Начиная с принятия Положения о правах сочинителей от 22 апреля 1828 г. [8, с. 35] и до настоящего времени такая возможность предусматривалась законодательными актами, действовавшими в соответствующие исторические периоды развития отечественного авторского права. Единственным исключением из данного подхода явился кратковременный отказ в признании возможности перехода авторских прав по наследству, имевший место в 1917 г. [8, с. 37–39], но в дальнейшем срок действия авторских прав после смерти автора увеличивался и соответственно продлевался период, в течение которого имущественные права автора могли принадлежать его наследникам и осуществляться ими в качестве правообладателей.

Необходимость признания перехода по наследству имущественных прав на произведения предусматривается на международном уровне и закрепляется в основополагающих международных соглашениях в области авторского права и интеллектуальной собственности, в том числе в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, согласно ст. 7 которой срок охраны имущественных авторских прав не может составлять менее 50 лет после смерти автора [9].

Предоставление более длительной охраны по сравнению с периодом жизни автора и переход прав на произведения по наследству обусловлены не только учетом интересов семьи автора и его непосредственных наследников, но и прежде всего необходимостью обеспечения охраны произведения в течение срока, достаточного для реализации прав на произведения, их коммерциализации в рамках различного рода проектов (книгоиздания, кинопроиз-

водства и т.д.) и ведения бизнеса, основанного на использовании произведений и их элементов.

Вместе с тем права наследников авторов всегда имеют ограниченный характер по сравнению с правами самих авторов. Так, возникающая у автора в результате создания произведения совокупность прав, включающая имущественные и личные неимущественные права, или, в терминологии, используемой в зарубежных публикациях, «экономические» и «моральные» права [10], не может в полном объеме переходить по наследству, так как наследование возможно только в отношении имущественной составляющей авторских прав.

Таким образом, используемый ранее термин «наследование авторских прав» не в полной мере отражал правовую сущность отношений, возникающих при таком наследовании. Однако применяемое в настоящее время понятие наследования исключительных прав также является недостаточно точным, поскольку оно ограничивает спектр правоотношений, возникающих при наследовании прав автора, включая переход прав на получение отдельных видов вознаграждения (ст. 1245, п. 2 ст. 1263, ст. 1293 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)).

Кроме того, наследникам автора в силу указаний закона (ст. 1267 ГК РФ) предоставляются особые полномочия для защиты личных неимущественных прав автора-наследодателя, включая возможность защиты имени автора и неприкосновенности его произведений. Попытки охватить данные правовые возможности в рамках единого института наследования авторских прав и имущественного характера возникающих при этом правоотношений приводят исследователей к оригинальным выводам и предложениям. Так, один из наиболее оригинальных подходов предлагается профессором Э. П. Гавриловым: «Дискуссии о переходе по наследству права на неприкосновенность и права на обнародование произведения идут постоянно, конца им не видно. Полагаю, целесообразно признать, что указанные личные неимущественные права включают имущественный элемент и потому переходят по наследству» [5].

Однако данный подход также выглядит нелогичным, в частности в связи с тем, что возникновение полномочий на защиту личных неимущественных прав автора может в соответствии с действующим законодательством происходить без перехода исключительного права или иных имущественных прав, т.е. без формального наследования имущественных прав. Наличие у наследников возможности принятия мер для защиты личных неимущественных прав автора является одним из проявлений признаваемой законодательством особой правовой связи между созданным автором произведением и наследниками автора, обладающими в связи с наличием такой связи особым правовым статусом [3, с. 11–12].

Наследники, рассматриваемые в определенной степени как продолжатели личности автора, пользуются рядом правовых преференций, предусмотренных законодательством в отношении авторов. В то же время примером непоследовательности законодателя может служить положение п. 2 ст. 1295 ГК РФ, предусматривающее, что к наследнику не переходят права на вознаграждение за служебное произведение. Таким образом, в отличие от права следования (ст. 1293 ГК РФ), права на вознаграждение для авторов музыкальных произведений, вошедших в аудиовизуальное произведение (п. 3 ст. 1263 ГК РФ), и иных имущественных прав право на вознаграждение за служебное произведение не переходит по наследству. К наследнику автора служебного произведения могут перейти только права по договору, заключенному таким автором с работодателем, а также права на получение доходов, не полученных автором.

Наследниками авторов согласно ст. 1117 ГК РФ может становиться широкий круг физических лиц, юридических лиц, публично-правовых образований, международных, российских и зарубежных организаций, а также муниципальные образования и государства. Физические лица, юридические лица и иные наследники должны обладать правовыми возможностями как для реализации унаследованных прав, так и для полноценной защиты прав авторов, соблюдения их воли и намерений, если авторами были выражены соответствующие распоряжения в отношении произведений или если наследники авторов, особенно выбранные им при составлении завещания, обладают информацией об их волеизъявлении. Принцип недопустимости использования произведения и распоряжения правами на произведение без согласия автора или его наследника должен быть в полной мере распространен на случаи, когда наследниками автора оказываются указанные выше юридические лица или публично-правовые образования [11, с. 154–157].

При этом если наследники наследников авторов приравниваются для целей применения законодательных положений к непосредственным наследникам автора, то и правопреемники юридических лиц, которым автором по завещанию были переданы по наследству права на произведения, должны также обладать полномочиями, аналогичными предоставляемым непосредственным наследникам автора, иметь возможность реализовывать их в том же объеме, что и другие наследники [7, с. 67–71].

В отношении перешедших к таким лицам в порядке наследования прав на произведения автора-наследодателя также должны быть исключены возможности обращения взыскания, как это предусматривается в отношении исключительного права на произведение, принадлежащее автору или перешедшее к его наследнику (ст. 1284 ГК РФ). Исключение из данного правила могут составлять только случаи, в которых на-

следник автора по своей воле передает соответствующее исключительное право в залог, тем самым признавая последующую возможность отчуждения такого права без получения дополнительного согласия, поскольку такое согласие было им выражено непосредственно при принятии решения о залоге права.

Анализ особенностей реализации и защиты авторских прав наследниками авторов свидетельствует о наличии значительного числа проблем, не решенных до настоящего времени и обусловленных как спецификой авторских прав, так и непоследовательностью развития законодательных положений, регулирующих отноше-

ния в рассматриваемой области. Необходимо обеспечить унификацию правовых подходов, регламентирующих правовые возможности наследников авторов как участников отношений по использованию произведений, преодолеть неоднозначность толкований действующих законодательных норм, в том числе в отношении порядка и условий реализации наследниками автора полномочий на защиту его личных неимущественных прав, а также обеспечить последовательное выделение авторов и их наследников в качестве особой категории правообладателей для целей дальнейшего развития законодательства и практики его применения.

Пристатейный библиографический список

1. Косинков В. В. Наследование интеллектуальных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.
2. Набиев С. Р. Положения об обязательной доле в наследстве и особенности их применения при наследовании авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Рождественская К. Ю. Особенности наследования авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
4. Булаевский Б. А., Новоселова Л. А., Гринь Е. С., Ульянова Е. В. Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству. М. : Проспект, 2019.
5. Гаврилов Э. П. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 11 (СПС «Консультант-Плюс»).
6. Гаврилов Э. П., Ростовцева Н. В. Лабиринты наследственного права : теоретический анализ // Патенты и лицензии : интеллектуальные права. 2020. № 12.
7. Козлова М. В. Авторы и их наследники как особые категории правообладателей // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6.
8. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М. : Проспект ; ТК Велби, 2007.
9. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров Российской Федерации. 2003. № 9.
10. WIPO Lex – A Free Global Database of IP Laws and Treaties // World Intellectual Property Organization : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/index.html> (дата обращения: 11.06.2022).
11. Козлова М. В. Особенности реализации и защиты авторских прав наследниками авторов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9.

References

1. Kosinkov V. V. Inheritance of Intellectual Rights: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2017.
2. Nabiev S. R. Provisions on the Mandatory Share in the Inheritance and Features of Their Application in the Inheritance of Copyright: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2007.
3. Rozhdestvenskaia K. Iu. Peculiarities of Inheritance of Copyright: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2013.
4. Bulaevskii B. A., Novoselova L. A., Grin E. S., Ulianova E. V. Inheritance of Intellectual Rights Under Russian Law. Moscow: Prospekt, 2019.
5. Gavrilov E. P. On the Inheritance of Intellectual Rights. *Economy and Law*. 2011. No. 11.
6. Gavrilov E. P., Rostovtseva N. V. Labyrinths of Inheritance Law: Theoretical Analysis. *Patents and Licenses: Intellectual Rights*. 2020. No. 12.
7. Kozlova M. V. Authors and Their Heirs as Special Categories of Copyright Holders. *Gaps in Russian Legislation*. 2019. No. 6.
8. Sergeev A. P. Intellectual Property Rights in the Russian Federation. Moscow: Prospekt; TK Velbi, 2007.
9. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 9 September 1886. *Bulletin of International Treaties of the Russian Federation*. 2003. No. 9.
10. WIPO Lex – A Free Global Database of IP Laws and Treaties. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/index.html> (date of the application: 11.06.2022)
11. Kozlova M. V. Features of the Implementation and Protection of Copyright by the Heirs of the Authors. *Eurasian Legal Journal*. 2019. No. 9.

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИКРОСРЕДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-44-50>

Настоящая статья посвящена проблеме соотношения корпоративного договора и устава в хозяйственных обществах. Данная тема является актуальной в силу отсутствия в законодательных актах императивных указаний на пределы действия корпоративного договора. Существующие формулировки в нормативных актах, в частности п. 7 ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которым противоречие корпоративного договора уставу не приводит к его недействительности, не позволяют однозначно утверждать о последствиях возникновения коллизии между указанными документами. Соответственно, возникает ситуация, когда в правовом поле могут существовать параллельно две взаимоисключающие нормы, регулирующие деятельность общества, каждая из которых может быть признана действительной. Такая ситуация может привести к возникновению корпоративных конфликтов и одновременно затруднить их разрешение. Предметом статьи является анализ соотношения правовых норм, регулирующих корпоративный договор, и норм, регламентирующих учредительные документы хозяйственных обществ. Цель работы – на основе проведенного анализа выявить проблемы в регламентации корпоративных отношений, а также предложить пути их разрешения. Методологическую основу исследования составили методы сравнения и анализа, а также логический, системно-структурный и исторический методы познания социальной действительности. В работе проводится анализ проблем применения корпоративного договора при регулировании микросреды предпринимательства. Основные результаты исследования направлены на установление проблем практического применения корпоративного договора в процессе регулирования микросреды предпринимательства в целях разработки правовых подходов к законодательной регламентации отношений участников хозяйственных обществ. Учитывая изложенное, предлагается законодательно установить приоритет учредительных документов над любыми иными соглашениями, принятыми в рамках хозяйственных обществ. Кроме того, безусловно следует предусмотреть возможность ознакомления с содержанием корпоративного договора участникам общества, даже не подписавшим его, а также иным лицам (например, желающим вступить в число участников), доказавшим свою заинтересованность в данной информации в судебном порядке. В настоящее время законодатель ввел на это ряд ограничений.

ЕРМАКОВ

Андрей Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности (г. Москва)
e_rmakov@rambler.ru

**Микросреда
предпринимательства;
юридическое лицо;
организационные нормы;
корпоративный конфликт;
хозяйственное общество;
устав;
корпоративный договор**

---

* Исследование проведено в рамках выполнения НИР «Влияние системных проблем развития предпринимательской среды в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации экономики и формирование путей их разрешения» (госзадание ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», проект № 8-ГЗ-2022).

Andrei V. ERMAKOV

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil
and Business Law, Russian State
Academy of Intellectual Property
(Moscow)

e_rmakov@rambler.ru

**Microenvironment
of entrepreneurship;
legal entity;
organizational norms;
corporate conflict;
business company;
charter;
corporate agreement**

CORPORATE CONTRACT AS AN ELEMENT OF LEGAL REGULATION OF MICROENVIRONMENT OF ENTREPRENEURSHIP

This article is devoted to the problem of the relationship between the corporate contract and the Charter in business companies. This topic is relevant due to the absence of mandatory indications in legislative acts on the limits of the corporate contract. The existing formulations in the regulations, and in particular point 7 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which the contradiction of a corporate agreement to the charter does not lead to its invalidity, does not allow us to unequivocally assert the consequences of a conflict between these documents. Accordingly, a situation arises when two mutually exclusive norms regulating the company's activities can exist in parallel in the legal field, each of which can be recognized as valid. Such a situation can lead to corporate conflicts and, at the same time, make it difficult to resolve them. The subject of the article is the analysis of the correlation of the legal norms regulating the corporate contract and the norms regulating the constituent documents of business companies. The purpose of the work is to identify problems in the regulation of corporate relations on the basis of the analysis carried out, as well as to suggest ways to resolve them. The methodological basis of the study was the methods of comparison and analysis, as well as logical, system-structural and historical methods of cognition of social reality. The paper analyzes the problems of applying a corporate contract in regulating the microenvironment of entrepreneurship. The main results of the study are aimed at establishing the problems of practical application of a corporate contract in the process of regulating the microenvironment of entrepreneurship, in order to develop legal approaches to the legislative regulation of relations between participants of business companies. Taking into account the above, it is proposed to legislatively establish the priority of constituent documents over any other agreements adopted within the framework of business companies. In addition, of course, it should be possible to familiarize the company's participants with the contents of the corporate agreement, even those who have not signed it, as well as other persons (for example, those wishing to join the number of participants) who have proved their interest in this information in court. Currently, the legislator has introduced a number of restrictions on this.

1. Механизмы правового регулирования внутренней организации деятельности корпораций

Вопросы микросреды предпринимательства, т.е. внутренней организации деятельности юридического лица, внутрикорпоративных механизмов [1, с. 146–147], влияющих на предпринимательскую деятельность, по большей части являются объектом исследований экономистов, которые, с очевидностью, большее внимание уделяют связи экономических показателей корпорации с кадровой обеспеченностью организации, с финансовым и бухгалтерским учетом, с ресурсным обеспечением компании.

В меньшей степени данное понятие раскрывается через призму юридической регламентации внутрифирменного взаимодействия. Хотя, и это представляется очевидным, любое организационное

взаимодействие, не положенное на фундамент правовых норм, представляет собой весьма нестабильную систему, зависящую от случайных, и порой не предсказуемых, факторов.

При этом действующее законодательство дает вполне понятную структуру правовой регламентации внутренней деятельности компании, ее организации.

За последние годы сформировался правовой «костяк» регулирования таких отношений, который обладает достаточной гибкостью для того, чтобы каждое юридическое лицо могло его применить в своих целях и интересах.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению действующих в настоящее время в данной сфере правовых норм, представляется правильным совершить небольшой исторический экскурс, чтобы понять те-

оретический фундамент, на котором возникло действующее правовое регулирование.

В статье, датированной еще 1915 г., которая так и называлась – «Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия», Л. С. Таль писал, цитируя немецкого юриста Вильгельма Эндемана, что сущность предприятия «не исчерпывается понятием о совокупности имущества. Оно – звено хозяйственной жизни и, следовательно, не только объект вещных или личных правомочий. Собственник или хозяин часто является лишь главой или душой предприятия, а иногда даже этого нет. Оно имеет свой собственный характер и свой ход, отнюдь не зависящие от одного произвола собственника. Предприятию, а не личности хозяина отдают свои силы служащие, да и он сам» [2, с. 4].

Вместе с тем длительное время существовала точка зрения, сторонниками которой выступали, например, Ю. С. Гамбаров [3, с. 456] и Н. М. Коркунов [4, с. 207–213], в соответствии с которой субъект – это всегда человеческая личность. Другие ученые говорили об отсутствии дееспособности у юридических лиц (Г. Ф. Шершеневич [5, с. 93], А. М. Гуляев [6, с. 47]) и, соответственно, о том, что ее носителями являются лица, их представляющие. Позднее указанные взгляды нашли отражение в теориях юридического лица – коллектива [7] и юридического лица – администрации/директора, разрабатывавшихся советскими учеными в середине прошлого века [8; 9]. Так, по мнению Ю. К. Толстого, являвшегося одним из апологетов теории «директора», носителем гражданской правоспособности любой организации¹ является ее руководитель [9, с. 88–89]. В свою очередь, С. Н. Братусь, сторонник теории «коллектива», указывал, что «хотя воля юридического лица психологически является волей органов, социально и юридически – это воля коллективного образования, не сводимого к сумме его органов» [7, с. 201].

Современная цивилистика придерживается иной позиции. Господствующей точкой зрения является определение юридического лица как «истинной воледееспособной и дееспособной личности» [10, с. 194]. Подобный подход подтвержден и законодательно. Так, в ст. 48 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) указано, что «юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». Статья 49 ГК РФ, в свою очередь, говорит о наличии у юридических лиц правоспособности, которая определена как возмож-

ность «иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе... и нести связанные с этой деятельностью обязанности». И хотя в ГК РФ нет статей, посвященных дееспособности юридического лица, нельзя не согласиться с мнением авторов, указывающих на то, что толкование норм законодательства, судебные акты и доктринальные исследования дают возможность с уверенностью утверждать о признании законодателем за юридическим лицом и самостоятельной дееспособности [11, с. 8].

Учитывая признание за юридическим лицом полноценной субъектности, актуальным становится вопрос юридической регламентации внутренней организации данного юридического образования, оценки норм, определяющих способы и методы взаимодействия внутри предприятия, обуславливающих его организационное единство.

Данный вопрос также имеет свою историю и являлся предметом научной дискуссии еще в 1960-х гг.

Основной проблемой, обсуждавшейся юристами в середине прошлого века, являлась корректность отнесения норм, регулирующих так называемые организационные отношения, к сфере гражданско-правового регулирования.

Так, С. Н. Братусь считал, что организационные отношения не входят в предмет гражданского права, так как не являются имущественными, выступая только предпосылкой их возникновения [12, с. 42–46]. В свою очередь, О. А. Красавчиков в статье «Гражданские организационно-правовые отношения» утверждал, что организационные отношения представляют собой «построенные на началах координации и субординации социальные связи, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных образований...» [13, с. 163]. Они представляют собой «реализацию государственной или собственной инициативы». Он обоснованно указывал, что организационные отношения возможны в различных отраслях права (в том числе в гражданском и трудовом) и не являются монополией права административного [13, с. 159].

Данная позиция, по крайней мере в сфере корпоративных отношений, в дальнейшем нашла поддержку у ряда цивилистов [14, с. 55; 15, с. 113; 16, с. 6], да и у законодателя, включившего в соответствии со ст. 2 ГК РФ в предмет гражданско-правового регулирования «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)».

Таким образом, если говорить о микросреде предпринимательства, то с точки зрения гражданского права, да и права в целом в ее основе лежат именно организационные нормы, нормы, формиру-

¹ В контексте данной статьи указанное понятие употребляется в качестве синонима юридического лица.

ющие внутреннюю организацию деятельности юридического лица.

Данные нормы, очевидно, следует разделить на две большие группы. К первой относятся отношения, являющиеся предметом гражданского права. К ним можно отнести в первую очередь корпоративные отношения, регулируемые учредительными документами компании (уставом, учредительным договором) и, конечно, возникающие в рамках корпоративного договора (или договора об управлении хозяйственным партнерством).

В какой-то мере сюда могут быть отнесены и нормы, регулирующие режим коммерческой тайны, определяющие права на служебные результаты интеллектуальной деятельности, в той степени, в которой они являются предметом регулирования четвертой части ГК РФ.

Вторая группа отношений – это, безусловно, отношения трудовые, возникающие в рамках коллективного и индивидуального трудовых договоров, зачастую регулируемые должностными инструкциями, иными актами, принимаемыми в рамках юридического лица, актами, которые определяют правовые отношения в трудовом коллективе.

Таким образом, структурно правоотношения внутри компании выглядят следующим образом:

1) база, фундамент – их составляют корпоративные документы (устав или учредительный договор), положения которых обязательны в силу законодательства;

2) следующий уровень – это корпоративный договор, определяющий права и обязанности участников компании. Данный документ подписывается исключительно по желанию участников и поэтому существует не в каждой компании;

3) затем идет коллективный трудовой договор, регулирующий отношения между собственником и работниками. Он также может отсутствовать в ряде организаций;

4) далее следуют управленческие и организационные акты компаний, включая положения об органах управления;

5) и нижний уровень регулирования микросреды в компании – индивидуальные договоры между юридическим лицом и работниками.

В рамках компании могут существовать и так называемые кодексы корпоративного управления. Однако их юридическая сила практически не определена нормативно, любое их применение носит рекомендательный характер (в частности, подобный подход отражен в письме Центрального банка РФ от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463).

При регулировании микросреды корпорации наиболее проблемным является вопрос соотношения внутренних актов компании, в первую очередь корпоративного договора, принятие которых происхо-

дит по усмотрению хозяйствующего субъекта, и актов обязательных, предусмотренных законодательством, соотношения императивного и диспозитивного начала в регулировании корпоративных отношений. Причем вопрос не только в том, как та или иная корпорация определяет взаимоотношения внутри организации, но и в подходе законодателя к регламентации данных вопросов.

Следует понимать, что корпоративный договор введен в законодательство с целью избежать конфликтов между участниками общества, а в случае их возникновения – облегчить разрешение. Поэтому при оценке существующей правовой регламентации следует принимать во внимание, насколько законодательство позволяет достичь данной цели.

При этом само понятие «корпоративный конфликт» может трактоваться различным образом. Для целей настоящей работы под ним понимается любое противоречие между сторонами корпоративных отношений [17, с. 56]. От корпоративного конфликта следует отличать корпоративный спор, под которым в соответствии со ст. 225 Арбитражного процессуального кодекса РФ следует понимать спор, связанный с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей (таким образом, конфликт по отношению к спору является понятием родовым). Как уже было сказано, именно попыткой предотвратить корпоративные конфликты между акционерами было вызвано введение в законодательство института корпоративного договора, который будет рассмотрен в следующей части настоящего исследования.

2. Пределы действия корпоративного договора

Место корпоративного договора в системе норм, регламентирующих внутрикорпоративные отношения, долгое время являлось крайне неопределенным. Подобные соглашения в РФ не подлежали судебной защите. Так, в начале 2000-х гг. в судах рассматривались два дела, затравившие юридическую силу корпоративных договоров, имевшие достаточно широкий резонанс в предпринимательских и научных кругах. Это дела об оспаривании соглашений акционеров ОАО «Мегафон» (постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 г. по делу № А75-3725-Г/04-860/2005) и компании «Русский Стандарт Страхование» (решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 декабря 2006 г. по делу № А40-62048/06-81-343). В решениях по обоим делам соглашения акционеров признавались недействительными либо в оспариваемой части (дело ОАО «Мегафон»), либо полностью (дело ком-

пании «Русский Стандарт Страхование»). Более того, в последнем решении было прямо указано, что права и обязанности акционеров могут регулироваться ГК РФ, Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», учредительными документами. Закон не предусматривает возможности регулирования прав и обязанностей акционеров никакими иными документами, в том числе соглашениями акционеров.

Однако именно потребность предпринимателей в дополнительном, помимо учредительных документов, регулировании отношений в корпорации привела к тому, что в законодательстве появились нормы, регламентирующие корпоративный договор. При этом необходимо отметить, что попытки легализации соглашений участников предпринимались и раньше.

В 2008 г. в ст. 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» был добавлен п. 3, в соответствии с которым появилась возможность заключать соглашения об осуществлении прав участников; в 2009 г. аналогичные нормы появились в Федеральном законе «Об акционерных обществах». В результате данной новации стало возможным заключать акционерные соглашения. Однако рассматриваемые нормы не получили широкой практической реализации, видимо, ввиду их рамочного характера.

Чуть позже Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах», вступивший в силу 1 июля 2012 г., ввел новый вид коммерческой организации – хозяйственное партнерство. Кроме того, Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 393-ФЗ «О внесении изменений в статью 50 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О хозяйственных партнерствах»» внесены изменения в ст. 50 ГК РФ. Суть изменения такова: юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться также в форме хозяйственных партнерств. Партнерство создается двумя или более лицами, а в управлении его деятельностью принимают участие, кроме участников партнерства, иные лица в пределах и в объеме, предусмотренных соглашением об управлении партнерством.

Данный документ, регламентирующий основные вопросы деятельности упомянутого юридического лица, не подлежал государственной регистрации и по сути являлся обычным гражданско-правовым договором, соглашением участников.

Благодаря этому основной особенностью хозяйственных партнерств является исключительная гибкость в сфере корпоративного управления. Однако данная организационно-правовая форма юридических лиц не получила распространения. За весь пери-

од действия Закона их было зарегистрировано менее 70, что говорит о непопулярности указанной формы ведения хозяйственной деятельности. Именно поэтому делать какие-либо выводы о корпоративных договорах на основании столь ограниченной практики не представляется возможным.

О кардинальной реформе внутрикорпоративного управления стало возможным говорить только после принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», в соответствии с которым «договор об осуществлении прав участников общества» и «акционерное соглашение» были признаны разновидностями «корпоративного договора». И хотя данному договору посвящена только одна статья ГК РФ, она достаточно детально регламентирует его содержание, позволяя участникам хозяйственных обществ урегулировать спорные вопросы на основании их свободного волеизъявления.

Вместе с тем указанные изменения не решили проблему пределов действия данных соглашений, и в первую очередь проблему соотношения учредительных документов и корпоративного договора.

Наибольшую остроту этой проблеме придает норма, содержащаяся в п. 7 ст. 67.2 ГК РФ, в соответствии с которой противоречие корпоративного договора уставу не приводит к его недействительности.

Нельзя не согласиться с учеными, утверждающими, что данную норму нельзя расценивать как фиксацию приоритета корпоративного договора перед нормами устава [18, с. 57]. Однако и приоритет учредительного документа перед договором в силу названной нормы выглядит сомнительным.

Таким образом, данное положение законодательства при его буквальном толковании может привести к ситуации, когда в правовом поле существуют параллельно две взаимоисключающие правовые нормы, регулирующие деятельность общества, каждая из которых может быть признана действительной.

Исходя из этого нельзя не согласиться с мнением ученых, считающих, что законодатель рассматривает отношения между участниками юридического лица, складывающиеся в рамках корпорации, и отношения между теми же субъектами, возникающие на основе корпоративного договора, как автономные, относительно независимые друг от друга [19, с. 153].

Этот подход порождает ряд очевидных проблем, и его обоснованность представляется сомнительной.

Так, следует принимать во внимание тот факт, что в соответствии с ГК РФ «участники хозяйственного общества, заключившие корпоративный договор, обязаны уведомить общество о факте заключения

корпоративного договора, при этом его содержание раскрывать не требуется». Несмотря на оговорку о частичной обязанности раскрывать содержание корпоративного договора для публичных обществ, возникает ситуация, при которой ряд участников общества, а иногда и третьи лица (например, кредиторы общества) будут связаны соглашением, содержание которого не будет известно заинтересованным лицам, в том числе членам общества, не подписавшим корпоративный договор.

Это может создать определенное неравенство в правах между участниками хозяйственных обществ. При этом, как уже говорилось, лица, не подписавшие данный документ, не могут в полной мере полагаться и на положения устава, так как они могут быть частично изменены в корпоративном договоре.

Таким образом, законодатель, определив в качестве приоритета регулирования свободу воли сторон корпоративного договора, с очевидностью создал ситуацию фактического неравенства членов хозяйственного общества, лишил их гарантированных учредительными документами прав. Более того, данная норма в действующей редакции лишает корпора-

тивную структуру стройности, привносит в регулирование отношений элемент неопределенности и, соответственно, вместо упрощения процедур разрешения корпоративных конфликтов делает ситуацию абсолютно непредсказуемой, особенно с учетом отсутствия устоявшейся судебной практики по данной категории дел.

Учитывая изложенное, очевидно, что законодательство о корпоративных договорах нуждается в усовершенствовании. В частности, было бы логичным установить приоритет учредительных документов перед любыми иными соглашениями, принятыми в рамках хозяйственных обществ. Кроме того, безусловно следует предусмотреть возможность знакомиться с содержанием корпоративного договора всем участникам общества, а также иным лицам (например, желающим вступить в число участников), доказавшим свою заинтересованность в данной информации в судебном порядке. Это позволило бы обеспечить большую прозрачность корпоративной структуры и ликвидировало бы возможность злоупотребления правом в отношении лиц, не подписавших корпоративный договор.

Пристатейный библиографический список

1. *Козлова Е. Б., Козлов Д. О.* Краудфандинг : развитие предпринимательской среды и проблемы правового регулирования // Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : монография. М. : Юстицинформ, 2021.
2. *Таль Л. С.* Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия // Отдельный оттиск из журнала «Юридический вестник». 1915. Кн. IX (I).
3. *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. Общая часть. М. : Зерцало, 2003.
4. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. М. : РОССПЭН, 2010.
5. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : Спарк, 1995.
6. *Гуляев А. М.* Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. СПб., 1907.
7. *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М. : Госюриздат, 1950.
8. *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М. : Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Толстой Ю. К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955.
10. *Козлова Н. В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учебное пособие. М. : Статут, 2003.
11. *Артеменков С. В., Долинская В. В., Козлова К. Н., Макарова Я. М., Манукян С. М., Плинка Я. В.* Юридические лица : пособие. М. : Изд. Гос. Думы, 2000.
12. *Братусь С. Н.* Предмет и система советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963.
13. *Красавчиков О. А.* Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989 : сборник статей. М. : Статут, 2001.
14. *Варюшин М. С.* Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров : монография. М. : Юрлитинформ, 2016.
15. *Пахомова Н. Н.* Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екатеринбург : Налоги и финансовое право, 2005.
16. *Сергеев А.* Юридическая природа и исполнимость соглашений акционеров по российскому праву // Корпоративный юрист. 2007. № 10.

17. *Ефименко Е. Н., Липтев В. А.* Корпоративные конфликты (споры) : учебно-практическое пособие. М. : Проспект, 2014.
18. *Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю., Янтюрина К. П.* Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров по законодательству Российской Федерации : монография. М. : Рос. гос. социальный ун-т, 2019.
19. *Бычков А. И.* Динамика договорных правоотношений // Экономико-правовой бюллетень. 2016. № 10.

References

1. *Kozlova E. B., Kozlov D. O.* Crowdfunding: Development of the Business Environment and Problems of Legal Regulation. In *Modern Problems of the Development of Entrepreneurial and Corporate Law in Russia and Abroad: Monograph*. Moscow: Iustitsinform, 2021.
2. *Tal L. S.* The Legal Nature of the Organization or the Internal Order of the Enterprise. *Separate Print from the Journal "Legal Bulletin"*. 1915. Book. IX (I).
3. *Gambarov Iu. S.* Civil Law. A Common Part. Moscow: Zertsalo, 2003.
4. *Korkunov N. M.* Lectures on the General Theory of Law. Moscow: Rosspen, 2010.
5. *Shershenevich G. F.* Textbook of Russian Civil Law. Moscow: Spark, 1995.
6. *Guliaev A. M.* Russian Civil Law. Review of Current Legislation and Draft Civil Code. St. Petersburg, 1907.
7. *Bratus S. N.* Subjects of Civil Law. Moscow: Gosizdat, 1950.
8. *Kechekian S. F.* Legal Relations in a Socialist Society. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958.
9. *Tolstoy Iu. K.* Content and Civil Law Protection of Property Rights in the USSR. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1955.
10. *Kozlova N. V.* The Concept and Essence of a Legal Entity. Essay on History and Theory: Textbook. Moscow: Statut, 2003.
11. *Artemenkov S. V., Dolinskaia V. V., Kozlova K. N., Makarova Ia. M., Manukian S. M., Plink Ia. V.* Legal Entities: Manual. Moscow: State Duma Publishing House, 2000.
12. *Bratus S. N.* Subject and System of Soviet Civil Law. Moscow: Gosizdat, 1963.
13. *Krasavchikov O. A.* Civil Organizational and Legal Relations. In *Anthology of Ural Civil Law. 1925–1989: Collection of Papers*. Moscow: Statut, 2001.
14. *Variushin M. S.* Civil Law Regulation of Corporate Contracts: Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2016.
15. *Pakhomova N. N.* Civilistic Theory of Corporate Relations. Yekaterinburg: Taxes and Financial Law, 2005.
16. *Sergeev A.* Legal Nature and Enforceability of Shareholder Agreements Under Russian Law. *Corporate Lawyer*. 2007. No. 10.
17. *Efimenko E. N., Liptev V. A.* Corporate Conflicts (Disputes): Educational and Practical Guide. Moscow: Prospekt, 2014.
18. *Sitdikova L. B., Starodumova S. Iu., Iantiurina K. P.* Civil Law Regulation of Corporate Agreements Under the Legislation of the Russian Federation: Monograph. Moscow: Russian State Social University Publ., 2019.
19. *Bychkov A. I.* Dynamics of Contractual Legal Relations. *Economic and Legal Bulletin*. 2016. No. 10.

ЭКОНОМИКА ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА (ОПЫТ ФРАНЦУЗСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-51-56>

Глобальные экологические проблемы оказали влияние на все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и на законотворческие процессы, становясь актуальнее с каждым днем по мере развития технологических процессов и наук, способствуя тем самым внедрению экономики замкнутого цикла на уровне макроэкономики. Цель исследования – представить краткий обзор опыта Франции в части нормотворческой деятельности в отношении окружающей среды в области циркулярной экономики, а также осветить практические предложения зарубежной юрисдикции по анализируемому вопросу, отразить преимущества и недостатки полученного опыта. Методологическая основа: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, общенаучные методы познания. Предметом исследования послужили научные труды как отечественных, так и зарубежных следующих авторов: Д. Б. Горохов, Н. В. Кичигин, Т. Р. Колоси, О. И. Крассов, Дж. Дж. Миллер, Е. Л. Минина, А. Шассон – др., а также нормативно-правовые акты анализируемой страны в области экономики замкнутого цикла, способствующие внедрению данного метода на уровне макроэкономики. Умеренная имплементация накопленного французского опыта позволит учесть ряд ошибок и трудностей в развитии национальной экологической законодательной базы России, так как циркулярная экономика имеет широкий сектор действия, начиная от повышения качества жизненного цикла и заканчивая развитием сферы услуг, повышая тем самым ответственность производителя.

СЛАБОСПИЦКИЙ Анатолий Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доцент кафедры гражданского права и процесса Московского университета им. С. Ю. Витте (г. Москва)

SlabospitskyAS@gmail.com

СЛАБОСПИЦКАЯ Анастасия Сергеевна

бакалавр экологии и природопользования Российского университета дружбы народов (г. Москва)

slabospickayaanastasia@gmail.com

**Законодательные реформы;
экологическое право;
загрязнение окружающей среды;
экономика замкнутого цикла**

Anatoly S. SLABOSPITSKY

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service, All-Russian State University of Justice, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Moscow University named after S. Yu. Witte (Moscow)

SlabospitskyAS@gmail.com

Anastasia S. SLABOSPITSKAYA

Fourth-Year Student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

slabospickayaanastasia@gmail.com

**Legislative reforms;
environmental law;
environmental pollution;
circular economy**

ECONOMY OF THE CLOSED CYCLE (EXPERIENCE OF THE FRENCH LEGISLATOR)

Global environmental problems have influenced all spheres of human activity, including lawmaking processes, becoming more relevant every day as technological processes and sciences develop, thus contributing to the implementation of a circular economy at the macroeconomic level. The aim of the study is to briefly review the French experience with regard to environmental standard-setting in the field of circular economy and to highlight the practical proposals of the foreign jurisdiction on the analyzed issue, to reflect the advantages and disadvantages of the obtained experience. Methodological basis: formal-legal method, comparative-legal method, general scientific methods of knowledge. The subject of the study was the scientific works of both domestic and foreign authors: D. B. Gorokhov, N. V. Kichigin, T. R. Kolosi, O. I. Krassov, J. J. Miller, E. L. Minina, A. Chasson and others, as well as legal acts of the analyzed country in the closed-loop economy, which promote the implementation of this method at macroeconomic level. Moderate implementation of the accumulated French experience will allow to take into account a number of errors and difficulties in the development of the national environmental legal framework of our country, as the circular economy has a wide sector of action, ranging from improving the quality of the life cycle to the development of the service sector, thereby increasing the responsibility of the producer.

Одной из передовых стран, уделяющих особое внимание состоянию окружающей среды, является Франция. Во Франции уже принят Кодекс окружающей среды Франции [1]. Согласно этому документу природные районы, их ресурсы и обитатели, а также качество воздуха являются общим наследием граждан страны [2]. Кроме того, с точки зрения исторического контекста данная страна является одной из самых передовых в области правовых идей. Еще в 1791 г. была написана и принята Конституция государства, и с точки зрения принятия подобных документов Франция занимает третье место в мире. А спустя два столетия, 27 января 1971 г., было создано Министерство по вопросам окружающей среды, деятельность которого включает в себя координацию усилий других министерств и субъектов данных правоотношений с целью принятия мер по созданию законодательства об охране окружающей среды [3; 4].

В наши дни Франция активно развивается в заданном векторе и в 2020 г. приняла закон, призванный сформировать общесистемный переход к новому уровню заботы об окружающей среде и осознанного потребления, а именно к циркулярной экономике. Французский Закон «О борьбе с отходами и о циркулярной экономике» (*Loi relative à la lutte contre le gaspillage et à l'économie circulaire*; далее – Закон «О борьбе с отходами») поощряет предприятия различных секторов, муниципалитеты и граждан к минимизации отходов и внедрению массовой циркулярной практики [5]. Данный Закон также направлен на преобразование общества и поддержку экономики солидарности. Он ввел ряд мер, которые являются пионерскими в общемировой практике, например запрет на уничтожение непроданных товаров и введение индекса ремонтпригодности [6]. Вышеуказанный Закон основывается на обязательствах Франции по минимизации изменения климата и последовательной национальной политике, которая выражается в Законе «Об энергетическом переходе для зеленого роста», принятом еще в 2015 г., и в Законе «О климатических планах Франции», принятом в 2017 г., которые помогли создать импульс для принятия Закона «О борьбе с отходами».

Закон «О борьбе с отходами», как уже отмечалось, основывается на ранее принятых законодательных актах и является результатом многолетней работы по выработке политики и проведению работы. Последовательная национальная политика, работа с законодательством создали импульс для принятия данного нормативно-правового акта, направленного на сокращение отходов и лучшее управление ресурсами. Закон «Об энергетическом переходе для зеленого роста» 2015 г. и «Климатический план Франции», принятый в 2017 г., стали основой для разработки «Национальной дорожной карты циркулярной эко-

номики», которая была представлена в 2018 г. Между тем так называемый Закон Гаро от 2016 г., который посвящен борьбе с пищевыми отходами, ввел такое важное требование, как запрет на уничтожение съедобных непроданных продуктов питания, что стало плацдармом для более широкого запрета на уничтожение непроданных товаров, введенного в Законе «О борьбе с отходами». Кроме того, в своей президентской программе Эммануэль Макрон поставил новую цель, а именно довести переработку пластика до 100% и сократить вдвое количество свалок к 2025 г., что не может не вызывать уважение к данному решению, так как оно затрагивает не только данную страну, но и окружающую нас действительность в целом. Такое высокое внимание со стороны главы государства подчеркивает высокий уровень интереса к данной проблеме.

Французское правительство, приняв Закон «О борьбе с отходами», определило вектор развития в сторону циркулярной экономики, и для достижения поставленной цели предстоит многое сделать. Так, если обратиться к статистическим данным, то видно, например, что в 2014 г. коэффициент утилизации бытовых отходов во Франции варьировался в районе 39%, что нельзя назвать передовым достижением, поскольку в Германии данный показатель уже составлял 65%, а в Бельгии равнялся 50%. Если углубиться в данные цифры, то мы увидим, что коэффициент утилизации пластиковой упаковки составлял всего 20% и был ниже, чем в среднем по ЕС, в котором данный показатель был на уровне 30%. А к 2016 г., т.е. за год до начала разработки Закона «О борьбе с отходами», во Франции было произведено 4,6 т отходов на одного жителя, что почти в два раза больше, чем в соседних странах – Италии и Испании. В то же время материалы и ресурсы практически не возвращались обратно в экономическую систему. В итоге в том числе и данные цифры повлияли на появление амбициозного закона, направленного на изменение сложившейся ситуации, а именно так называемого Антиотходного закона, состоящего из 130 статей, которые образуют всеобъемлющий законодательный акт, направленный на устранение отходов и загрязнения с этапа проектирования и преобразование системы производства, распределения и потребления от линейной к циклической экономической модели. «Антиотходный закон» направлен на постепенный отказ от одноразовой пластиковой упаковки за счет ликвидации отходов путем поощрения вычленения вторичных ресурсов. Также целью Закона является борьба с запланированным «устареванием», т.е. заранее созданный производителем неустойчивый дизайн продукта, способствующий быстрой потере актуальности его использования и (или) предусмотренной поломке, выведению из строя ради повышения спроса на новую продукцию. Закон также способствует улучшению сис-

темы управления ресурсами, начиная с этапа проектирования и заканчивая восстановлением материалов. Он также направлен на предоставление потребителям более качественной и прозрачной информации о выбранной ими продукции, тем самым охватывая широкий спектр секторов – от продуктов питания до упаковки, от потребительских товаров до услуг, но главное видится в побуждении всех субъектов экономических отношений в цепочке создания добавленной стоимости к движению в одном направлении, а именно внедрение новых практик, исключая отходы. Данный Закон распространяется на все товары, продаваемые на территории Франции. В рамках Закона предусматривается не только высокая планка качества, но и санкции за их несоблюдение.

Закон «О борьбе с отходами» ввел большое количество мер для формирования перехода к циркулярной экономике, и некоторые из этих мер являются новеллами в общемировом масштабе. Остановимся на пяти из них, которые являются одними из наиболее новаторских:

1) устранение пластикового загрязнения с помощью целого ряда законодательных мер.

Одноразовые пластики встречаются повсюду, но часть из них после использования выпадает из системы сбора и в итоге наносит ущерб окружающей среде и угрожает биоразнообразию. Более того, Франция является крупнейшим загрязнителем пластиком в Средиземноморском регионе. Из примерно 4,5 млн т пластиковых отходов, образовавшихся в 2016 г. во Франции, 80 тыс. т загрязнили природную среду, а 10 тыс. т попали в Средиземное море. Это наносит ущерб не только окружающей среде, но и экономической деятельности, связанной с туризмом и рыболовством. Осознавая всю ответственность, Франция разработала программу борьбы с пластиком: переработка 100% пластика к 2025 г. и полный отказ от одноразовой пластиковой упаковки к 2040 г. Для достижения этой цели законодательно на уровне правительства установлены целевые показатели по сокращению объемов пластика. Интересным стратегическим решением стало осуществление обязательного промежуточного анализа раз в пять лет, основной целью которого станет проведение корректировки последующих этапов с учетом полученных максимально эффективных итоговых результатов, но главное – это анализ готовности промышленности к соблюдению новых мер и одновременно придание импульса развитию в этом направлении.

Данный Закон ввел запрет на различные повседневные пластиковые изделия, такие как чайные пакетики, одноразовая посуда, упаковка для фруктов и овощей. Чтобы избежать образования пластиковых отходов, Закон поощряет внедрение безотходных практик, таких как обязательное оснащение обще-

ственных учреждений фонтанами с водой, предоставление ресторанами быстрого питания многоразовой посуды, использование многоразовой тары в оптовых продажах в розничных магазинах;

2) борьба со строительными отходами с помощью схемы расширенной ответственности производителя (EPR).

На строительный сектор Франции в 2016 г. пришлось 26% выбросов CO₂ всего по стране. Ежегодно со строительных площадок вывозится 42 млн т отходов. Очистка этих свалок обходится муниципалитетам и налогоплательщикам примерно в 340–420 млн евро. Для более эффективного управления ресурсами и содействия повторному использованию строительных материалов с 2022 г. начала действовать схема расширенной ответственности производителей строительных материалов, в соответствии с которой производители строительной продукции несут ответственность за образующиеся отходы. Улучшая систему управления ресурсами на законодательном уровне, правительство способствует расширению ответственности производителей, что в свою очередь ведет к созданию многочисленных циклов в системе циркулярной экономики.

К 2018 г. во Франции уже действовало 14 обязательных механизмов расширения ответственности производителей, к примеру, стройматериалов. Еще 12 механизмов расширения ответственности производителей, в том числе занимающихся созданием игрушек, спортивного и развлекательного оборудования, были введены в действие на основании анализируемого Закона. Всего имеет место более чем 25 механизмов ответственности производителя, что сделало в настоящее время Францию одной из стран мира, где такого рода ответственность производителя применяется наиболее широко;

3) содействие повторному использованию сырья посредством финансирования расширенной ответственности производителя.

Механизм расширения ответственности производителя в настоящее время помогает финансировать сбор, сортировку и переработку продуктов и материалов [7]. Приняв Закон «О борьбе с отходами», законодатель идет дальше, в том числе путем создания солидарного фонда повторного использования сырья для финансовой поддержки компаний (таких как центры сортировки, восстановления и переработки отходов), т.е. структур, которые поддерживают модели экономики замкнутого цикла. Цель инициативы – дать вторую жизнь десяткам тысяч товаров, в том числе путем предоставления субъектам, относящимся к категориям нуждающимся и малоимущим, доступа к потребительским товарам по приемлемым ценам. Так, несколько механизмов расширения ответственности принесут финансовый вклад до 5%, что в итоге вы-

лется в сумму около 50 млн евро. Эти средства будут поддерживать стратегии повторного использования, а в качестве факультативного эффекта будут способствовать созданию 70 тыс. рабочих мест для людей, живущих в неблагоприятных условиях;

4) запрет на уничтожение непроданных товаров.

Франция – первая страна в мире, принявшая такую меру. Для дальнейшего отказа от такой расточительности страна решает проблему не только большого количества отходов после употребления, которые оказываются на свалках, но и продуктов и материалов, которые выбрасываются, не будучи использованными даже один раз. Ежегодно во Франции уничтожалось непроданных товаров на сумму 630 млн евро. Крупные розничные сети и коммерческие платформы, аналогичные отечественным «ЯндексМаркет» или «СберМаркет», систематически уничтожают в промышленных масштабах непроданные повседневные товары, такие как одежда, книги и бытовая техника, в том числе с целью высвобождения складского пространства и т.д. Когда новые товары без необходимости уничтожаются, энергия и ресурсы, используемые для производства этих товаров, расходуются впустую. Уничтожение непроданных товаров приводит к выбросам парниковых газов в 5–20 раз больше, чем при их использовании.

В условиях растущей стоимости жизни и, как следствие, бедности (а в данной стране к этой категории относятся 9,3 млн человек) ненужные отходы все чаще рассматриваются как экономическая и социальная проблема. Например, ежегодно во Франции уничтожалось гигиенической и косметической продукции на сумму около 180 млн евро. При этом 3 млн французов регулярно лишены элементарных средств гигиены, а благотворительные организации, оказывающие поддержку уязвимым слоям населения, регулярно сталкиваются с хронической нехваткой этих товаров первой необходимости. Запрет на уничтожение всех непроданных непродовольственных товаров во Франции означает одно из возможных решений этих социальных проблем через призму поставленных целей по повышению уровня жизни. Для товаров, на которые распространяется механизм расширения ответственности производителей, запрет вступил в силу в конце 2021 г., а для всех остальных товаров вступит к концу 2023 г. Эти меры призваны побудить компании переосмыслить управление запасами и производством. Вместо того чтобы выбрасывать на свалку или сжигать непроданные товары, компании должны будут повторно использовать, жертвовать или перерабатывать свои непроданные товары. Более того, французский законодатель предусмотрел императивную оговорку, согласно которой все товары первой необходимости, такие как средства гигиены, должны быть переданы

благотворительным организациям. Таким образом, поощряя повторное использование, эта мера обеспечивает социальные блага и поддерживает экономическую солидарности. В результате мы можем говорить уже не только о солидарной ответственности, но и о солидарности в положительном ключе;

5) поощрение ремонта с помощью индекса ремонтпригодности.

Чтобы товары дольше сохраняли свою максимальную ценность, Франция, несмотря на широко известные случаи, когда крупные корпорации активно противодействуют попыткам государственных структур и общественных организаций обеспечить длительную эксплуатацию товаров, вводит ряд мер по стимулированию ремонта [8; 9]. Власти законодательно стремятся увеличить долю отремонтированных электронных и электрических изделий с 40% до 60% уже к 2026 г. Для поддержки этого сектора экономики в январе 2021 г. был поставлен ряд целей [10]. Одна из них – это введение индекса ремонтпригодности. Данный индекс устанавливает оценку из 10 баллов, которая показывает, насколько «ремонтопригоден» продукт. Вышеуказанный индекс рассчитывается на основе доступности запасных частей и технической документации, а также легкости, с которой продукт может быть разобран и отремонтирован. Отображение этой оценки теперь стало обязательным на некоторых типах товаров, таких как смартфоны, ноутбуки, стиральные машины и телевизоры, и направлено на то, чтобы потребители знали о возможностях ремонта при покупке устройства. Это также побуждает производителей учитывать ремонтпригодность своей продукции на этапе проектирования и, следовательно, может помочь предотвратить образование отходов и поддержать циркулярную систему экономики [11].

Если рассматривать данное решение как показательный пример для других стран, то с точки зрения отечественной имплементации подобного «индекса ремонтпригодности» вопрос ремонта техники для потребителя регламентирован, в частности, некоторыми положениями § 1 гл. 30 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а также ст. 6, 10, 18 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», но в свете изменений, произошедших в начале 2022 г., необходимо пересмотреть данные механизмы защиты потребителей.

На сегодняшний день в российском законодательстве достаточно подробно сформулированы положения о защите прав покупателя, но в настоящих реалиях положения действующего ГК РФ требуют дополнений, а в некоторых случаях перехода в плоскость уголовного права, а именно тогда, когда речь идет о продаже под видом «параллельного импорта» товаров ненадлежащего качества, и в данной

связи продолжает работать тезис: «нет такого преступления, на которое не пойдет капитал ради прибыли в 300%» [12].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что вопрос перехода к новому типу экономики, на базе более разумного использования ресурсов, актуален для многих стран, в том числе для России. Данный переход требует соответствующего нормативного сопровождения с установлением обоснованных границ должного поведения участников рынка, стимулирования производства более долговечных и ремонтпригодных товаров. Угроза экологической безопасности, социально-экономические риски, негативные последствия бесконтрольного усиления транснациональных корпораций актуализировали вопрос о расширении правомочий потребителей.

В связи с этим с юридической точки зрения предполагается разработка новых правовых актов или пересмотр подходов в практике применения уже сложившихся норм. Проблема противодействия нарушению права на достойную окружающую среду не

замыкается на отдельных отраслях права, но становится одним из направлений общего перехода к экономике замкнутого цикла, что является неизбежной тенденцией нашего времени.

На сегодняшний день французский опыт развития норм правового регулирования охраны окружающей среды является одним из самых удачных в мире. Немногие страны могут похвастаться таким богатым и передовым законодательством в области правового регулирования глобальных экологических проблем, особенно учитывая, что в последние несколько лет охрана окружающей среды от негативного антропогенного воздействия занимает приоритетное место во внутренней и внешней политике Франции. Например, разработка и использование альтернативных источников энергии являются приоритетной программой правительства и президента. При этом следует отметить, что опыт Франции не может быть абсолютным паттерном и эталоном, так как путь каждого государства, как и путь человека, в определенной степени является уникальным.

Пристатейный библиографический список

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2018 г. № 475-ФЗ «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / отв. ред. Д. О. Сиваков. М. : ИЗиСП ; КОНТРАКТ, 2021 (СПС «КонсультантПлюс»).
2. *Крассов О. И.* Право собственности на землю в странах Европы : монография. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2014 (СПС «КонсультантПлюс»).
3. *Шмидт К.* Рыночное хозяйство и экологическое законодательство в ФРГ // Экологическое право и рынок : сборник статей. М. : Изд-во ИГП РАН, 1994.
4. *Miller J. G., Colosi Th. R.* Fundamentals of Negotiation: A Guide for Environmental Professionals. Washington, D.C.: Environmental Law Institute, 1989.
5. Loi n° 2020-105 du 10 février 2020 relative à la lutte contre le gaspillage et à l'économie circulaire // Légifrance : сайт. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000041553759/> (дата обращения: 18.06.2022).
6. Министерство экономики, финансов, промышленного и цифрового суверенитета Франции : сайт. URL: <https://www.economie.gouv.fr/cedef/economie-sociale-et-solidaire> (дата обращения: 18.06.2022).
7. *Витоль Э. Ю.* Межбюджетные отношения : оказание финансовой помощи в контексте финансового выравнивания // Закон. 2018. № 12 (СПС «КонсультантПлюс»).
8. *Ализар А.* Apple говорит, что iPhone слишком «сложен», чтобы разрешить самостоятельный ремонт // Habr : сайт. URL: <https://habr.com/ru/post/406887> (дата обращения: 18.06.2022).
9. *Dillet R.* Apple's Lisa Jackson Says the EPA Hasn't Changed, Leadership Has Changed // TechCrunch : сайт. URL: <https://techcrunch.com/2017/09/19/apples-lisa-jackson-says-the-epa-hasnt-changed-leadership-has-changed> (дата обращения: 18.06.2022).
10. *Chasson A.* French Repairability Index: What to Expect in January? // Right to Repair Europe : сайт. URL: <https://repair.eu/news/french-repairability-index-what-to-expect-in-january> (дата обращения: 18.06.2022).
11. *Лихтер П. Л.* Право на ремонт товара в эпоху цифровизации и глобализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12 (СПС «КонсультантПлюс»).
12. *Шульман Е.* Просто и примитивно. Учение Маркса, Энгельса и Ленина в головах российских политиков // Ведомости. 2014. 10 нояб.

References

1. *Sivakov D. O. (ed.)*. Scientific and Practical Commentary to the Federal Law of 25 December 2018 No. 475-Fz "On Recreational Fishing and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Article-by-Article). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kontrakt, 2021.
2. *Krassov O. I.* Ownership of Land in European Countries: Monograph. Moscow: Norma; Infra-M, 2014.
3. *Schmidt K.* Market Economy and Environmental Legislation in Germany. In *Ecological Law and Market: Collection of Articles*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publishing House, 1994.
4. *Miller J. G., Colosi Th. R.* Fundamentals of Negotiation: A Guide for Environmental Professionals. Washington, D.C.: Environmental Law Institute, 1989.
5. Loi n° 2020-105 du 10 février 2020 relative à la lutte contre le gaspillage et à l'économie circulaire. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000041553759/> (date of the application: 18.06.2022).
6. URL: <https://www.economie.gouv.fr/cedef/economie-sociale-et-solidaire> (date of the application: 18.06.2022).
7. *Vitol E. lu.* Interbudgetary Relations: Providing Financial Assistance in the Context of Financial Equalization. *Law*. 2018. No. 12.
8. *Alizar A.* Apple Says That the iPhone Is Too "Complicated" to Allow Self-Repair. URL: <https://habr.com/ru/post/406887> (date of the application: 18.06.2022).
9. *Dillet R.* Apple's Lisa Jackson Says the EPA Hasn't Changed, Leadership Has Changed. URL: <https://techcrunch.com/2017/09/19/apples-lisa-jackson-says-the-epa-hasnt-changed-leadership-has-changed> (date of the application: 18.06.2022).
10. *Chasson A.* French Repairability Index: What to Expect in January? URL: <https://repair.eu/news/french-repairability-index-what-to-expect-in-january> (date of the application: 18.06.2022).
11. *Likhter P. L.* The Right to Repair Goods in the Era of Digitalization and Globalization. *Actual Problems of Russian Law*. 2021. No. 12.
12. *Shulman E.* Simple and Primitive. The Teachings of Marx, Engels and Lenin in the Minds of Russian Politicians. *Vedomosti*. 10 November 2014.

**ИЗНАСИЛОВАНИЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТУРЦИИ
(СТ. 102 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА):
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-57-62>

В работе представлен научно-практический анализ ст. 102 Уголовного кодекса Турецкой Республики, предусматривающей ответственность за сексуальное насилие в отношении совершеннолетних лиц. Установлено, что объектом преступления является сексуальная неприкосновенность личности, которая турецкой доктриной понимается как право человека самостоятельно определять свое место в сексуальных отношениях в пределах, установленных законом и моралью. Основной состав сексуального насилия включает в себя совершение нарушающих физическую неприкосновенность другого человека сексуальных прикосновений или действий, направленных на удовлетворение сексуальной потребности, не образующих половой акт в традиционном словоупотреблении. Квалифицированный состав рассматриваемого преступления состоит в совершении указанных действий путем введения какой-либо части тела или иного предмета во влагалище, анальное отверстие или ротовую полость другого человека. К особо квалифицированным составам относятся сексуальные прикосновения или насильственные действия сексуального характера в отношении беспомощных лиц, с использованием зависимого положения, в отношении родственника, с применением огнестрельного оружия, группой лиц, с использованием обстановки вынужденного совместного проживания и с причинением тяжких последствий по неосторожности. С приведением примеров из судебной практики проиллюстрированы неочевидные квалификационные ситуации.

БИМБИНОВ

Арсений Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

bimbinnov@yandex.ru

**Половые преступления;
сексуальная
неприкосновенность;
сексуальное насилие;
сексуальные прикосновения;
судебная практика;
действия сексуального
характера;
проникновение в тело;
инцест**

Arseniy A. BIMBINOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University
(MSAL) (Moscow)

bimbinnov@yandex.ru

**RAPE UNDER TURKISH LAW
(ARTICLE 102 OF THE CRIMINAL CODE):
CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS
AND QUALIFICATION ISSUES**

The paper presents a scientific and practical analysis of Article 102 of the Criminal Code of the Republic of Turkey, which provides for liability for sexual violence against adults. It is established that the object of the crime is the sexual inviolability of the individual, which is understood by the Turkish doctrine as the right of a person to independently determine his place in sexual relations within the limits established by law and morality. The main composition of sexual violence includes the commission of sexual touches that violate the physical integrity of another person or actions aimed at satisfying sexual needs that do not form a sexual act in traditional usage. The qualified composition of the crime in question consists in the commission of these actions by inserting any part of the body or other object into the vagina, anus or oral cavity of another person. Particularly qualified

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4898.2021.2.

compositions include sexual touching or violent acts of a sexual nature against helpless persons, using a dependent position, against a relative, with the use of firearms, by a group of persons, using the situation of forced cohabitation and causing serious consequences by negligence. With examples from judicial practice, non-obvious qualification situations are illustrated.

Привычного для российского юриста состава изнасилования в современном уголовном праве Турции нет, он ушел вместе с утратившим силу предыдущим уголовным законом. Сегодня ответственность за сексуальные преступления в Турции установлена Уголовным кодексом (далее – УК) Республики от 26 сентября 2004 г. [1]. Большая часть таких посягательств зафиксирована в гл. 6 «Преступления против сексуальной неприкосновенности» разд. 2 «Преступления против личности» кн. 2 «Особенная часть» УК Турции.

Видовым объектом преступлений, предусмотренных нормами гл. 6 (ст. 102–105), является сексуальная неприкосновенность личности. Этот, казалось бы, очевидный факт является значимым достижением турецкого законодателя.

Ранее действовавший УК Турции 1926 г. определял изнасилование, соращение малолетних и посягательство на половую неприкосновенность как преступления против общественной нравственности и семейного уклада [2, с. 268]. Под уголовно-правовую охрану нормами об ответственности за сексуальные преступления были поставлены отношения, составляющие элемент общественного блага. В действующем же уголовном законе изменилась социально-правовая ценность, подлежащая охране: ныне во главу угла поставлены интересы личности. Этот шаг – свидетельство того, что на государственном уровне признано право человека самостоятельно и свободно определять свое сексуальное поведение.

Кроме того, новый УК отказался от понятия «изнасилование женщины» как пережитка патриархального подхода [3, р. 4]. По действующему УК гендерные признаки потерпевшего больше не имеют значения, что позволяет рассматривать сексуальные посягательства как преступления против человека независимо от пола.

В уголовном праве Турции общепринятым является понимание сексуальной неприкосновенности как сексуальной свободы человека [4, р. 34; 5, р. 57]. Сексуальная свобода при этом – это право человека самостоятельно определять свое место в сексуальных отношениях в пределах, установленных законом и моралью [6, р. 3286].

Статья 102 УК Турции устанавливает ответственность за сексуальное насилие. Часть 1 указанной статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до 10 лет за нарушающие фи-

зическую неприкосновенность действия сексуального характера (простое сексуальное насилие) и на срок от двух до пяти лет – за сексуальные прикосновения.

Основным непосредственным объектом данного преступления является сексуальная неприкосновенность человека. Дополнительным объектом выступает физическая неприкосновенность человека. В качестве потерпевшего может выступать лицо любого пола, достигшее 18-летнего возраста.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 102 УК Турции, формальный. Общественно опасное деяние состоит в совершении сексуального насилия либо сексуальных прикосновений.

Сексуальным насилием является сексуальное поведение, нарушающее физическую неприкосновенность другого человека. При этом под сексуальным поведением подразумеваются действия, направленные на удовлетворение сексуальной потребности, не образующие половой акт в традиционном словоупотреблении [7, р. 67] (например, мастурбация и другие формы петтинга).

Обязательными признаками рассматриваемого деяния являются физический контакт с телом потерпевшего (в том числе через одежду) и отсутствие его согласия на указанные действия, определяющие, как правило, применение насилия или различных угроз. Несмотря на то что в диспозиции статьи нет на этот счет прямого указания, вывод о несогласии потерпевшего на совершаемые в отношении него действия сексуального характера очевиден. В противном случае такие действия не образуют состава преступления, ввиду отсутствия объекта уголовно-правовой охраны.

Согласие исключает уголовную ответственность по ч. 1 ст. 102 УК Турции. При этом важно иметь в виду, что такое согласие должно существовать до начала физического контакта или по крайней мере должно возникнуть в этот момент. Согласие не должно быть отменено впоследствии в процессе продолжающихся действий сексуального характера, иначе последующие действия можно рассматривать как сексуальное насилие [8, р. 290, 296].

Сексуальные прикосновения, в отличие от действий сексуального характера, непродолжительны и состоят лишь в прикосновении к различным частям тела потерпевшего, в том числе поверх одежды

или посредством каких-либо предметов [9, p. 213]. Так, Четырнадцатая уголовная палата Верховного суда Турции постановила пересмотреть наказание, назначенное виновному, в связи с уменьшением верхнего предела санкции. По делу установлено, что подсудимый, проходя мимо потерпевшего, внезапно коснулся бедра последнего, а затем ударил его в спину. Изначально он обвинялся и был признан виновным в совершении простого сексуального насилия (действия сексуального характера) по ч. 1 ст. 102 УК Турции. Однако апелляционная инстанция переqualificировала его действия, определив их как сексуальные прикосновения [10].

Выделение этой формы сексуального насилия, вероятно, связано с распространенной в Турции и некоторых других государствах моделью поведения отдельных лиц мужского пола, позволяющих себе прикасаться к сексуально желаемым частям тела других граждан. Законом не предусмотрены какие-либо ограничения относительно пола виновного, поэтому в качестве такового может быть и лицо женского пола.

По мнению ряда ученых [9, p. 218], ответственность за сексуальные прикосновения невозможна для лиц, совершивших указанные действия в отношении своих супругов. Солидаризируясь с данной позицией, следует также подчеркнуть, что согласно ч. 1 ст. 102 УК Турции возбуждение уголовного дела за простое сексуальное насилие возможно только по заявлению потерпевшего. Этим же принципом надлежит руководствоваться при принятии решения о возбуждении дела за сексуальные прикосновения, поскольку данная форма деяния является привилегированной по отношению к простому сексуальному насилию [3, p. 15]. Так, Четырнадцатая уголовная палата Верховного суда Турции прекратила уголовное дело в отношении подсудимого, который, работая унтер-офицером полицейского участка, трогал половые органы своих коллег. В процессе рассмотрения дела содеянное подсудимым было квалифицировано как сексуальные прикосновения, привлечение к уголовной ответственности за которые возможно лишь по заявлению потерпевших, которое в суд не поступило [11].

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновному достаточно осознавать, что совершаемые им действия имеют сексуальный характер и нарушают сексуальную неприкосновенность потерпевшего. В целом в турецкой уголовно-правовой науке сомнения на этот счет не возникают.

Дискуссионным вопросом является наличие обязательных для состава мотива и цели преступления. Так, М. Артюк, А. Гекчен и А. Енидюнья полагают, что обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 102 УК Турции, является цель или мотив удовлетворения сексуальной потребности. В обос-

новании своей позиции авторы пишут, что в противном случае любое физическое насилие (затягивание щеки, вырывание волос, нанесение щелчка по лицу) будет рассматриваться как сексуальное [9, p. 213, 221]. В. Езбек, М. Камбур, К. Доган, П. Баджаксыз и И. Тепе, напротив, считают, что цель не является криминообразующим признаком рассматриваемого преступления. Совершаемые виновным действия объективно имеют сексуальный характер, поэтому они нарушают сексуальную неприкосновенность человека при их совершении вопреки его воле [12]. По мнению С. Чалишкана (прокурора Республики в прошлом), в случае любого насильственного действия сексуального характера, совершенного в том числе ради шутки, будет предъявлено обвинение в сексуальном насилии [13, p. 5].

Тем не менее Верховный суд Турции придерживается позиции, согласно которой простое сексуальное насилие (ч. 1 ст. 102 УК Турции) образует состав преступления только при наличии цели удовлетворения сексуальной потребности [14].

Мотивы сексуального насилия могут быть любыми: желание удовлетворить сексуальную потребность, месть, ревность и т.д. – на квалификацию они не влияют [3, p. 16].

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо любого пола, как правило, достигшее 15-летнего возраста. Согласно ч. 2 ст. 31 УК Турции лица, достигшие 12-летнего возраста, могут подлежать уголовной ответственности, если они осознают правовое значение и последствия совершенного ими деяния, а также способны руководить своим поведением в полном объеме.

Часть 2 ст. 102 УК Турции предусматривает ответственность за нарушающие физическую неприкосновенность действия сексуального характера, совершенные путем введения части тела или иного предмета в тело другого человека (квалифицированное сексуальное насилие). Наказание за такое преступление назначается от 12 лет лишения свободы. При этом согласно ч. 1 ст. 49 УК Турции максимальное наказание не может превышать 20 лет лишения свободы.

Данный квалифицированный состав отличается от основного характеристикой деяния и содержанием отдельных субъективных признаков преступления.

Общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 102 УК Турции, предполагает введение какой-либо части тела или иного предмета во влагалище, анальное отверстие или ротовую полость другого человека. Относительно иного предмета, который может быть использован при совершении указанного деяния, как правило, споры не возникают: в качестве такового может быть любой о вещественный предмет в твердом состоянии, например фаллоимитатор,

овощи, бутылки или палки [15, р. 32]. Относительно частей тела нет ясности применительно к их введению в ротовую полость.

Турецкая уголовно-правовая наука пока не выработала единой позиции по правовой оценке введения в ротовую полость пальцев, языка или других органов, не относящихся к репродуктивной системе человека. Тем не менее для целей судебной практики можно ориентироваться на решение Верховного суда Республики, согласно которому квалифицированным сексуальным насилием надлежит считать только введение в ротовую полость гениталий, т.е. внешних половых органов [16].

В другом уже упоминавшемся решении Верховного суда Турции, касающемся цели сексуального насилия, отмечается, что применительно к квалифицированному сексуальному насилию (ч. 2 ст. 102 УК Турции) цель удовлетворения сексуальной потребности не является криминообразующим признаком, так как предусмотренные составом действия объективно имеют сексуальный характер [14].

Согласно закону квалифицированное сексуальное насилие может быть совершено по отношению к своему супругу, однако в таком случае уголовное дело подлежит возбуждению только по заявлению потерпевшего. Специальное указание в УК Турции на возможность совершения сексуального насилия в браке призвано сделать очевидным факт того, что брачные отношения не возлагают на человека абсолютного обязательства по удовлетворению сексуальных потребностей своего супруга. При этом важно иметь в виду, что в законе подразумевается только официальный брак, к которому не относится сожительство или религиозный брак.

Часть 3 ст. 102 УК Турции предусматривает несколько особо квалифицирующих признаков (п. «а»–«е»), при наличии которых наказание, назначенное в соответствии с предыдущими частями, увеличивается вдвое.

Использование беспомощного состояния потерпевшего (п. «а») предполагает совершение действий сексуального характера или сексуальных прикосновений в отношении лица, не способного оказать сопротивление вследствие известных виновному особенностей физического или психического состояния. Такие особенности могут иметь как постоянный (престарелый возраст, хроническое психическое расстройство), так и временный характер (временное психическое расстройство, инвалидность, болезнь).

Дискуссионным вопросом является возможность вменения данного квалифицирующего признака в случаях алкогольного или наркотического опьянения потерпевшего. Некоторые ученые считают это необходимым только в ситуациях, когда соответству-

ющее опьянение потерпевшего было достигнуто без его участия [17, р. 307]. Другие же полагают, что при опьянении потерпевшего квалификация должна осуществляться без рассматриваемого признака, так как указанное состояние лица свидетельствует только об отсутствии его согласия на сексуальный контакт, что, как было указано выше, характеризует лишь основной состав преступления [18, р. 16].

Злоупотребление положением (п. «b») представляет собой использование положения потерпевшего, зависимого от виновного в силу его государственной должности, опеки или служебных полномочий.

Ярким примером использования служебного положения является сексуальное насилие преподавателя по отношению к своему студенту, основанное на учебно-аттестационной зависимости последнего от виновного [12, р. 329]. Правомочия из отношений по опеке подробным образом урегулированы в ст. 369–494 Гражданского кодекса Турции от 22 ноября 2001 г. [19]. Использовать положение, обусловленное государственной должностью, могут лица, состоящие на государственной службе, в полномочия которых входит принятие решений, имеющих важное значение для потерпевшего. Так, Генеральная ассамблея по уголовным делам Верховного суда Турции квалифицировала содеянное подсудимым по п. «b» ч. 3 ст. 102 УК Турции. По делу установлено, что подсудимый, являясь судьей, дополнительно вызвал на встречу потерпевшую, чье дело находилось в его производстве, во время которой схватил последнюю, поцеловал в щеку и шею, после чего, прижимая к себе и говоря комплименты, намекал, что решит дело в ее пользу при соответствующем поведении с ее стороны [20].

По п. «с» ч. 3 ст. 102 УК Турции надлежит квалифицировать сексуальное насилие, совершенное в отношении родственника до третьей степени либо отчимом, мачехой, сводными братом или сестрой, усыновителем или усыновленным. Для квалификации по указанному пункту достаточно формального наличия соответствующих родственных связей, причем необязательно кровных.

К лицам до третьей степени родства относятся: прадеды, прабабушки, дедушки, бабушки, мать, отец, дети, братья, сестры, внуки, правнуки, тетки, дяди и племянники. Кузены и кузины к этому кругу не относятся, так как являются родственниками четвертой степени.

Альтернативно-обязательный признак, предусмотренный п. «d» ч. 3 ст. 102 УК Турции, состоит в совершении преступления с применением огнестрельного оружия или группой лиц.

Применение огнестрельного оружия не требует стрельбы из него, достаточной является его демонстрация для преодоления сопротивления со стороны потерпевшего [8, р. 301]. Указанный при-

знак подлежит вменению в том числе в случаях, когда используется негодное или ненастоящее оружие, воспринимаемое потерпевшем в качестве готового к производству выстрела.

Использование обстановки вынужденного совместного проживания (п. «е»), как правило, имеет место в случаях сексуального насилия в казармах, рабочих и студенческих общежитиях, стационарах больниц и других местах, в которых потерпевшие вынуждены сосуществовать и вести совместный быт со своими насильниками. Сексуальное насилие в местах, где виновный вместе с потерпевшим пребывают ограниченное количество времени (например, отель или тренажерный зал), не подлежит квалификации по указанному пункту.

В ч. 4 ст. 102 УК Турции установлено, что в случаях причинения тяжких последствий вследствие умышленного причинения вреда в процессе сексуального насилия необходима квалификация по совокупности со ст. 87 УК Турции, предусматривающей ответственность за такие последствия.

Наиболее тяжкий состав рассматриваемого преступления зафиксирован в ч. 5 ст. 102 УК Турции, со-

гласно которой назначается пожизненное лишение свободы с отягчающими обстоятельствами, если сексуальное насилие повлекло причинение смерти потерпевшему или доведение его до вегетативного состояния.

В соответствии со ст. 23 УК Турции психическое отношение виновного к указанным общественно опасным последствиям может быть только неосторожным. Умышленное причинение смерти требует дополнительной квалификации по нормам о преступлениях против жизни.

Пребывающим в вегетативном состоянии признается лицо, потерявшее мозговую деятельность, но продолжающее при внешней поддержке осуществлять дыхание [18, р. 18].

Представляется, что изучение уголовного законодательства Турции об ответственности за сексуальные преступления и практики его применения полезно в связи с намеченными планами российского парламента актуализировать нормы об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в том числе с учетом зарубежного опыта.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Турецкой Республики от 26 сентября 2004 г. № 5237 // *Mevzuat Bilgi Sistemi* : сайт. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=5237&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5> (дата обращения: 10.07.2022).
2. Уголовный кодекс Турции / науч. ред. и пер. с тур. Н. Сафарова, Х. Бабаева. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
3. *Kizildere Ö. Ceza Hukuku Özel Hükümler Dersi. Türk Ceza Kanunu'nda Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar.* İstanbul : İstanbul Medipol Üniversitesi, 2017.
4. *Taner F. G. Türk Hukukunda Cinsel Özgürlüğe Karşı Suçlar.* Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Kamu Hukuku Ceza ve Ceza Muhakemesi Hukuku Anabilim Dalı – Doktora Tezi. Ankara, 2012.
5. *Toroslu N. Ceza Hukuku Özel Kısım.* Ankara: Savaş Yayınevi, 2012.
6. *Yenidünya A. C. 5237 Sayılı Türk Ceza Kanunu'nda Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar // Legal Hukuk Dergisi.* Yıl. 3. 33. Eylül. 2005.
7. *Artuk M. E., Gökçen A., Yenidünya A. C. 5237 Sayılı Kanuna Göre Hazırlanmış Ceza Hukuku Özel Hükümler.* Ankara: Turhan Kitabevi, 2005.
8. *Koca M., Üzülmüş İ. Türk Ceza Hukuku Özel Hükümler.* Ankara: Adalet Yayınevi, 2013.
9. *Artuk M. E., Gökçen A., Yenidünya A. C. Ceza Hukuku Özel Hükümler.* Ankara. Turhan Kitabevi. 2011.
10. Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2015/7567 Esas, 2019/7839 Karar.
11. Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2015/7901 Esas, 2019/7828 Karar.
12. *Özbek V. Ö., Kanbur M. N., Doğan K., Bacaksız P., Tepe İ. Türk Ceza Hukuku Özel Hükümler.* Ankara: Seçkin Yayınevi, 2015.
13. *Çalışkan S. Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar ve Cinsel Amaçlı Hürriyetten Yoksun Kılma Suçu.* Ankara: Adalet Yayınevi, 2003.
14. Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2012/6573 Esas, 2014/7876 Karar.
15. *Gündüz R. Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar.* Ankara: Bilge Yayınevi, 2015.
16. Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2014/3281 Esas, 2014/7140 Karar.
17. *Tezcan D., Erden M. R., Önok M. Teorik ve Pratik Ceza Özel Hukuku.* Ankara: Seçkin Yayınevi, 2008.
18. *Gündel A. 5237 Sayılı TCK'da Cinsel Saldırısı-Cinsel İstismar.* Ankara: Seçkin Yayınevi, 2009.

19. Гражданский кодекс Турецкой Республики от 22 ноября 2001 г. № 4721 // Mevzuat Bilgi Sistemi : сайт. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=4721&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5> (дата обращения: 10.07.2022).
20. Yargıtay Ceza Genel Kurulu 2013/97 Esas, 2013/331 Karar.

References

1. Criminal Code of the Republic of Turkey of 26 September 2004 No. 5237. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=5237&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5> (date of the application: 10.07.2022).
2. *Safarov N., Babaev Kh. (ed., trans.). Criminal Code of Turkey. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2003.*
3. *Kizildere Ö. Criminal Law Special Provisions Course. Crimes Against Sexual Inviolability in the Turkish Penal Code. Istanbul: Istanbul Medipol University, 2017.*
4. *Taner F. G. Crimes Against Sexual Freedom in Turkish Law. Ankara University Institute of Social Sciences Department of Public Law Criminal and Criminal Procedure Law – Doctoral Thesis. Ankara, 2012.*
5. *Toroslu N. Criminal Law: Special Part. Ankara: War Broadcasting, 2012.*
6. *Yenidünya A. C. Crimes Against Sexual Inviolability in the Turkish Penal Code No. 5237. Legal Law Journal. 2005. No. 33.*
7. *Artuk M. E., Gökçen A., Yenidünya A. C. Criminal Law Special Provisions Prepared According to Law No. 5237. Ankara: Turhan Bookstore, 2005.*
8. *Koca M., Üzülmöz İ. Turkish Penal Law Special Provisions. Ankara: Justice Publishing, 2013.*
9. *Artuk M. E., Gökçen A., Yenidünya A. C. Criminal Law Special Provisions. Ankara: Turhan Bookstore, 2011.*
10. Supreme Court, 14th Criminal Division, Case 2015/7567, Decision 2019/7839.
11. Supreme Court, 14th Criminal Division, Case 2015/7901, Decision 2019/7828.
12. *Özbek V. Ö., Kanbur M. N., Doğan K., Bacaksız P., Tepe İ. Turkish Criminal Law Special Provisions. Ankara: Select Publishing, 2015.*
13. *Çalışkan S. Offenses Against Sexual Integrity and the Crime of Sexual Deprivation. Ankara: Justice Publishing, 2003.*
14. Supreme Court, 14th Criminal Division, Case 2012/6573, Decision 2014/7876.
15. *Gündüz R. Crimes Against Sexual Inviolability. Ankara: Bilge Publishing, 2015.*
16. Supreme Court, 14th Criminal Division, Case 2014/3281, Decision 2014/7140.
17. *Tezcan D., Erden M. R., Önok M. Theoretical and Practical Criminal Law. Ankara: Select Publishing, 2008.*
18. *Gündel A. Sexual Assault-Sexual Abuse in TCK No. 5237. Ankara: Select Publishing, 2009.*
19. Civil Code of the Republic of Turkey of 22 November 2001 No. 4721. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=4721&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5> (date of the application: 10.07.2022).
20. Supreme Court, Criminal General Assembly, Case 2013/97, Decision 2013/331.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-63-69>

Успешное расследование экономических преступлений в сфере строительства невозможно без привлечения специальных знаний. Практика показывает, что имеются особенности привлечения специальных знаний для выявления обстоятельств совершения названных преступлений. Эти особенности проявляются в тактике привлечения специальных знаний. Для расследования значимым является также наличие определенного минимума специальных знаний у следователя. Особенно это важно на начальном этапе расследования. В связи с этим предметом исследования, положенного в основу настоящей статьи, является определение закономерностей использования специальных знаний при расследовании экономических преступлений в сфере строительства. Целью проведенного исследования является выявление потенциальных возможностей использования специальных знаний при расследовании экономических преступлений в сфере строительства. Для обеспечения достижения поставленной цели были использованы следующие методы: диалектического материализма; логические (анализа и синтеза; дедукции и индукции); формально-юридический; системно-деятельностный; криминалистического моделирования; ситуационный. В статье впервые дается классификация форм специальных знаний, применяемых при расследовании экономических преступлений в сфере строительства, среди которых обращается внимание на то, что теория криминалистики не уделяет внимания такой не процессуальной форме специальных знаний, как минимум специальных знаний следователя в сфере строительства и экономики строительства. Данная форма специальных знаний способна обеспечивать успех при решении встающих тактических задач. Результатом проведенного исследования является вывод о том, что методика расследования экономических преступлений в сфере строительства должна включать в себя рекомендации по применению не только процессуальных форм специальных знаний, но и формы, которая не является процессуальной, но уже достаточно широко используется в практике, – минимум специальных знаний следователя.

КУЛЕШОВ

Юрий Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Казанского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Казань)

ukuleshov@bk.ru

**Специальные знания;
расследование;
экономические преступления
в сфере строительства;
методика расследования;
специалист;
следователь;
судебная экспертиза;
эксперт**

Yuri N. KULESHOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Criminal Procedure and Criminalistics,
Kazan Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice (Kazan)

ukuleshov@bk.ru

SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN THE CONSTRUCTION FIELD

Successful investigation of economic crimes in the construction sector is impossible without the involvement of special knowledge. Practice shows that there are features of attracting special knowledge to identify the circumstances of the commission of these crimes. These features are manifested in the tactics of attracting special knowledge. For the investigation, it is also important that the investigator has a certain minimum of special knowledge. This is especially important at the initial stage of the investigation. In this regard, the subject of the research, which is the basis of the proposed article, is to determine the patterns of the use of special knowledge in the investigation of economic crimes in the field of construction. The purpose of the study is to identify potential opportunities

**Special knowledge;
investigation;
economic crimes in the field
of construction;
investigation methodology;**

**specialist;
investigator;
forensic examination;
expert**

for the use of special knowledge in the investigation of economic crimes in the construction sector. To ensure the achievement of this goal, the following methods were used: dialectical materialism; logical (analysis and synthesis; deduction and induction); formal legal; system-activity; forensic modeling; situational. The article for the first time gives a classification of the forms of special knowledge used in the investigation of economic crimes in the field of construction, among which attention is drawn to the fact that the theory of criminology does not pay attention to such a non-procedural form of special knowledge, at least the investigator's special knowledge in the field of construction and construction economics. This form of special knowledge is able to ensure success in solving tactical tasks that arise. The result of the study is the conclusion that the methodology for investigating economic crimes in the construction sector should include recommendations not only on the use of procedural forms of special knowledge, but also a form that is not procedural, but is already widely used in practice – a minimum of special knowledge of the investigator.

Установление отдельных обстоятельств совершения экономических преступлений в сфере строительства невозможно без привлечения к расследованию специальных познаний. Следовательно, так же как и дознаватель, судья, прокурор, не имеет познаний в сфере строительства и экономической деятельности в сфере строительства, а потому может, во-первых, не заметить важных для определения признаков преступления обстоятельств, во-вторых, не увидит следов и информации, которая может изобличать виновное лицо, в-третьих, не отграничить преступные действия от тех, которые соответствуют требованиям закона. Знаний только в области права явно недостаточно для того, чтобы выявить признаки совершения преступления, поскольку только их применение не позволит понять суть совершенного деяния. Для того чтобы обеспечить полноту и всесторонность предварительного расследования и судебного разбирательства, необходимо познание технологических процессов, связанных со строительством соответствующих объектов. Чтобы понять наличие или отсутствие вины соответствующих лиц, нужно выяснить природу понесенных убытков, что требует познаний в экономике. Поэтому истина при расследовании экономических преступлений в сфере строительства не может быть познана без привлечения специальных познаний.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает две формы привлечения специальных познаний: судебная экспертиза и привлечение специалиста к выявлению, установлению и закреплению следов, имеющих значение для установления обстоятельств совершения преступления, а также для разъяснения тех вопросов, которые могут появиться в связи с установлением истины по соответствующему уголовному делу [1, с. 94–99]. При расследовании экономических преступлений

в сфере строительства имеются особенности в привлечении специальных познаний для установления обстоятельств соответствующего события. Данные особенности состоят в том, что привлекать специальные познания необходимо уже на момент проверки сообщения о совершении преступления соответствующего вида, т.е. еще до того, как будет принято решение о возбуждении уголовного дела. Уже в этот момент следователь должен иметь представление о технологической стороне соответствующего события, которое в сообщении называется как преступление. Он должен знать наличие технологических нарушений в строительстве для того, чтобы можно было сделать вывод о наличии преступного умысла. Но именно для этого только правовых знаний, которыми априори обладает следователь, недостаточно – необходимо привлечение специальных знаний в сфере строительства.

Следует отметить, что не только знания в сфере строительства необходимы уже на стадии возбуждения уголовного дела. Не менее востребованными на этой стадии являются знания в сфере экономики. Это связано с тем, что часто средством сокрытия рассматриваемых преступлений является создание видимости экономического риска, который привел к определенным, непредвиденным убыткам. Виновные часто заблаговременно готовятся не только к сокрытию своего преступления, но и к активной защите, создавая для этого обстоятельства, которые способны ввести в заблуждение лиц, не обладающих специальными знаниями в сфере экономики. Они изначально стремятся к тому, чтобы следствие двигалось по ложному пути в познании обстоятельств совершенного преступления. С этой целью виновные не только до, но и в ходе совершения преступления создают ложные следы, документы и иную информацию, но они продолжают это делать и в ходе стадии

возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. С этой целью они стремятся убедить следователя в правдивости предлагаемой ими ложной версии совершения определенных своих деяний. Они стремятся создать максимальные трудности в проведении следственных и иных процессуальных действий, сделав их, по возможности, нерезультативными. Они предпринимают все для того, чтобы противодействовать установлению истины по соответствующему уголовному делу. Преодолеть такое противодействие часто бывает невозможно без привлечения специальных познаний в сфере экономики. С учетом такой угрозы расследованию, уже на момент получения сообщения о совершенном преступлении следователю необходимо определиться со стратегией и тактикой, которые способны предотвратить возможные негативные последствия от оказываемого противодействия.

Эти проблемы, которые встают перед следователем при расследовании экономических преступлений в сфере строительства, ставят вопрос о необходимости привлечения специальных познаний уже на начальном этапе расследования, когда необходимо определиться с кругом тактических задач и алгоритмом их разрешения. Действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляет для этого средства. Так, в соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) специальные познания могут быть привлечены следователем уже на момент проверки сообщения о совершенном преступлении в форме проведения судебной экспертизы [2, с. 145–150]. Также в соответствии с данной нормой уголовно-процессуального законодательства к данной проверке может быть привлечен специалист [3, с. 598–613]. При этом не конкретизируется, для участия в каких процессуальных действиях может быть привлечен специалист. Это позволяет сделать вывод о том, что специалист может привлекаться для разрешения всего перечня вопросов, которые входят в круг его компетенции, определенной в ст. 58 УПК РФ [4, с. 22–26]. То есть следователь может привлекать его к выявлению и фиксации следов совершенного преступления, для применения специальных технических средств, для формулирования вопросов, которые должны быть поставлены перед экспертом [5, с. 34–36].

Однако тот перечень компетенций специалиста, который определен в ст. 58 УПК РФ, явно недостаточен для обеспечения успешной тактики расследования отдельных видов преступлений, в частности экономических преступлений в сфере строительства. В нем не предусмотрены действия специалиста по обеспечению взаимодействия со следователем, направленного на решение тактических задач, организацию планирования деятельности, нацелен-

ной на установление обстоятельств совершения конкретного преступления. В то же время участие специалиста как лица, которое своими рекомендациями и советами может позволить следователю определить наиболее эффективный алгоритм расследования и является потребностью практики, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве никак не оговорено и не регулируется. Тем не менее эти действия не запрещены, а потому могут и должны выполняться. Особенности и порядок их выполнения должны быть частью соответствующих методик расследования, поскольку они способны помочь в оптимизации познания обстоятельств совершения соответствующих преступлений. Такое взаимодействие следует рассматривать как особый, непроцессуальный вид взаимодействия, который ориентирован на разрешение задач тактического и стратегического характера. Данная форма взаимодействия выстраивается в зависимости от особенностей конкретного расследуемого преступления. Она учитывает также особенности той следственной ситуации, которая складывается в каждый конкретный момент расследования. Такое взаимодействие ориентировано на достижение конкретных тактических и стратегических целей, а потому организовывается с учетом их особенностей.

При расследовании экономических преступлений в сфере строительства следователь уже на момент получения сообщения должен не только выявить признаки преступления, но и правильно оценить сложившуюся ситуацию, выявить факторы, которые способствовали совершению преступления и продолжают действовать, предусмотреть действия по экстренному пресечению преступных действий, если они продолжают, а также по устранению условий, которые способствовали уже совершенному преступлению. В связи с этим уже при получении сообщения о совершении преступления рассматриваемого вида следователь должен привлекать соответствующего специалиста, который способен помочь ему в поиске ответов на названные вопросы, имеющие тактическое и даже стратегическое значение. Как показывает практика, обычно имеется необходимость привлечения не одного, а двух специалистов, один из которых обладает специальными познаниями в сфере строительства, а другой – в сфере экономики строительства. Такое взаимодействие способно предотвратить возможность совершения следователем ошибки, которая способна повлиять на весь ход расследования. Тактической задачей, которая должна быть первой сформулирована и решена следователем при организации такого взаимодействия, является определение компетенции тех специалистов, которых он привлекает, и отсутствия у них заинтересованности в проводимом расследовании. Ввиду необходимости

в оперативном разрешении этой тактической задачи представляется правильным поручить выяснение этих вопросов органам, уполномоченным действующим законодательством на проведение оперативно-розыскной деятельности. Такое поручение должно быть дано сразу после получения соответствующего сообщения о совершении преступления.

Такая ранняя организация взаимодействия следователя с соответствующими специалистами способна обеспечить правильность тактики выполнения отдельных процессуальных действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ. Среди этих действий особенно важным участие специалиста является при подготовке судебной экспертизы [6, с. 123–127]. Благодаря специалисту следователь имеет возможность правильно сформулировать вопросы, чем обеспечить полноту, всесторонность и объективность полученных им доказательств. Более того, он может определить весь тот комплекс процессуальных действий, выполнить которые ему целесообразно ради установления истины по соответствующему уголовному делу. Специалист способен дать рекомендации относительно тех вопросов, ответ на которые следователю необходимо получить ради установления значимых для принятия справедливых процессуальных решений обстоятельств. С его помощью следователь может определить наиболее адекватную сложившейся ситуации последовательность действий, а также тот комплекс вопросов и порядок их постановки, которые можно получить для решения соответствующих тактических задач. От того, насколько тесным будет взаимодействие следователя со специалистом, зависит успех всего последующего расследования. Поэтому такое взаимодействие должно носить постоянный характер, что будет обеспечивать своевременность реакции на изменяющуюся ситуацию. Следователь должен уметь прогнозировать ход расследования, а в том случае, если прогноз не оправдался в определенных деталях, необходимо быстро на это реагировать для того, чтобы не допустить ухудшения ситуации.

Сложность взаимодействия следователя с соответствующими специалистами при расследовании экономических преступлений в сфере строительства состоит в том, что часто он должен привлекать одновременно специалиста в сфере строительства и специалиста в сфере экономики строительства. Кроме того, следует принимать во внимание узкую специализацию соответствующего специалиста: обладает ли он достаточным объемом знаний и опыта для того, чтобы оказать ожидаемую от него следователем помощь. Ведь очевидно, что сфера строительства слишком широка, а потому жилищное строительство имеет существенные отличия от дорожного строительства. В связи с этим следователь должен в зависимости от особенностей конкретного расследуемо-

го преступления решать вопрос о том, какой именно специалист в сфере строительства необходим для обеспечения успешного расследования. То же самое касается и специалистов в сфере экономики строительства, которая предполагает различия в зависимости от того, какой вид строительной деятельности осуществляется. В связи с этим следователь уже при получении сообщения о совершенном преступлении должен дать себе ответ на вопрос о том, какой именно специалист необходим для того, чтобы обеспечить успешное расследование. Для этого он должен иметь представление о том, с каким преступлением ему пришлось столкнуться, какие в связи с этим сложности ему предстоит преодолеть, в чем особенности предстоящего расследования, какое противодействие может быть ему оказано со стороны лиц, которые не заинтересованы в установлении истины.

Но чтобы разобраться в ситуации в момент получения сообщения о совершении экономического преступления в сфере строительства и решить вопрос о том, каких специалистов необходимо привлечь к расследованию, необходимо обладать определенным минимумом соответствующих специальных познаний. Это необходимо для того, чтобы не тратить расточительно время на поиск посредством случайной выборки того специалиста, взаимодействие с которым может оказаться полезным для проводимого расследования. Очевидно, что расследованием данных преступлений должны заниматься следователи, которые имеют соответствующую специализацию, т.е. обладают необходимым для того, чтобы ориентироваться в наиболее общих проблемах строительства и экономики строительства, минимумом знаний. Следует отметить, что такая практика уже имеется и зарекомендовала себя с положительной стороны. Более того, достаточно часто стремятся расследование преступлений названного вида поручать следователям, не просто имеющим названный минимум специальных знаний, но уже приобретшим вполне определенный опыт работы. Это создает вполне определенные гарантии качества, проявляющиеся в справедливости принимаемых процессуальных решений. В связи с этим можно констатировать, что практика ставит вопрос о том, чтобы следователи сами обладали определенным минимумом специальных познаний, которые можно было бы использовать в расследовании экономических преступлений в сфере строительства.

Безусловно, специальные познания, которыми желательно обладать следователю, должны быть минимальными, но при этом достаточными для ориентации в тактике проводимого расследования экономических преступлений в сфере строительства. Они должны быть достаточными для того, чтобы следователь мог разрешать те тактические задачи, кото-

рые встают перед ним в соответствующих следственных ситуациях. Более того, эти знания следователю необходимы также для обеспечения более полного и содержательного взаимодействия со специалистом и экспертом. Следователь должен иметь возможность с ними общаться, а для этого ему необходимо знать определенный минимум терминологии и основ строительства и экономики строительства. Эти познания необходимы ему для того, чтобы суметь разобраться в заключении соответствующей экспертизы и решить вопрос о том, какое место оно должно занимать в системе доказательств по конкретному уголовному делу. Также он должен уметь правильно сформулировать вопросы специалисту и эксперту, чтобы полученные им ответы можно было эффективно использовать в тактике и стратегии проводимого расследования. Наличие такого минимума специальных знаний способно обеспечить следователю понимание сложившейся на определенном этапе расследования ситуации, а также понимание расследуемого события совершенного преступления. Благодаря этому имеется возможность гарантировать достижение справедливости в ходе предварительного расследования по каждому конкретному уголовному делу о совершении экономического преступления в сфере строительства. Следователь способен в этом случае сформировать достаточно полное, всестороннее представление о совершенном преступлении, что позволяет ему определить основание для принятия справедливого процессуального решения.

Тот минимум специальных познаний следователя, который необходим ему для квалифицированного расследования экономических преступлений в сфере строительства, не рассматривается в уголовно-процессуальном законодательстве и не регламентируется в качестве одного из условий, определяющих качество проводимого расследования [7, с. 14–17]. Специальные познания следователя не являются категорией уголовного процесса, поскольку уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что следователь обладает знаниями в области права, которые являются для него обязательными, но от него вовсе не требуется наличие знаний в других сферах. Требованием законодательства к компетенции следователя является наличие знаний действующего законодательства, которое подтверждается полученным им высшим юридическим образованием, на что указывается в ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Знания следователя в сфере права не рассматриваются в качестве специальных, поскольку в соответствии с п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» к специальным знаниям относятся

знания в науке, технике, искусстве, ремесле. Это не позволяет относить следователя с точки зрения действующего уголовно-процессуального законодательства к участникам уголовного процесса, обладающим специальными знаниями.

Вместе с тем с точки зрения практики расследования важно принимать во внимание то, какими знаниями помимо знаний в области права обладает следователь. Это важно, поскольку влияет на качество расследования им конкретного преступления. Наличие у следователя даже минимальных знаний в отдельных сферах позволяет обеспечивать эффективность расследования, его полноту, всесторонность и объективность [8, с. 87–92]. Это имеет значение для выработки правильной тактики и стратегии расследования, позволяет преодолевать оказываемое противодействие, а также иные возникающие проблемы. В зависимости от наличия хотя бы минимума этих знаний находится качество познания следователем обстоятельств совершенного преступления. Это имеет значение, в частности, для расследования экономических преступлений в сфере строительства. В связи с этим очевидно то, что с точки зрения криминалистики специальные знания следователя – это важный факт, который должен приниматься во внимание в ходе проводимого расследования. Это знание должно учитываться при расследовании экономических преступлений в сфере строительства. Соответствующая методика расследования должна принимать это во внимание и включать в себя рекомендации, основанные на использовании специальных познаний. В частности, при осмотре места происшествия в случаях расследования экономических преступлений в сфере строительства они позволяют определить те элементы обстановки, на которые следует обратить внимание для полного представления о совершенном преступлении. Также специальные знания следователя важны и при проведении других следственных действий. Они важны для того, чтобы иметь возможность принимать тактически верные решения при производстве допроса различных лиц, которые могли быть причастными к расследуемому событию. Благодаря им у следователя появляется возможность не оказаться под влиянием искусно созданной лицами, не желающими того, чтобы была познана истина, лжи.

Определенный минимум специальных знаний следователя позволяет ему решать целый ряд тактических задач, среди которых выбор наиболее оптимальных тактических приемов, которые могут оказаться наиболее результативными в складывающейся следственной ситуации. К примеру, для допроса лиц, которые могут дать значимые показания для установления события экономического преступления в сфере строительства, следователю уже перед

допросом желательно продемонстрировать наличие у него знаний в сфере строительства. Данный тактический прием способен предотвратить ложь со стороны допрашиваемого. Кроме того, такие знания способны позволить следователю обратить внимание допрашиваемого на тех обстоятельствах, которые тот желал бы замолчать, не сообщать. В отдельных случаях в зависимости от складывающейся следственной ситуации следователь имеет возможность благодаря минимуму знаний в сфере строительства использовать следственную хитрость [9, с. 154–157] или прибегнуть к психологической ловушке [10, с. 715–720], что способно серьезно оптимизировать проводимое расследование. Специальные знания предотвращают возможные ошибки в познании обстоятельств совершения преступления и вынесении справедливых процессуальных решений. Это позволяет утверждать, что помимо процессуальных форм специальных познаний, которые используются в ходе предварительного расследования, имеется также не процессуальная форма специальных познаний, представляющая собой определенный минимум знаний следователя в соответствующей сфере. В частности, в случае расследования экономических преступлений в сфере строительства это определенный минимум знаний следователя в строительстве и в экономике строительства. При этом несомненным является то, что одним из направлений развития уголовно-процессуального законодательства должно стать решение проблем, связанных с данной формой специальных познаний.

В настоящее время практика деятельности следственных органов строится так, чтобы к расследованию экономических преступлений в сфере строительства привлекались следователи, имеющие определенный минимум соответствующих специальных знаний. Это гарантирует качество проводимого расследования, оберегает следователя от совершения ошибок и позволяет ему достаточно эффективно преодолевать оказываемое противодействие. Более того, значимым является не только наличие таких знаний, но и наличие соответствующего опыта в рас-

следовании преступлений названного вида. В этом случае следователь имеет не только минимум специальных знаний, но и понимание того, как их применять для решения встающих тактических и стратегических задач. При этом важным является не просто обладание следователем соответствующим минимумом специальных знаний, но способность использовать их для проведения расследования. Данный вид специальных знаний хотя и не имеет законодательного закрепления, но получил признание практики, поскольку всегда принимается во внимание при организации расследования. В частности, руководитель следственного органа, реализуя свое полномочие, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, дает поручение на проведение расследования тому следователю, который обладает соответствующим минимумом специальных знаний и всегда учитывает наличие соответствующих навыков по расследованию преступлений соответствующего вида. То есть практика организации расследования, по сути, уже давно признает желательность того, чтобы следователь обладал определенным минимумом знаний, который необходим ему для эффективного расследования соответствующего вида преступлений. На это указывает в том числе практика расследования экономических преступлений в сфере строительства.

Практика расследования позволяет сделать вывод о том, что для установления истины по каждому конкретному уголовному делу необходимо прибегать к трем формам специальных познаний: привлечение специалиста (ст. 58 УПК РФ), проведение судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ) и минимум специальных знаний следователя (не имеющая законодательного закрепления). При расследовании экономических преступлений в сфере строительства необходимо активно использовать все три эти формы специальных знаний для обеспечения полноты, всесторонности и объективности. Благодаря этому имеется возможность существенно повысить раскрываемость преступлений названного вида, обеспечив действие принципа неотвратимости уголовного наказания за совершенное преступление.

Пристатейный библиографический список

1. Воробьева Н. А. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Проблемы развития российской правовой системы : сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции. Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018.
2. Подольный Н. А. Разумный срок получения заключения эксперта : проблемы законодательного определения и практики применения статьи 144 УПК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49).
3. Долгинов С. Д. О проблемах законодательного регулирования назначения и производства экспертизы при проверке сообщения о готовящемся либо совершенном преступлении // Пермский юридический альманах. 2021. № 4.

4. *Ватутина О. Ю.* Процессуальный статус специалиста и его правовая регламентация в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве // *Российский судья*. 2020. № 11.
5. *Беседин С. М., Дудоров Т. Д.* Специалист как участник уголовного процесса // *Центральный научный вестник*. 2020. Т. 5. № 7-10 (96-99).
6. *Биктимиров Д. Н., Шайхлисламов Э. Р.* Судебная экспертиза в стадии возбуждения уголовного дела // *Modern Science*. 2020. № 10-1.
7. *Каминский А. М., Подольный Н. А., Овчинникова Д. А., Яковлева Е. А.* Использование электронных криминалистически неупорядоченных банков данных в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. 2-е изд., доп. М. : Ай Пи Ар Медиа. 2022.
8. *Подольный Н. А.* Следственная тайна как средство оптимизации расследования // *Проблемы права*. 2022. № 3 (86).
9. *Подольный Н. А.* Место следственной хитрости на предварительном расследовании // *Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы международной научно-практической конференции*. Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2020.
10. *Подольный Н. А.* Психологическая ловушка как средство оптимизации расследования преступлений // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2022. Т. 32. № 4.

References

1. *Vorobieva N. A.* Forms of Using Special Knowledge in Criminal Proceedings. In *Problems of Development of the Russian Legal System: Collection of Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Sochi: Sochi State University Publ., 2018.
2. *Podolnyi N. A.* Reasonable Time for Obtaining an Expert Opinion: Problems of Legislative Definition and Practice of Application of Article 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 1 (49).
3. *Dolginov S. D.* On the Problems of Legislative Regulation of the Appointment and Production of Expertise When Verifying a Message About an Upcoming or Committed Crime. *Perm Legal Almanac*. 2021. No. 4.
4. *Vatutina O. Iu.* Procedural Status of a Specialist and its Legal Regulation in Modern Russian Criminal Procedure Legislation. *Russian Judge*. 2020. No. 11.
5. *Besedin S. M., Dudorov T. D.* Specialist as a Participant in the Criminal Process. *Central Scientific Bulletin*. 2020. Vol. 5. No. 7-10 (96-99).
6. *Biktimirov D. N., Shaikhislamov E. R.* Forensic Examination at the Stage of Initiation of a Criminal Case. *Modern Science*. 2020. No. 10-1.
7. *Kaminskii A. M., Podolnyi N. A., Ovchinnikova D. A., Iakovleva E. A.* The Use of Electronic Criminologically Disordered Data Banks in the Identification Activities, Disclosure and Investigation of Crimes. 2nd ed. Moscow: IPR Media, 2022.
8. *Podolnyi N. A.* Investigative Secrecy as a Means of Optimizing the Investigation. *Problems of Law*. 2022. No. 3 (86).
9. *Podolnyi N. A.* The Place of Investigative Cunning at the Preliminary Investigation. In *Actual Problems of Criministics and Forensic Examination: Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2020.
10. *Podolnyi N. A.* Psychological Trap as a Means of Optimizing the Investigation of Crimes. *Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Series*. 2022. Vol. 32. No. 4.

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СПРАВКИ ОБ ОТСУТСТВИИ (НАЛИЧИИ) СУДИМОСТИ: ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН И НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ СРЕДУ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-70-75>

Авторами в работе исследуются актуальные вопросы, имеющие междисциплинарный характер и научно-практическую значимость, связанные с проблематикой ограничений, которые возникают в результате предъявления требований работодателей о предоставлении справки об отсутствии (наличии) судимости, закрепленных в Трудовом кодексе РФ, Положении Банка России № 408-П, Федеральном законе «О банках и банковской деятельности», Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», нарушающих ст. 23 Декларации прав и свобод человека и гражданина, закрепляющую право человека и гражданина на труд. Авторы ставили перед собой задачу провести анализ утверждения о публичной значимости информации, вносимой в справку о наличии (отсутствии) судимости; предписываемое Административным регламентом МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, утвержденным приказом МВД России от 27 сентября 2019 г. № 660, содержание такого документа исследуется на предмет соответствия Конституции РФ и Декларации прав и свобод человека и гражданина. Цель работы – на основе анализа доктринальных и правовых положений сделать вывод о влиянии публично-правовых актов Банка России и ведомственных актов МВД России на права граждан и предпринимательскую среду, в частности на такую ее составляющую, как внутрикорпоративные механизмы. Методологическую основу исследования составили диалектико-материалистический метод, а также основные методы познания социальной действительности. В работе делается вывод о негативном влиянии положений ведомственных актов МВД России и актов Банка России о содержании справки о наличии (отсутствии) судимости на возможности осуществления предпринимательской деятельности.

ФОМЕНКО

Елена Владимировна

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста) (г. Москва)

89266006361@mail.ru

КОЗЛОВА

Елена Борисовна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва)

kozlova@urexpert.ru

КАМЕНЕВА

Зоряна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kameneva_z@mail.ru

**Судимость;
справка о наличии
(отсутствии) судимости;
презумпция невиновности;
охрана трудовых прав;
предпринимательская
деятельность;
микросреда
предпринимательства**

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Влияние системных проблем развития предпринимательской среды в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации экономики и формирование путей их разрешения» (госзадание ФГБОУ ВО РПАИС, проект № 8-ГЗ-2022).

Elena V. FOMENKO

Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
All-Russian State University of Justice
(Moscow)

89266006361@mail.ru

Elena B. KOZLOVA

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Professor, Department
of Civil Law, Kutafin Moscow State
Law University (MSAL)
(Moscow)

kozlova@urexpert.ru

Zoryana V. KAMENEVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

kameneva_z@mail.ru

**Criminal record;
certificate of presence (absence)
of a criminal record;
presumption of innocence;
protection of labor rights;
entrepreneurial activity;
microenvironment
of entrepreneurship**

**REQUIREMENTS FOR THE CONTENT OF A CERTIFICATE
OF ABSENCE (PRESENCE) OF A CRIMINAL RECORD:
RESTRICTION OF CITIZENS' RIGHTS AND NEGATIVE
IMPACT ON THE BUSINESS ENVIRONMENT**

The authors in the work explore topical issues of an interdisciplinary nature and scientific and practical significance related to the problems of restrictions that arise as a result of employers' demands for a certificate of absence (presence) of a criminal record, enshrined in the Labor Code of the Russian Federation, Regulation of the Bank of Russia No. 408-P, the Federal Law "On Banks and Banking Activities", the Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)", violating Article 23 of the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen, which establishes the right of man and citizen to work. The purpose of the article is to analyze the statement about the public significance of the information entered in the certificate of the presence (absence) of a criminal record, prescribed by the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the provision of public services for issuing certificates of the presence (absence) of a criminal record and (or) the fact of criminal prosecution or the termination of criminal prosecution, approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 27 September 2019 No. 660, the content of such a document is examined for compliance with the Constitution of the Russian Federation and the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen. The purpose of the work is to draw a conclusion based on the analysis of doctrinal and legal acts on the impact of public legal acts of the Bank of Russia, and departmental acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the rights of citizens and the business environment, in particular on such a component as internal corporate mechanisms. The methodological basis of the study was the dialectical-materialistic method, as well as the main methods of cognition of social reality. The paper concludes that the provisions of the departmental acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the acts of the Bank of Russia on the content of a certificate of the presence (absence) of a criminal record have a negative impact on the possibility of doing business.

Судимость как правовое состояние гражданина, признанного судом виновным в совершении преступления, является объектом изучения доктрины уголовного права [1] как в России, странах СНГ [2, с. 40], так и во всем мире. Однако в практической деятельности правоохранительных органов и в жизни обычных граждан часто возникают вопросы, которые относятся тем или иным образом к институту судимости, но выходят за рамки существующих уголовно-правовых знаний, что заставляет исследователей обращаться к изучению смежных правовых областей. Такая попытка предпринята и авторами данной статьи в части изучения содержания справки об отсутствии (наличии) судимости, регламентированного ведомственными актами МВД России и вызывающего множество вопросов у правоведов.

В соответствии со ст. 23 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой постановлением ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1, «каждый имеет право на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается, а также право распоряжаться своими способностями к труду и выбирать профессию и род занятий» [3].

Однако следует констатировать тот факт, что положение ст. 65 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), согласно которому при заключении трудового договора лицо, поступающее на работу, предъявляет работодателю кроме общих документов в установленных законом случаях справку о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим

основаниям, существенно ограничивает право гражданина на труд.

Подобные требования, ограничивающие права субъектов, осуществляющих свою деятельность в банковской сфере, предъявляются и Банком России.

Так, по запросу Ассоциации российских банков от 18 апреля 2014 г. № А-02/5-264 Банк России в письме от 4 августа 2014 г. № 33-6-14/7109 «О применении требований Положения Банка России от 25.10.2013 г. № 408-П» пояснил, что справка о наличии (отсутствии) судимости представляется в Банк России в соответствии с требованиями, установленными п. 2.3, 3.2 и 4.3 Положения Банка России № 408-П, для оценки соответствия лиц, указанных в ст. 11.1 («Органы управления кредитной организации») Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках) и ст. 60 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон о Центральном банке РФ), требованиям к деловой репутации, установленным ст. 16 Закона о банках.

Пунктом 1.8 письма Банка России от 29 мая 2014 г. № 98-Т (далее – Письмо Банка России № 98-Т) для принятия решения о соответствии деловой репутации лиц, входящих в органы управления кредитной организации, критериям, установленным ст. 16 Закона о банках, подразделениям Банка России рекомендовано самостоятельно направить запрос в соответствующее подразделение МВД России для получения сведений о наличии (отсутствии) судимости в отношении указанных лиц, в случае если с момента выдачи справки о наличии (отсутствии) судимости прошло более шести месяцев. Таким образом, на основании данных, указанных в справке, будут не только формировать суждение о деловой репутации конкретных лиц, но и в целом составлять оценку кредитоспособности организации, ее деловой репутации, будущей стоимости [4, с. 85–93].

Исходя из п. 1.3 и 1.9 Письма Банка России № 98-Т в случае переизбрания (назначения) руководителей (членов совета директоров) кредитных организаций на новый срок повторное представление справки об отсутствии (наличии) судимости при направлении соответствующего уведомления не требуется, если такая справка ранее представлялась в целях согласования указанных лиц на должность в порядке, определенном банковским законодательством с учетом положений Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» или в рамках оценки соответствия квалификационным требованиям и требованиям к деловой репутации на основании п. 6.1 Положения Банка России № 408-П, и в отношении указанных лиц не были выявлены

факты их несоответствия установленным законодательством о банковской деятельности требованиям. Специалисты [5, с. 4, 150–161] отмечают, что аналогичными подходами следует руководствоваться при оценке деловой репутации приобретателей более 10% акций (долей) кредитной организации.

В соответствии с Административным регламентом МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, утвержденным приказом МВД России от 27 сентября 2019 г. № 660, в справке может быть указана информация о привлечении в качестве подозреваемого или обвиняемого, о прекращенных уголовных делах на стадии предварительного следствия, на основании акта об амнистии или помилования, в связи со смертью, истечением сроков давности, примирением сторон (за исключением дел частного обвинения), деятельным раскаянием или принятием федерального закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, а также об осуждении за преступления, которые впоследствии были декриминализованы.

Существует высказанная Верховным Судом РФ правовая позиция по вопросу содержания вышеуказанного документа. Так, группа граждан, получив справки с подобной информацией, решила обжаловать законность внесения в них указанных сведений и обратилась в Верховный Суд РФ. На суде представитель заявителей пояснил, что хранение сведений о лицах в зависимости от их возраста и независимо от погашения и снятия судимости противоречит действующему законодательству, кроме того, некоторая информация, в частности о прекращенных на стадии предварительного следствия уголовных делах, декриминализованных преступлениях, погашенных судимостях, не предусмотрена законом к истребованию в случае трудоустройства.

Ознакомившись с материалами, Верховный Суд РФ пояснил, что полиция имеет право обрабатывать сведения о гражданах, необходимые для выполнения возложенных на нее обязанностей, с последующим внесением полученной информации в банки данных. Полиция также может использовать банки данных других государственных органов и организаций, в том числе персональные данные граждан, если федеральным законом не установлено иное (п. 33 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»).

В результате Верховный Суд РФ вынес решение [6], в котором отметил, что хранение учетных документов независимо от снятия и погашения судимости не может рассматриваться как юридическое последствие судимости и ограничение прав лиц, ранее имевших судимость. Такое хранение осуществляется на

законной основе и не противоречит нормам права. Поэтому Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении административных исковых требований. Можно консолидироваться с решением Верховного Суда РФ в части хранения рассматриваемой информации, но внесение такой информации в справку фактически позволяет сделать такую информацию публичной, т.е. доступной для неопределенного круга лиц, что вызывает большие сомнения с точки зрения охраны прав и свобод граждан.

Другие исследователи с такой позицией Верховного Суда РФ также не согласны, отмечая, что таким решением Суд «закрепил сложившуюся практику хранения и обработки информации о гражданах, которые по тем или иным основаниям подвергались уголовно-му и административному преследованию. Указанная информация хранится и обрабатывается вне зависимости от того, было ли лицо в конечном итоге признано виновным в совершении правонарушения или нет. На практике это может повлечь ограничение прав невиновного лица в той или иной мере. К примеру, распространены случаи, когда работодатель требует от кандидата на работу справку об отсутствии судимости. Наличие сведений об уголовном преследовании в большинстве случаев влечет отказ в приеме на работу. Работодателю проще отказаться от сомнительного кандидата, нежели разбираться в тонкостях его дела. В этом контексте решение суда можно расценивать как прецедент, имеющий негативные последствия для многих граждан, попадавших в поле зрения правоохранительных органов» [7].

В этой же связи отдельные ученые отмечают, что «формирование и ведение банков данных о гражданах предполагает в том числе и обработку информации вопреки воле заявителя по запросам государственных и муниципальных органов. Информация о погашенной, снятой судимости или о привлечении к уголовной ответственности предоставляется для применения запретов и ограничений на определенные сферы деятельности. Таким образом, нарушается конституционный принцип справедливости и недопустимости ответственности дважды за одно и то же деяние» [8].

В данной ситуации скорее наблюдается нарушение принципа презумпции невиновности, закрепленного в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) и ст. 49 Конституции РФ, поскольку информация о недоказанном и не установленном в суде факте совершения преступления в справке о наличии (отсутствии) судимости нарушает права гражданина на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ) и право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37 Конституции РФ).

Пытаясь провести некую аналогию, следует обратиться к определению Конституционного Суда РФ [7;

8], где, определяя содержание информации, обладающей безусловной публичной значимостью, Суд охарактеризовал ее как содержащую данные о событиях, имеющих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. Это дает основание полагать, что оставшая информация, как то: о привлечении в качестве подозреваемого или обвиняемого, о прекращенных уголовных делах на стадии предварительного следствия, на основании акта об амнистии или помилования, в связи со смертью, истечением сроков давности, примирением сторон (за исключением дел частного обвинения), деятельным раскаянием или принятием федерального закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, а также об осуждении за преступления, которые впоследствии были декриминализованы, к публично значимой информации не относится.

Возникает правомерный вопрос: на каком основании приказ МВД России от 27 сентября 2019 г. № 660 регламентирует внесение рассматриваемой информации в справку о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, если она не является публично значимой?

Таким образом, можно, во-первых, сделать вывод о том, что информация, которая вносится в справку о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования в соответствии с подп. 76.1, 76.2, 76.3, 76.4 п. 76 Административного регламента МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, не является публично значимой, но при ее распространении (путем внесения таких сведений в справку) негативно влияет на реализацию конституционных прав граждан: на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ) и свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37 Конституции РФ).

Во-вторых, необходимо отметить, что содержание рассмотренных положений указанного Административного регламента МВД России противоречит принципу презумпции невиновности и соответственно положениям ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ.

Наконец, можно говорить о том, что требования, закрепленные в ст. 65 ТК РФ, п. 2.3, 3.2 и 4.3 Положения Банка России № 408-П и в ст. 11.1 и 16 Закона о банках, ст. 60 Закона о Центральном банке РФ, существенно ограничивают права граждан, установленные в ст. 23 Декларации прав и свобод человека и гражданина.

Сложившаяся ситуация, без сомнений, негативно влияет и на возможность субъектов предпринимательства в сфере банковской деятельности такую деятельность осуществлять. Фактически высшие органы управления таких субъектов предпринимательской деятельности ограничены в своем выборе работников и в формировании органов управления, нижестоящих в управленческой иерархии.

Таким образом, межотраслевой подход исследования позволяет сделать вывод о влиянии публич-

но-правовых актов Банка России и даже о влиянии ведомственных актов МВД России на предпринимательскую среду, в частности на такую ее составляющую, как внутрикорпоративные механизмы осуществления предпринимательской деятельности, которые формируют так называемую микросреду предпринимательства [9, с. 438–439], если рассматривать предпринимательство как сложную систему общественных отношений [10, с. 146–148].

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право. Общая часть. Наказание : академический курс : в 10 т. Т. 1 : Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2 : Цели, система и эффективность уголовного наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2021.
2. *Краснопеева Е. В.* Сравнительный анализ уголовного законодательства стран СНГ. Общая часть : лекции. М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2006.
3. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
4. *Восканян Р. О.* Нематериальные активы как составляющая гудвила инновационной компании // *Аудиторские ведомости*. 2017. № 1-2.
5. *Антикоррупционное законодательство в сфере государственного управления : проблемы и перспективы : коллективная монография.* М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019.
6. Решение Верховного Суда РФ от 5 февраля 2018 г. № АКПИ17-1073 // *Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации* : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05022018-n-akpi17-1073/> (дата обращения: 10.06.2022).
7. *Михайлова А.* Верховный суд разрешил хранить информацию о гражданах, которые имели проблемы с законом // *Право.ru* : сайт. URL: <https://pravo.ru/story/201247/> (дата обращения: 10.06.2022).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр «Сова» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 103 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision398085.pdf/> (дата обращения: 10.06.2022).
9. *Козлова Е. Б.* Структура предпринимательской среды : конвергенция частного и публичного права // *Экономический рост Республики Беларусь : глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф.* (Минск, 19–20 мая 2022 г.). Минск : БГЭУ, 2022.
10. *Козлова Е. Б., Козлов Д. О.* Краудфандинг : развитие предпринимательской среды и проблемы правового регулирования // *Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : монография.* М. : Юстицинформ, 2021.

References

1. *Lopashenko N. A. (ed.).* Criminal Law. Common Part. Punishment: Academic Course. In 10 vols. Vol. 1: The Concept, Goals of Criminal Punishment. System of Criminal Punishment. Book 2: Goals, System and Effectiveness of Criminal Punishment. Moscow: Iurlitinform, 2021.
2. *Krasnoperova E. V.* Comparative Analysis of the Criminal Legislation of the CIS Countries. General Part: Lectures. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publishing House, 2006.
3. Gazette of the Council of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991. No. 52. Art. 1865.
4. *Voskanian R. O.* Intangible Assets as a Component of the Goodwill of an Innovative Company. *Audit Statements*. 2017. No. 1-2.

5. Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration: Problems and Prospects: Collective Monograph. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2019.
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 5 February 2018 No. AKPI17-1073. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05022018-n-akpi17-1073/> (date of the application: 10.06.2022).
7. *Mikhailova A.* The Supreme Court Allowed to Store Information About Citizens Who Had Problems with the Law. URL: <https://pravo.ru/story/201247/> (date of the application: 10.06.2022).
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26 March 2019 No. 849-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Regional Public Organization for the Promotion of Education of Citizens 'Information and Analytical Center 'Sova' on the Violation of Constitutional Rights and Freedoms by Article 103 of the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Information Protection', Paragraph 2 of Article 1 of the Federal Law 'On Amendments to the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Information Protection' and Articles 29 and 402 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation". URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision398085.pdf/> (date of the application: 10.06.2022).
9. *Kozlova E. B.* The Structure of the Business Environment: Convergence of Private and Public Law. In Economic Growth of the Republic of Belarus: Globalization, Innovation, Sustainability: Materials of the XV International Scientific-Practical Conference (Minsk, 19–20 May 2022). Minsk: Belarusian State Economic University Publ., 2022.
10. *Kozlova E. B., Kozlov D. O.* Crowdfunding: Development of the Business Environment and Problems of Legal Regulation. In Modern Problems of the Development of Entrepreneurial and Corporate Law in Russia and Abroad: Monograph. Moscow: Iustitsinform, 2021.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-76-83>

В современной теории уголовного права (как отечественной, так и зарубежной) довольно активно обсуждается проблематика уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в условиях нарастающих с течением времени процессов цифровизации. Преобладающее мнение сводится к тому, что виртуализация, искусственный интеллект и иные цифровые технологии самым существенным образом меняют не только оборот объектов интеллектуальной собственности, но и представление о них. Это в свою очередь самым непосредственным образом затрагивает уголовно-правовую сферу. Цель исследования состоит в разработке особенностей правового регулирования и уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих по поводу результатов интеллектуальной деятельности в цифровой форме. Реализация указанной цели достигалась путем оценки состояния отечественного уголовного законодательства и изучения имеющихся точек зрения в доктрине уголовного права. Исследование основано на применении общенаучных и специальных методов (анализ, синтез, индукция, формально-юридический, абстрактно-логический и др.). Проведенное исследование позволило сделать вывод, что связь гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений находится на стыке проблемы авторства на цифровые произведения. Обосновывается необходимость четкого определения правового статуса искусственного интеллекта для положительного разрешения вопроса относительно охраноспособности результатов его «творческой» деятельности. В статье сформулированы конкретные рекомендации по применению отечественного уголовного законодательства при квалификации общественно опасных посягательств на объекты интеллектуальной собственности, созданные в цифровой форме.

ЛОПАТИНА

Татьяна Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-
правовых дисциплин Смоленского
государственного университета
(г. Смоленск)

lopatina1501@mail.ru

РУССКЕВИЧ

Евгений Александрович

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
уголовного права Московского
государственного юридического
университета им. О. Е. Кутафина
(МГЮА) (г. Москва)

russkevich@mail.ru

**Интеллектуальная
собственность;
объекты цифрового искусства;
NFT;
искусственный интеллект;
цифровизация;
охраноспособность результатов
деятельности искусственного
интеллекта**

Tatyana M. LOPATINA

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Head of the Department
of Criminal Law Disciplines, Smolensk
State University (Smolensk)

lopatina1501@mail.ru

Evgeny A. RUSSKEVICH

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Professor, Department
of Criminal Law, Kutafin Moscow State
Law University (MSAL) (Moscow)

russkevich@mail.ru

**Intellectual property;
digital art objects;
NFT;**

INTELLECTUAL PROPERTY AND DIGITALIZATION: CRIMINAL LEGAL VIEW

In the modern theory of criminal law (both domestic and foreign), the problems of criminal law protection of intellectual property are being actively discussed in the context of digitalization processes growing over time. The prevailing opinion boils down to the fact that virtualization, artificial intelligence and other digital technologies most significantly change not only the turnover of intellectual property, but also the idea of them. This, in turn, directly affects the criminal law sphere. The purpose of the study is to develop the features of legal regulation and criminal law protection of public relations arising from the results of intellectual activity in digital form. The implementation of this goal was achieved by assessing the state of domestic criminal legislation and studying the existing points of view in the doctrine of criminal law. The study is based on the application of general scientific and special methods (analysis, synthesis, induction, formal-legal, abstract-logical, etc.). The study made it possible to conclude that the connection between civil law and criminal law relations is at the intersection of the problem of authorship of digital works. The necessity of

**artificial intelligence;
digitalization;
protectability of the results
of artificial intelligence**

a clear definition of the legal status of artificial intelligence for a positive resolution of the issue regarding the protectability of the results of its "creative" activity is substantiated. The article formulates specific recommendations on the application of domestic criminal law in the qualification of socially dangerous encroachments on intellectual property objects created in digital form.

Процесс цифровизации оказал значительное влияние на отношения в сфере интеллектуальной собственности. Воздействие это имело неоднозначный характер. С одной стороны, цифровизация ускорила и упростила распространение информации, что, вне всяких сомнений, способствует реализации творческого потенциала человека. В этом смысле цифровизация выступает катализатором исследовательской деятельности, благоприятной средой для появления новых объектов интеллектуальной собственности. Информационно-коммуникационные технологии также содействуют оборотоспособности и реализации этих объектов, что повышает их коммерциализацию и соответственно доходность.

Вместе с тем цифровизация поставила ряд непроданных вопросов перед механизмом правовой охраны интеллектуальной собственности. Структурировано их можно представить в следующем виде: прежде всего «диджитализация» обусловила появление новых явлений и сущностей, отнесение которых к объектам интеллектуальной собственности является актуальным социальным запросом, но с доктринальных позиций представляется не столь очевидным и вызывает предсказуемые затруднения на правоприменительном уровне. Во-вторых, инфраструктура виртуального пространства связана с деятельностью субъектов, пределы ответственности которых за нарушение прав авторов или иных правообладателей до настоящего времени четко не очерчены. В современной литературе многие дискуссии по этому поводу, что называется, завершаются «дверью в никуда». Можно выделить и третий, в некотором смысле перспективный, уровень проблематики, касающийся режима правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта либо самим искусственным интеллектом. Отношение к последнему уже, пожалуй, не вызывает иронической усмешки у профессионального сообщества и за последнее время, с учетом принятия отдельных документов стратегического планирования [1; 2], приобрело весьма конкретный и прикладной характер.

Приведенный перечень не претендует на исчерпывающее освещение явления. Его легко можно продолжить. Так, например, в литературе справедливо отмечается, что в современном «диджитализированном» мире правообладателю практически невозмож-

но не столько юридически, сколько технологически обеспечить контроль над произведениями, облеченными в цифровую форму [3, с. 462]. Пессимистичная, но справедливая мысль. Результат творческого труда человека, подвергнутый оцифровке и попавший в сеть, почти неизбежно обречен на «цифровое бессмертие» и уже самостоятельное цифровое бытие. Возможности правообладателя здесь стремятся к нулевому значению. Хотя признаем, что развитие технологий «работает» и на принципиальное повышение защиты интеллектуальной собственности (например, в случае с *NFT*).

Здесь будет нелишним сформулировать несколько предварительных суждений. Надо признать, что в России правовая охрана интеллектуальной собственности традиционно имела весьма сложный и во многом имитационно-плановый характер. В ряду многих наиболее негативным фактором здесь выступает нигилистическое отношение обывателя к самому режиму защиты таких объектов, когда использование контрафактной продукции не воспринимается не только как противоправное, но даже как порицаемое и постыдное поведение. Углубляться в культурно-нравственные и экономические детерминанты такой социальной установки, пожалуй, нет необходимости. Лишь за последнее время наметилась тенденция, когда потреблять лицензионную продукцию стало в некотором смысле модой, манифестацией материального благополучия и социального положения. Однако же в условиях санкционного давления и отказа от правовой охраны отдельных объектов интеллектуальной собственности на уровне внутренней политики государства [4] надеяться на сохранение такого тренда, пожалуй, не приходится. Не будет этому способствовать и падение реальных доходов населения, а также уход с отечественного рынка ряда крупных компаний. Вместе с тем построение развитой экономики принципиально невозможно без надлежащей охраны интеллектуальной собственности, в том числе средствами уголовно-правового воздействия. Эта основополагающая мысль неподвластна политическим, а равно экономическим метаморфозам и, пожалуй, не требует каких-либо дополнительных обоснований. Поэтому, несмотря на геополитические обстоятельства, вопросы уголовно-правовой охраны интеллектуальных прав сохраняют свою актуальность и непреходящее прикладное

значение, получив новое направление под влиянием цифровизации.

Одной из основных причин низкой эффективности механизма защиты интеллектуальной собственности в РФ в сфере цифровизации Н. А. Нарыжный справедливо называет «слабый отклик системы права на расширение перечня прорывных и перспективных цифровых технологий» [5, с. 120]. С этим соглашаются и другие авторы, подчеркивая, что принятие четвертой части Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) существенно сказалось на состоянии правового регулирования интеллектуальной собственности, однако многие вопросы правового статуса участников этих отношений, статуса ряда объектов остались неразрешенными [6, с. 27].

Обращаясь к этой проблеме, следовало бы исходить из той презумпции, что задействование информационно-коммуникационной инфраструктуры в обороте объектов интеллектуальной собственности никак не влияет на авторские права и правовой режим произведения [7, с. 76]. Как убедительно пишет по этому поводу В. О. Пучков, «вне цифровой среды не существуют ни большие данные, ни объекты цифрового искусства, ни доменные имена. Однако истоком их появления, их онтологическим основанием является именно творческая деятельность человека, приобретающая особые формы выражения в информационно-технологическом пространстве» [8, с. 148]. Тем не менее ситуация представляется не столь очевидной, когда речь идет, например, о создании произведений посредством цифровых аватаров в пространстве конкретной виртуальной платформы. Можно ли в подобных обстоятельствах исходить из применимости имеющегося правового инструментария для защиты от возможных посягательств на такие результаты интеллектуальной деятельности? С учетом актуального состояния отечественного законодательства, пожалуй, нельзя. Игровые объекты во всем своем многообразии до настоящего времени не признаются объектами гражданского права, а соответствующие отношения регулируются владельцами игровых платформ в одностороннем порядке. Такое положение вряд ли следует признавать приемлемым, учитывая, что пользователь конкретного игрового ресурса своим трудом создает оригинальное произведение в цифровой среде, которое по смыслу ст. 1225, 1257, 1259, 1282 ГК РФ должно быть признано охраняемым объектом права интеллектуальной собственности и тем самым защищено от противоправных посягательств со стороны других пользователей или самого владельца игровой платформы.

Крайне сложным, требующим обстоятельного обсуждения, в том числе в целях упорядочения механизма уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, является вопрос о правовом статусе

невозмозаменяемых токенов (*non-fungible tokens, NFT*). Как известно, базисным активом *NFT* может выступать изображение, музыкальное произведение, видео и т.п. Так, 11 марта 2021 г. на аукционе *Christie's* за 69 млн долл. США был продан *NFT*, интеллектуальным активом которого является цифровой коллаж художника Майка Винкельмана [9].

А. А. Долганин в своем интереснейшем эссе резюмирует, что современные *NFT* предлагают творцам недостижимый в обычных авторских подписях уровень защищенности от копирования и воспроизведения, позволяющий владельцу полностью контролировать и обладание самим токеном, и доступ к базисному цифровому активу. При этом автор метко подчеркивает, что при широком представительстве способов независимого распространения своего творчества, в том числе с серьезными технологическими решениями по недопущению непроизвольного копирования, *NFT* показало свою уникальность и востребованность у правообладателей. Происходит это ввиду одного ключевого момента – *NFT* не тождественно самому базисному активу (произведению), поскольку символизирует обладание «объективированным и индивидуально-определенным фрагментом идентичности автора или кумира вообще (в каком-то смысле, вероятно, это можно сравнить с обладанием книги с автографом писателя или подписанной спортсменом футбольной майкой и т.п.)» [10, с. 49–50]. Как бы то ни было, следует согласиться с тем, что *NFT* как запись в реестре блокчейн нельзя признать результатом интеллектуальной деятельности, в том числе в тех случаях, когда объект искусства «вшит» внутри токена [11, с. 73]. И в этих обстоятельствах *NFT* являет собой совершенно самостоятельную сущность, а связанное с ним произведение в системе блокчейн – отдельный цифровой объект, относимый к результатам интеллектуальной деятельности.

С уголовно-правовой точки зрения неопределенность правового статуса невозмозаменяемых токенов обуславливает проблему определения квалификационного алгоритма применительно к случаям совершаемых в отношении *NFT* противоправных посягательств. Так, незаконное воспроизведение упомянутого выше цифрового коллажа художника Майка Винкельмана, а равно последующее распространение такой копии объективно не образует посягательства на проданный *Christie's NFT*, владелец которого объективно продолжает сохранять обладание этим цифровым активом и может им распоряжаться по своему усмотрению. Здесь, пожалуй, следует говорить о нарушении исключительных прав на произведение самого художника, т.е. о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 146 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). С другой стороны, в случае совершения неправомерного

доступа к компьютерной информации и завладения самим *NFT* содеянное едва ли подпадает под признаки нарушения авторских и смежных прав, а должно оцениваться в системе положений отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности. Последний тезис опять же является уязвимым в том отношении, что цифровые активы в силу своей неопределенности с точки зрения положений ГК РФ весьма условно могут признаваться предметом посягательств, предусмотренных гл. 21 УК РФ. Этой тематике в современной литературе посвящено множество публикаций, главным образом нацеленных на проработку вопросов уголовно-правовой охраны криптовалютного оборота, поэтому полагаем возможным не останавливаться на ней отдельно. Соответственно, наиболее реалистичным и реализуемым решением в правоприменительном смысле остается применение положений гл. 28 УК РФ об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

Нерешенным также остается вопрос о возможности отнесения к объектам интеллектуальной собственности, а соответственно и к предмету преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, произведений, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, однако этот вопрос будет обстоятельно рассмотрен позднее.

Архитектура современных информационно-коммуникационных ресурсов имеет сложный характер. Как следствие, распространение информации осуществляется во взаимодействии многих субъектов (администратор доменного имени, администратор сайта, владелец сайта, хостинг-провайдер и др.), выполняющих принципиально разные функции в этом процессе. Упомянутая сложность не может не отражаться на решении вопросов ответственности участников процесса размещения информации в информационно-коммуникационных сетях. В доктрине по этому поводу высказываются разные мнения и обосновываются подчас противоположные квалификационные подходы.

Изучение современной литературы позволяет сделать вывод, что наибольшие споры возникают относительно вопроса об ответственности владельца/администратора доменного имени. В соответствии с действующими правилами регистрации доменных имен [12] администратор доменного имени, т.е. лицо (в том числе юридическое), на которое в установленном порядке зарегистрировано соответствующее символическое обозначение, предназначенное для сетевой адресации, обладает всеми правами по управлению процессами, связанными с размещением информации. Иными словами, фактическое использование ресурсов конкретного сайта с соответствующим доменом, на котором размещена информация,

формально невозможно без участия в той или иной форме владельца (пользователя) домена, владеющего паролем для размещения информации по соответствующему доменному имени. Если исходить из указанных соображений, то логично заключить, что владелец (администратор) домена в случае функционирования по соответствующему сетевому адресу сайта, связанного с нарушением авторских и смежных прав, является пособником либо соисполнителем в совершении соответствующих преступлений.

Однако здесь стоит оговориться, что к самой разработке сайта, к его поддержанию в работоспособном состоянии и содержанию владелец домена может и не иметь непосредственного отношения, если он фактически предоставил сетевые идентификаторы (пароли) для доступа к домену, в том числе для размещения информации, ее удаления и модификации. В этой ситуации довольно часто говорят об «аренде доменного имени», что с правовой точки зрения неверно. В уголовно-правовом смысле это мало что меняет. Если установлено, что лицо за плату передало управление доменом третьему лицу и, строго говоря, не интересовалось тем, каким образом используется домен, говорить о возможности привлечения к уголовной ответственности владельца домена нельзя. Здесь необходимо устанавливать лицо, которое осуществляло фактическое администрирование доменом.

Возможным выходом из ситуации могло бы стать формирование практики привлечения к уголовной ответственности за пособничество владельцев доменов в ситуациях, когда они были в той или иной форме проинформированы правоохранительными или иными органами, что их домен используется для систематического совершения преступлений, но не предприняли действий по блокированию и уничтожению соответствующей информации, продолжая получать ренту. Хотя и здесь есть некоторые нюансы с точки зрения признания таких действий пособничеством.

С лицами, непосредственно обслуживающими сайт (размещение информации, замена и дополнение компонентов сайта, изменение его дизайна и структуры, мониторинг за состоянием функционирования ресурса и т.п.), все гораздо проще – все они могут быть привлечены как соисполнители в групповом совершении преступления, поскольку выполнение соответствующих функций почти априорно предполагает осведомленность о содержании контента и направленности работы сайта. Здесь конечно же можно попытаться смоделировать гипотетический пример, когда специалист, выполняя технические мероприятия, не знал о специфике работы ресурса, но это ситуация в высшей степени умозрительная. Нельзя поставить человеку техническую задачу по ра-

боте с сайтом, чтобы он так или иначе не оказался осведомлен о том, для чего этот информационный ресурс используется.

В случаях, когда в работу сложных интернет-площадок, связанных с нарушением прав в сфере интеллектуальной собственности, одновременно вовлечено множество участников, ежедневно осуществляющих техническую поддержку, наполнение данными и др., все они должны признаваться соисполнителями в нарушении авторских и смежных прав в составе организованной группы (п. «б» ч. 3 ст. 146 УК РФ) с перспективой привлечения к ответственности по ст. 210 УК РФ.

К настоящему времени искусственный интеллект достиг такого уровня, когда он может конкурировать с человеком в части создания объектов интеллектуальной деятельности. Компьютерная программа с элементами искусственного интеллекта представляет собой, с одной стороны, результат интеллектуальной деятельности человека, с другой – программа способна самостоятельно создавать продукт, схожий с результатами человеческого творчества, например поэтические или музыкальные произведения. Возникает вопрос об авторстве таких произведений: это создатель программы или сама программа?

В целях стимулирования развития искусственного интеллекта принято множество нормативных актов, которые в большинстве своем просто провозглашают идею незыблемости авторства и охраны объектов, созданных искусственным интеллектом. При этом доктринально проработанной концепции (теоретической модели) правового регулирования группы общественных отношений, возникающих по поводу объектов, созданных «творчеством» искусственного интеллекта, нет. Можно обнаружить лишь отдельные направления, но не более.

Возрастающий интерес к развитию искусственного интеллекта и правовому статусу результатов его «творчества» отмечается на международном уровне. Поиск юридических конструкций, которые могли бы в будущем сформировать общую позицию, происходит в рамках ряда международных организаций. В частности, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) регулярно проводит встречи по вопросам правового регулирования деятельности искусственного интеллекта, но, к сожалению, так и не смогла сформулировать единый подход к вопросу правообъектности произведений, в которых человеческое участие минимально или отсутствует.

В России теме искусственного интеллекта стало уделяться значительное внимание, но основное внимание также сосредоточено на перспективах развития исследований в этой области, а не правовом регулировании вопросов его использования.

Так, например, в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ 19 августа 2020 г. № 2129-р, обозначены лишь направления трансформации существующей системы нормативного регулирования при применении таких технологий в различных сферах жизнедеятельности общества. В частности, в п. 12 Концепции обозначено, что признание таких результатов объектами интеллектуальной собственности повлечет неурегулированность вопроса о субъекте, обладающим исключительным правом на них. Другим аспектом проблемы обозначена «необходимость совершенствования порядка закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта и робототехники», в том числе использование их третьими лицами [13].

Как известно, до настоящего времени законодатель рассматривает искусственный интеллект только как инструмент творческой деятельности человека. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств» (ст. 80) [14]. Подобная юридическая конструкция конечно же не решает вопрос о правовой охране литературных, музыкальных или художественных произведений, в создании которых человек не принимал непосредственного участия.

В октябре 2020 г. в Государственную Думу ФС РФ был внесен законопроект, предусматривающий, что право на результат «творческой» деятельности искусственного интеллекта возникает у правообладателя (разработчика) компьютерной программы [15]. Небезупречное решение, которое в случае своей практической реализации приведет к сложностям, связанным с конкуренцией либо фрагментацией прав потенциальных правообладателей. Кроме того, из круга возможных бенефициаров «творчества» искусственного интеллекта исключается непосредственный пользователь, что также дискуссионно и требует обстоятельного осмысления.

Вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием технологии искусственного интеллекта, активно разрабатываются учены-

ми. Так, И. Р. Бегишев предложил инициативный проект федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» [16]. В декабре 2021 г. многие положения данного инициативного проекта были учтены и непосредственно использованы в законопроекте, предложенном главой комитета Совета Федерации по экономической политике Андреем Кутеповым и направленном для отзыва в Минэкономразвития России и Минцифры России [17].

В целом можно выделить следующие подходы к решению проблемы правового статуса и охраноспособности объектов, созданных искусственным интеллектом, которые являются схожими с результатами творческого труда человека: первый подход отражает существующее видение, в соответствии с которым произведения, созданные машинным творчеством без участия человека, не должны охраняться законом (В. Н. Синельникова [18, с. 320–328]). Уязвимость такого решения представляется очевидной по тому основанию, что зарождающийся оборот новых объектов, обладающих экономической и культурной ценностью, предлагается попросту игнорировать, не включать его в правовое поле, что неминуемо повлечет негативные последствия как для личности, так и для государства. Полагаем, что «отмахнуться» от проблемы не получится. Рано или поздно потребуются формализовать данные отношения, установить четкий правовой режим, предполагающий в том числе и юридическую ответственность.

В рамках второго подхода результаты деятельности искусственного интеллекта предлагается охранять наравне с результатами интеллектуальной деятельности человека [19, с. 86]. Очевидно, что жизнеспособность этой концепции всецело основывается на преодолении антропоцентристского характера права в целом, гражданского и уголовного права в частности. Поэтому рассматривать третий подход как реализуемый в ближайшей перспективе, пожалуй, не стоит. По большому счету он имеет политико-правовой и прогностический характер.

Третий подход предполагает охрану таких объектов в рамках авторского права, где обладателем исключительного права признается разработчик программного обеспечения. В целом эта концепция отражена в цитируемом ранее постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. Несмотря на понятность самой логики сформулированного решения, понятно, что получение таких объектов (литературных или художественных произведений) с использованием технологий искусственного интеллекта может быть сопряжено с *полным отсутствием* личного творческого вклада разработчика/правообладателя программного обеспечения. Это в свою очередь подменяет, если не отрицает, саму идею авторства и творчества.

Близкую к третьему подходу, но видоизмененную модель предлагают другие авторы (П. Ролинсон, Е. Ариевич, Д. Ермолина): «...за основу концепции правовой охраны результатов, создаваемых искусственным интеллектом, можно взять правовое регулирование баз данных. В частности, было бы целесообразным закрепить за лицом, внесшим существенный финансовый, материальный, организационный или иной вклад в создание искусственным интеллектом программы, статус изготовителя такого результата и, по аналогии с правами изготовителя баз данных, наделять такое лицо исключительным правом на использование полученного результата в любой форме и любым способом (ст. 1333–1334 ГК РФ)» [20, с. 63–71]. В этом же ключе предлагается лицу, организовавшему создание результата интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта, предоставлять самостоятельное право на ограниченный срок (от 25 до 50 лет). При этом подчеркивается, что права такого правообладателя не должны приравниваться к правам автора [21, с. 28].

Таким образом, на данный момент вопросы охраны результатов «творческой» деятельности, созданных искусственным интеллектом, обсуждаются на уровне законодателя, практиков, научных исследований, но о выработке единой позиции пока не приходится говорить. Сама идея признания прав на созданный объект за искусственным интеллектом не поддерживается, традиционно делается акцент на поиске вклада человека.

Вопросы охраны произведений, созданных искусственным интеллектом, находятся на стадии осознания и поиска решений. Существующие модели заслуживают внимания и дальнейшей доктринальной проработки. Полагаем, что прежде всего требуется четкое законодательное разделение между результатами деятельности, созданными искусственным интеллектом, и результатами интеллектуальной деятельности, созданными с использованием искусственного интеллекта. В первом случае де-факто искусственный интеллект выступает субъектом создания произведения (автор-человек отсутствует). Исключение творческой деятельности человека из процесса создания произведения служит основанием для введения специального правового регулирования и исключения создаваемых объектов из сферы правовой охраны. Допускаем, что охрана здесь должна строиться не на традиционном авторском праве, а на иных основаниях. Во втором случае искусственный интеллект выступает инструментом в процессе творческой деятельности человека. Такое использование искусственного интеллекта будет регулироваться традиционным законодательством в сфере авторского права.

Следует принять как данность, что ни законодатель, ни судебная система, ни доктрина не готовы к призна-

нию самостоятельных прав искусственного интеллекта на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые с его участием, что само по себе затрудняет определение места искусственного интеллекта в гражданском законодательстве и правовой статус обозначенных результатов его «творческой» деятельности. Возможное наделение искусственного интеллекта правосубъектностью с передачей ему исключитель-

ных прав на созданные с его участием произведения не должно затрагивать исключительные права на сам искусственный интеллект. Такой подход аналогичен институту юридических лиц. Юридические лица могут обладать исключительными правами на произведения, но возможность и объем реализации исключительных прав на него решается управляющим органом юридического лица, за которым стоят люди.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
3. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2021.
4. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Нарыжный Н. А.* Механизм защиты интеллектуальной собственности в сфере цифровизации и ее составляющие // Вестник ДонНУ. Сер. В. Экономика и право. 2020. № 1.
6. *Ханнова Т. Р., Гильмутдиновна Р. А., Гарифуллина А. Ф.* Государственная политика в области интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики // Экономика и управление. 2021. № 1 (157).
7. *Гайдук В. П.* Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. № 2.
8. *Лучков В. О.* Цивилистическая доктрина цифровой эпохи : методологические, теоретические и прикладные проблемы : монография / под ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2020.
9. NFT-токен продали на аукционе за рекордные \$ 69 млн. // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/604a3b479a7947c4d213d12c?ysclid=l7oq4pcubf880375535> (дата обращения: 05.09.2022).
10. *Долганин А. А.* Соотношение невзаимозаменяемых токенов (NFT) и интеллектуальной собственности : триумф проприетарного подхода? // Цифровое право. 2021. № 2.
11. *Емельянов Д. С., Емельянов И. С.* Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10 (241).
12. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .RF (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 5 октября 2011 г. № 2011-18/81) // СПС «КонсультантПлюс».
13. СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.
14. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
15. Что написано софтом. Плоды искусственного интеллекта запишут за разработчиками // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566144> (дата обращения: 01.06.2022).
16. *Бегишев И. Р.* Об обороте роботов, их составных частей (модулей) (инициативный проект федерального закона) // Препринты Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова. 2021. № 1.
17. В Совфеде предложили закрепить взаимоотношения роботов и людей // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61bff9399a79474e6381c567?ysclid=l7pvuyg7e477374591> (дата обращения: 01.06.2022).
18. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич, Л. В. Боровых, Ю. В. Васильевой, С. Г. Михайлова, С. Б. Полякова, А. С. Телегина, Т. В. Шершень // Пермский юридический альманах. 2019. № 1.
19. *Морхат П. М.* Искусственный интеллект как автор произведения : могут ли роботы творить? // Власть закона. 2019. № 1 (37).
20. *Ролинсон П., Ариевич Е. А., Ермолина Д. Е.* Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта : особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5.

21. Проблема машинного творчества в системе права : регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы : доклад НИУ ВШЭ / рук. авт. кол. В. О. Калятин. М. : Изд. дом ВШЭ, 2021.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 9 May 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" (SPS "ConsultantPlus").
2. Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period until 2030") (SPS "ConsultantPlus").
3. *Blazheev V. V., Egorova M. A. (eds.). Digital Law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2021.*
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 29 March 2022 No. 506 "On Goods (Groups of Goods) in Respect of Which Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Protection of Exclusive Rights to the Results of Intellectual Activity Expressed in Such Goods, and Means of Individualization by Which Such Goods Are Marked" (SPS "ConsultantPlus").
5. *Naryzhnyi N. A. The Mechanism of Protection of Intellectual Property in the Field of Digitalization and its Components. Bulletin of DonNU. Ser. B. Economics and Law. 2020. No. 1.*
6. *Khannova T. R., Gilmudinovna R. A., Garifullina A. F. State Policy in the Field of Intellectual Property in the Context of Digitalization of the Economy. Economics and Management. 2021. No. 1 (157).*
7. *Gaiduk V. P. Evolution of Intellectual Property Law in the Digital Age. Journal of Russian Law. 2020. No. 2.*
8. *Puchkov V. O.; Belykh V. S. (ed.). Civilistic Doctrine of the Digital Era: Methodological, Theoretical and Applied Problems: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020.*
9. NFT token sold at auction for a record \$69 million. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/604a3b479a7947c4d213d12c?ysclid=l7oq4pcubf880375535> (date of the application: 05.09.2022).
10. *Dolganin A. A. The Ratio of Non-Fungible Tokens (NFT) and Intellectual Property: The Triumph of the Proprietary Approach? Digital Law. 2021. No. 2.*
11. *Emelianov D. S., Emelianov I. S. Non-Fungible Tokens (NFT) as an Independent Object of Legal Regulation. Property Relations in the Russian Federation. 2021. No. 10 (241).*
12. Rules for registering domain names in the .RU and .РФ domains (approved by the decision of the Coordinating Center for the national Internet domain of 5 October 2011 No. 2011-18/81) (SPS "ConsultantPlus").
13. *Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Art. 5593.*
14. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. No. 7.*
15. What Is Written in Software. The Fruits of Artificial Intelligence Will Be Recorded for the Developers. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566144> (date of the application: 01.06.2022).
16. *Begishev I. R. On the Turnover of Robots, Their Components (Modules) (Initiative Project of the Federal Law). Preprints of Kazan Innovative University named after V. G. Timirasov. 2021. No. 1.*
17. The Federation Council proposed to consolidate the relationship between robots and people. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61bff9399a79474e6381c567?ysclid=l7pvygv7e477374591> (date of the application: 01.06.2022).
18. *Kuznetsova O. A., Golubtsov V. G., Borisevich G. Ia., Borovykh L. V., Shershen Iu. V. (eds.). Legal Regime of the Results of Intellectual Activity Created by Self-Developing Programs. Perm Legal Almanac. 2019. No. 1.*
19. *Morkhat P. M. Artificial Intelligence as the Author of a Work: Can Robots Create? The Rule of Law. 2019. No. 1 (37).*
20. *Rolinson P., Arieovich E. A., Ermolina D. E. Intellectual Property Objects Created With the Help of Artificial Intelligence: Features of the Legal Regime in Russia and Abroad. Law. 2018. No. 5.*
21. *Kaliatin V. O. (ed.). The Problem of Machine Creativity in the System of Law: Regulation of the Creation and Use of the Results of Intellectual Activity Using Artificial Intelligence, Foreign Experience and Russian Prospects: Report of the National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021.*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЯ КИБОРГОВ (ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХ ЛЮДЕЙ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-84-89>

Современные информационные технологии в совокупности с достижениями инженерии и нейробиологии позволяют сочетать возможности суперкомпьютеров, усовершенствованных частей тела и искусственных конечностей, что прокладывает путь к слиянию человека и машины. Данные процессы до сих пор не получили правовой оценки, что обуславливает актуальность настоящей работы, в связи с чем автором поставлена цель исследования проблемы необходимости разработки дополнительных юридических прав и обязанностей для людей, которые восстановили утраченный или дополнили инновационными решениями функционал организма с помощью инновационных технологий, а также механизма защиты этих прав. Методологическую основу данного исследования составила совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, компаративного анализа и формально-юридический. В работе обоснована авторская позиция, которая базируется на анализе международного и зарубежного законодательства и мнений компетентной научной среды о необходимости разработки в отечественном законодательстве механизма регулирования жизнедеятельности людей с имплантированными технологическими устройствами. В результате исследования выявлена необходимость законодателям всего мира в настоящий момент создать согласованные механизмы правового регулирования, предусматривающие юридическую регламентацию прав и обязанностей киборгов.

ЧУКРЕЕВ

Вадим Андреевич

кандидат юридических наук,
заместитель прокурора
Свердловской области
(г. Екатеринбург)

chukreevva@mail.ru

**Биомедицина;
киборги;
трансплантация;
современные технологии;
ответственность;
имплементация;
права и обязанности**

Vadim A. CHUKREEV

Candidate of Legal Sciences, Deputy
Prosecutor of the Sverdlovsk Region
(Yekaterinburg)

chukreevva@mail.ru

**Biomedicine;
cyborgs;
transplantation;
modern technologies;
responsibility;
implementation;
rights and obligations**

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CYBORGES (TECHNOLOGICALLY ADVANCED PEOPLE)

Modern information technologies, together with advances in engineering and neuroscience, make it possible to combine with the capabilities of supercomputers, advanced body parts and artificial limbs, which paves the way for the fusion of man and machine. These processes have not yet received a legal assessment, which determines the relevance of this work, in this connection, the author set the goal of studying the problem of the need to develop additional legal rights and obligations for people who restore the body's functionality lost or supplemented with innovative solutions with the help of innovative technologies, as well as a mechanism for protecting these rights. The methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by the methods of systematic, comparative analysis and formally legal. The paper substantiates the author's position, which is based on the analysis of international and foreign legislation and the opinion of the competent scientific community on the need to develop a mechanism for regulating the life of people with implanted technological devices in domestic legislation. As a result of the study, the need for legislators around the world at the moment to create agreed mechanisms of legal regulation, providing for the legal regulation of the rights and obligations of cyborgs, has been identified.

1. Вступление

В настоящее время мы переживаем очередную технологическую революцию, в которой ученые всего мира обратили свое внимание на техническое усовершенствование человека для придания ему полезных, дополнительных свойств, качеств и возможностей, которые могут как быть переносными, так и внедряться в тело. В мировом сообществе идет речь о наступлении «эпохи киборгов».

В 2020 г. Президент РФ В. В. Путин подчеркнул необходимость обеспечения использования прорывных цифровых технологий для осуществления национальных целей, преобразования России и укрепления ее позиций в мире [1].

Оксфордский словарь английского языка определяет киборга как существо, которое является частично человеком и частично машиной [2]. Мы под киборгом понимаем человека, чьи физические возможности выходят за пределы нормальных, обычных с помощью вживляемого или носимого устройства (интегрированная человеко-машинная система).

Существует мнение, что все мы уже являемся «киборгами», так как делегировали нашим мобильным устройствам (телефонам, часам, планшетами и т.п.) часть нашей памяти и мыслительных функций; они обеспечивают нам, по сути, доступ к «кремниевому экзокортексу», т.е. к внешней, искусственной коре головного мозга. Мобильные устройства за нас считают, переводят, ищут информацию, ориентируются на местности и делают еще массу других дел, разгружая наш мозг. Пока эти устройства лежат в кармане, в сумке, стоят на столе, но в перспективе могут быть встроены в тело или голову человека.

В этой связи интересно решение Верховного суда Калифорнии, вынесенное в июне 2014 г., по делу Райли [3], согласно которому сотрудники полиции не могут без ордера знакомиться с содержимым мобильного телефона, изъятого во время ареста. Главный судья Д. Робертс отметил, что современные сотовые телефоны являются настолько распространенной частью повседневной жизни, что марсиане смогут сделать вывод, что они особенность анатомии человека [4].

Действительно, имея мобильный телефон (в руке или сумке), человек не может гарантировать свою конфиденциальность, так как его можно вычислить по геолокации, все телефонные переговоры и даже удаленную переписку можно восстановить. Следует признать, что современное население если еще не киборги, но с определенными элементами киборгизации, учитывая наличие у каждого высокотехнологичного мобильного устройства, которым можно осуществить аудио- и видеозапись, фотографирование, перевод текста и речи, пересылку почты, произвести транзакции по кредитным картам, осуществить банковские записи, определить геолокацию и многое

другое. В этом плане получается, что в настоящее время все граждане находятся под определенным контролем, который может как помочь в трудной ситуации самому человеку, так и поспособствовать обнаружению и расследованию какого-либо факта преступного деяния. Помимо телефонов мировые прогрессивные новации позволяют создавать и массово распространять сложные технологические браслеты, часы, гарнитуры дополненной реальности.

К сожалению, распространенность потери конечностей имеет тенденцию к росту: по прогнозам, в США к 2050 г. таких людей будет около 3,6 млн [5, р. 422–429]. По мере того, как люди становятся все более и более оснащенными «киборг-устройствами» или сложными технологическими протезами, возникают важные правовые вопросы, которые приводят к переосмыслению самого понятия «человек».

2. Обсуждение

По сути, следует говорить о растущей «киборгизации» всех членов мирового сообщества, которая имеет глобальные и пока мало предсказуемые последствия.

Здесь мы должны обратить внимание на такие правовые проблемы, как:

- отсутствие правового регламентирования киборгприспособлений, так как лицо, имеющее таковые, может обладать дополнительными «сверхспособностями» (видеть лучше, слышать больше, чем обычный человек, осуществлять аудио- или видеосъемку, подъем тяжестей, быть более выносливым и т.п.);

- отсутствие правового регламентирования киборгприспособлений, так как лицо, имеющее таковые, может обладать дополнительными контролирующими (проверяющими) устройствами, не всегда понятными специалистам (кардиостимулятор).

То есть общество столкнулось с проблемой необходимости как правовой защиты самих киборгов от неконтролируемого, незаконного воздействия на них, так и защиты других людей от них в случае, когда они неправомерно воздействуют на обычных граждан.

Иными словами, связь между человеком и машиной, коей являются мобильные устройства, у каждого человека уже непрерывна; считаем необходимым установить четкую правовую регламентацию этого феномена во избежание нарушений прав владельца и других лиц.

В настоящее время разработаны различные виды киборгприспособлений (имплантатов), вживляемых, встраиваемых в тело человека:

- аудио-имплантаты для улучшения слуха;
- аудио-имплантаты для перевода иностранной речи;
- обонятельные имплантаты для усиления запахов или предупреждения об опасностях (газ, дым);

- имплантаты в части конечностей (палец руки), заменяющие устройства хранения информации;
- имплантаты в конечности (чипы *RFID*), вставляемые между пальцами, для отпираания дверей, машины, включения компьютера;
- чипы, вживляемые под кожу;
- антенны, имплантированные в мозг, позволяющие «чувствовать» цвета, лицам, которые не их не различают;
- имплантаты конечностей;
- кардиостимуляторы и др.

Также киборгами являются здоровые люди, которым установлены дополнительные приспособления для придания им уникальных свойств; чаще всего они применяются на сложных производствах или в армиях мира:

- чип для стимулирования головного мозга, для контроля жизнедеятельности и повышения способностей – видеть, слышать, улавливать команды;
- бионический глаз, который видит в темноте;
- вживляемые в мозг микрочипы, позволяющие управлять беспилотниками;
- подкожные сенсоры для укрепления мышц и опорного аппарата;
- экзоскелет, позволяющий при весе 6 кг переносить грузы массой до 60 кг;
- экзоскелет, увеличивающий физические возможности человека и защищающий суставы и позвоночник;
- экзоскелеты для реабилитации пациентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата и нервной системы в нижней части тела, управляются при помощи кнопок, расположенных на костылях, и приводятся в движение благодаря сигналам от датчиков и электромиограммы;
- экзоскелет для восстановления двигательной активности людей с повреждениями спины и нижнего пояса конечностей;
- экзоскелеты для детей с ограниченными возможностями, помогающие самостоятельно передвигаться детям с церебральным параличом, травмами мозга, повреждениями спинного мозга, параплегией, мышечной дистрофией, синдромом Ретта и другими заболеваниями [6];
- мягкий экзоскелет, предназначенный для разгрузки спины при наклонах и поворотах с грузом или без него;
- экзоскелет, позволяющий нивелировать вес используемых инструментов массой до 40 кг;
- экзоскелет, поддерживающий руки во время выполнения манипуляций, которые требуют их длительного удержания на весу;
- экзоскелет, снижающий нагрузку на ноги при беге и при ходьбе до 15%, и др.

При этом следует учитывать, что все страны мира заинтересованы в совершенствовании передовых

технологий, способных помочь человеку при потере своих физических и психических свойств, и, с другой стороны, ищут способы и виды усовершенствовать возможности обычных людей.

Так, в 2019 г. Управление перспективных исследовательских проектов Минобороны США (*DARPA*) получило из бюджета 65 млн долл. на программу по созданию интерфейса «человек-компьютер» [7]. А М. Кларк заявил, что опыты по созданию биологически модифицированных солдат могут привести к появлению «хомо робокопусов» [8].

12 декабря 2020 г. Комитет военной этики Минобороны Франции разрешил эксперименты с бионикой для расширения возможностей солдат французской армии, так как бионика позволит улучшить «физические, когнитивные и психологические способности» солдат. Также разрабатываются медицинские препараты для предотвращения боли, стресса и усталости, а также вещества, которые улучшат психическую устойчивость, если солдат попадет в плен [9].

Как мы понимаем, восполнение утраченных функций обычных людей может повлечь не только их восстановление, но и выход за рамки обычного, придание дополнительных свойств (видеть, слышать, записывать), что помимо помощи может создать правовые и материальные проблемы для обычных, среднестатистических людей.

Не все проблемы пока видны в перспективе, не все могут быть разрешены правовыми нормами – в статье опишем несколько.

Во-первых, имплантаты, вживленные в организм человека, не всегда ему подконтрольны, иногда они могут управляться иными лицами, включая искусственный интеллект (ИИ), например кардиостимуляторы, бионические глаза.

Искусственный интеллект, подключенный к имплантату, собирает всю информацию об организме человека в недоступном для него месте, что является нарушением прав на персональные данные.

Во-вторых, владельцами имплантатов не всегда являются их носители; при повреждении, уничтожении неясно, кто терпит ущерб, в частности в уголовном деле, а восстановление утраченных имплантатов в этом случае может повлечь трудности. Тем более если владелец имплантата – иное лицо, кто будет заинтересован и оплачивать их профилактику и модификацию, – особенно это касается солдат-киборгов. Нужна разработка совершенной организационной, правовой, технической безопасности.

Например, в 2004 г., потеряв левую руку в аварии на мотоцикле, К. Митчелл стала первым человеком, получившим бионическую руку. Устройство обнаруживает движения грудной мышцы, перепрограммированной на культю нерва, и Митчелл управляет рукой с помощью мыслей и имеет те же тактиль-

ные ощущения, что и здоровая рука, чувствует тепло и холод [10].

В-третьих, как избежать последствий для носителей имплантатов при неправомерном, неконтролируемом воздействии чужого ИИ на них (например, если взломают имплантированное медицинское устройство или будут препятствовать передаче беспроводных сигналов устройств, которые носят лица, оснащенные киборг-устройствами)? [11].

Приведем казус, носящий гражданско-правовой характер, но имеющий значение для понимания значимости устройств. Ветеран-инвалид Вьетнама был частично парализован и передвигался с помощью устройства (*MAD*); в 2009 г. авиакомпания повредила *MAD*. Ремонт оказался дорогостоящим и длительным, год владелец оставался обездвиженным. Авиакомпания предложила в качестве возмещения ущерба сумму 1500 долл., мотивируя, что они не причиняли вред владельцу, а только устройству (*MAD*).

Здесь нельзя согласиться, так как современные имплантаты являются высокотехнологичными устройствами, без которых владелец не может вести обычный образ жизни – ходить, слышать, брать рукой и т.п.

Б. Виттес и Д. Чонг говорят, что при повреждении или уничтожении устройств для киборгов правовой проблемой является установление собственника такого приспособления [4]. Например, в США владельцам патентов на такие продукты, как кардиостимуляторы и роботизированные руки, было разрешено применять «лицензионные соглашения с конечным пользователем» (*EULA*) против пациентов. Эти *EULA* могут фактически ограничить то, что пациенты могут делать с продуктами, которые слились с их собственными телами.

В России никак не урегулированы права собственности на кардиостимуляторы, иные имплантаты и другие подобные устройства на или в телах пациентов.

При этом следует учитывать, что большинство кардиостимуляторов и дефибрилляторов оснащены беспроводными возможностями, которые связываются с домашними передатчиками, которые затем отправляют данные врачу пациента. Эксперты продемонстрировали существование огромных уязвимостей в этих контролируемых программным обеспечением медицинских устройствах, подключенных к Интернету. Пока нет действенной защиты от возможных посягательств на человека через управляемое устройство в его теле. Есть мнение, что врач бывшего вице-президента США Дика Чейни приказал отключить беспроводную связь его сердечного имплантата, чтобы предотвратить попытку взлома, пока Чейни был на своем посту.

В-четвертых, существует правовая проблема защиты персональной информации населения при ис-

пользовании другими лицами специальных записывающих устройств, если использование мобильных устройств может быть заметно для окружающих; так, появились, например, *Google Glass*. *Google Glass* – это гарнитура для смартфонов на базе *Android*, разработанная компанией *Google*. В устройстве используется прозрачный дисплей, который крепится на голову и находится чуть выше правого глаза, с камерой, способной записывать видео высокого качества, при этом *Glass* не является ни смартфоном, ни очками. Взаимодействие *Glass* с пользователем осуществляется через голосовые команды (базовой является команда «*Ok, Glass*», после которой следует просьба выполнить какую-либо функцию; кроме того, через гарнитуру можно диктовать тексты), жесты, распознаваемые тачпадом, который расположен на дужке за дисплеем, и систему передачи звука с использованием костной проводимости. Концепция *Google Glass* в конечном счете должна реализовывать одновременно три отдельные функции: дополненную реальность, мобильную связь и Интернет и видеодневник. Первая версия очков полноценно реализует видеодневник и лишь частично дополненную реальность и коммуникационную составляющую.

Запрет на использование *Google Glass* в публичных местах был основан на доводах защиты конфиденциальности, а кинотеатры не разрешали с ним заходить зрителям из-за защиты авторских прав. Однако такие запреты могут создать проблемы, когда эквивалент *Google Glass* будет физически ввинчен в голову человека.

Также С. Манн (США) носит «*EyeTap*» камеру, подключенную к его голове; он способен транслировать все, что видит, сразу в Интернет. В 2012 г. на Манна было совершено нападение работниками *McDonald's*. Примечательно, что это было первым в мире преступлением по мотиву ненависти к киборгам [12].

Таким образом, последствия от способностей киборгов могут по-разному отражаться на простых гражданах; например, в Мексике в 2004 г. *RFID*-чипы были имплантированы в тела 160 прокуроров и следователей, чтобы предоставить им автоматический доступ к ограниченным зонам.

Распространенность технологий, улучшающих качество жизни и которые постоянно должны быть с человеком, позволяет прогнозировать в будущем бесшовную интеграцию тела человека и различных мобильных устройств. Одним это действительно необходимо для нормального существования, но, возможно, кто-то может использовать их для совершения противоправных действий. Особенно опасными являются различные чипы, вживляемые в мозг человека, при воздействии на которые лицо может стать неуправляемым или, наоборот, руководимым чужой злой волей.

Некоторые ученые считают, что тело обычного человека несовершенно и всем необходимо начать модификацию, в первую очередь для увеличения продолжительности и улучшения качества жизни, а также для существенного увеличения человеческих способностей и навыков. С новыми высокотехнологичными вживляемыми (прикрепляемыми) в тело устройствами можно стать дополненными людьми («протезными богами»).

В США есть много противников кибергизации и появилось целое движение «*Stop the Cyborgs*». Однако следует учитывать, что необходимо принимать во внимание права тех киборгов, которые не могут нормально существовать без имплантов, например, на Гаити мальчик-инвалид С. Джозеф с 3D-печатным протезом руки.

Современный этап кибергизации ученые считают младенчеством, так как нет детального представления о масштабах, скорости или глубине интеграции с машинами. Она может остаться потребительской зависимостью от предметов и устройств, которые делают человека более совершенным, или превратиться в физически тесную связь между человеком и машиной.

В-пятых, имеет значение правовой вопрос о том, есть ли у современного человека право выбора, может ли он обойтись без банковской карты и телефона, чтобы за ним не было наблюдения. Для нас важно отметить, что как раз у киборга нет выбора – его будут точно контролировать медицинские и страховые организации.

В принципе, с учетом технологической оснащенности, любой киборг может быть отслежен, так как он использует возможности геолокации, а его физиологические реакции на факторы окружающей среды и данные, связанные с использованием компьютера, также лишены конфиденциальности.

Сбор данных о киборгах идет наряду с сбором информации о каждом человеке, многие публикуют в социальных сетях свои селфи, фотографии с детьми и родственниками. Также человек может попасть на фото, видео других лиц, которые повсеместно снимают себя и других. Конечно, киборги имеют больше возможностей для незаметного сбора, хранения, обработки больших объемов информации.

С одной стороны, есть опасность в том, что за киборгами непрерывно следят (даже не за ними, а за имплантами), но и они сами способны на многое в этом плане. Ежедневно пользуясь мобильными устройствами, все население добровольно становится киборгами, чьи данные могут быть собраны, найдены и иногда использованы против него. Действенная правовая защита пока отсутствует.

Можно предположить, что в скором будущем технологической конечной точкой эволюции мобильных телефонов может стать их вживляемый в тело человека аналог. Человек просто мысленно решит с кем-то поговорить и сможет соединиться с устройством другого. Это может повлечь бесконтрольный сбор, модификацию, использование и изменение мыслей человека, что, на наш взгляд, особенно опасно.

Права человека на использование имплантатов будут меняться по мере того, как граница между человеком и ими будет размываться.

Прогнозируется, что помимо полезных свойств киборги могут создать новые проблемы для правового регулирования, так как они не являются ни полностью людьми, ни полностью машинами, но имеют сверхспособности. Считаем, что законодателям всего мира стоит работать на опережение, предусматривать юридическую регламентацию прав и обязанностей киборгов.

Пристатейный библиографический список

1. Путин В. В. Искусственный интеллект – главная технология XXI века (выступление на конференции по искусственному интеллекту *Artificial Intelligence Journey (AI Journey 2020)* 4 декабря 2020 г.) // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 10.07.2022).
2. Cyborg // Oxford Learner's Dictionaries : сайт. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/cyborg (дата обращения: 10.07.2022).
3. Constitution 3.0: Freedom, Technological Change and the Law // Brookings : сайт. URL: <https://www.brookings.edu/events/constitution-3-0-freedom-technological-change-and-the-law/> (дата обращения: 10.07.2022).
4. Wittes B., Chong J. Our Cyborg Future: Law and Policy Implications // Brookings : сайт. URL: <https://www.brookings.edu/research/our-cyborg-future-law-and-policy-implications> (дата обращения: 10.07.2022).
5. Ziegler-Graham K., MacKenzie E. J., Ephraim P. L., Trivison T. G., Brookmeyer R. Estimating the Prevalence of Limb Loss in the United States: 2005 to 2050 // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. 2008. Vol. 89.
6. Решетникова М. Медицина, стройка, армия : где сегодня применяют экзоскелеты // РБК : сайт. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617192ae9a7947e18cfd8aa>. (дата обращения: 10.07.2022).
7. Коц А. «Чип вживляют в мозг» : раскрыты детали программы солдат-киборгов в США // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20201211/implantat-1588462718.html> (дата обращения: 10.07.2022).

8. *Шишкин О.* Новобранцы-киборги : чего ожидать от солдат будущего // ПЕН ТВ : сайт. URL: <https://ren.tv/news/lifestyle/888261-novobrantsy-kiborgi-chego-ozhidat-ot-soldat-budushchego> (дата обращения: 10.07.2022).
9. Солдаты-киборги разрешены во французской армии // Warspot : сайт. URL: <https://warspot.ru/18593-soldaty-kiborgi-razresheny-vo-frantsuzskoy-armii> (дата обращения: 10.07.2022).
10. Прорыв в бионике : рука-протез чувствует так же хорошо, как и двигается // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20080911/151191327.html> (дата обращения: 10.07.2022).
11. *Goodman M.* Future Crimes : Everything Is Connected, Everyone Is Vulnerable and What We Can Do About It. New York : Doubleday Press, 2015.
12. *Smith J.* Google Glass-Like Device User Claims Assault at McDonald's // Gotta Be Mobile : сайт. URL: <https://www.gottabemobile.com/digital-glasses-wearer-assaulted-at-mcdonalds-for-wearing-precursor-to-google-glass/> (дата обращения: 10.07.2022).

References

1. *Putin V. V.* Artificial Intelligence Is the Main Technology of the 21st Century (Speech at the Artificial Intelligence Journey Conference (AI Journey 2020) on 4 December 2020). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (date of the application: 10.07.2022).
2. Cyborg. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/cyborg (date of the application: 10.07.2022).
3. Constitution 3.0: Freedom, Technological Change and the Law. URL: <https://www.brookings.edu/events/constitution-3-0-freedom-technological-change-and-the-law/> (date of the application: 10.07.2022).
4. *Wittes B., Chong J.* Our Cyborg Future: Law and Policy Implications. URL: <https://www.brookings.edu/research/our-cyborg-future-law-and-policy-implications> (date of the application: 10.07.2022).
5. *Ziegler-Graham K., MacKenzie E. J., Ephraim P. L., Trivison T. G., Brookmeyer R.* Estimating the Prevalence of Limb Loss in the United States: 2005 to 2050. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 2008. Vol. 89.
6. *Reshetnikova M.* Medicine, Construction, Army: Where Exoskeletons Are Used Today. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617192ae9a7947e18cfd8aa> (date of the application: 10.07.2022).
7. *Kots A.* "The Chip Is Implanted in the Brain": The Details of the Cyborg Soldier Program in the USA Are Revealed. URL: <https://ria.ru/20201211/implantat-1588462718.html> (date of the application: 10.07.2022).
8. *Shishkin O.* Recruits-Cyborgs: What to Expect From the Soldiers of the Future. URL: <https://ren.tv/news/lifestyle/888261-novobrantsy-kiborgi-chego-ozhidat-ot-soldat-budushchego> (date of the application: 10.07.2022).
9. Cyborg soldiers are allowed in the French army. URL: <https://warspot.ru/18593-soldaty-kiborgi-razresheny-vo-frantsuzskoy-armii> (date of the application: 10.07.2022).
10. A breakthrough in bionics: a prosthetic arm feels as good as it moves. URL: <https://ria.ru/20080911/151191327.html> (date of the application: 10.07.2022).
11. *Goodman M.* Future Crimes: Everything Is Connected, Everyone Is Vulnerable and What We Can Do About It. New York: Doubleday Press, 2015.
12. *Smith J.* Google Glass-Like Device User Claims Assault at McDonald's. URL: <https://www.gottabemobile.com/digital-glasses-wearer-assaulted-at-mcdonalds-for-wearing-precursor-to-google-glass/> (date of the application: 10.07.2022).

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР*

ХОХЛОВА

Елена Васильевна

аспирантка Юго-Западного
государственного университета
(г. Курск)

khokhlova1975@bk.ru

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-90-97>

Актуальность исследования обусловлена глобальными изменениями преступности, ее «цифровизацией», отразившейся в том числе на состоянии защиты персональных данных человека. Большинство государств мира приняли регулятивные законы о защите персональных данных и сделали их самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. В этом смысле уголовно-правовые средства по защите действующим Уголовным кодексом РФ личных данных нельзя признать оптимальными. Предметом исследования являются нормы об уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности персональных данных стран бывшего СССР, а его целью – определение эффективности уголовно-правовой защиты неприкосновенности персональных данных отечественным уголовным законом, выявление его пробелов и недостатков с учетом имеющегося опыта зарубежного законодателя по рассматриваемому составу преступления. Для этой цели применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. В статье проводятся параллели российского уголовного закона с аналогами уголовно-правовых норм об охране персональных данных 13 бывших союзных республик, среди них Азербайджан, Армения, Грузия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан. Автор статьи обращает внимание на то, что вопреки сложившимся правовым традициям советского периода уголовные кодексы некоторых государств ближнего зарубежья содержат свои оригинальные идеи, принципиально отличные от концептуального подхода к защите персональных данных человека российским законодателем. Уголовные законы различаются пониманием объекта преступлений, совершаемых в отношении персональных данных, перечнем общественно опасных деяний, изложенных в диспозиции, квалифицирующими признаками. В статье изложены новые, ранее не опубликованные результаты компаративистского анализа уголовного законодательства стран бывшего СССР об ответственности за нарушение неприкосновенности персональных данных как составляющей нарушения частной жизни человека. Они могут быть заимствованы правом национальным при модернизации формулировки диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ.

**Персональные данные
человека;
нарушение
неприкосновенности частной
жизни человека;
зарубежный опыт;
уголовный кодекс;
страны бывшего СССР**

* Работа подготовлена под научным руководством к.ю.н., доцента М. Н. Урда в рамках выполнения государственного задания на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующего общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Elena V. KHOKHLOVA

Post-Graduate Student,
Southwest State University
(Kursk)

khokhlova1975@bk.ru

**Personal data of a person;
violation of human privacy;
foreign experience;
criminal code;
countries of the former USSR**

ON CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE INVIOABILITY OF HUMAN PERSONAL DATA IN THE COUNTRIES OF THE FORMER USSR

The relevance of the study is due to global changes in crime, its “digitalization”, which also affected the state of protection of human personal data. Most states of the world have adopted regulatory laws on the protection of personal data and made them an independent object of criminal law protection. In this sense, criminal legal means for the protection of personal data by the current Criminal Code of the Russian Federation cannot be recognized as optimal. The subject of the study is the norms on criminal liability for violation of the inviolability of personal data of the countries of the former USSR, and its purpose is to determine the effectiveness of criminal legal protection of the inviolability of personal data by domestic criminal law, to identify its gaps and shortcomings, taking into account the existing experience of a foreign legislator on the considered corpus delicti. For this purpose, formal-legal and comparative-legal research methods were used. The article draws parallels of the Russian criminal law with analogues of criminal law norms on the protection of personal data of thirteen former union republics. Among them are Azerbaijan, Armenia, Georgia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine and Uzbekistan. The author of the article draws attention to the fact that contrary to the prevailing legal traditions of the Soviet period, the criminal codes of some neighboring states contain their original ideas, fundamentally different from the conceptual approach to protecting human personal data by a Russian legislator. Criminal laws differ in understanding the subject of crimes committed against personal data, a list of socially dangerous acts set out in the disposition, qualifying signs. The article sets out new, previously unpublished results of a comparative analysis of the criminal legislation of the countries of the former USSR on liability for violation of the inviolability of personal data as part of a violation of a person’s private life. They can be borrowed by national law when modernizing the wording of the disposition of the corpus delicti under Article 137 of the Criminal Code.

Сравнительно-правовой анализ иностранных источников уголовного права стран бывшего СССР позволил сгруппировать сложившиеся в них модели охраны персональных данных.

Первая модель предусматривает общую норму об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни лица, в которой отсутствует конструктивный признак персональных данных человека, однако их охрана ею презюмируется (Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Литва, Молдова, Таджикистан, Туркменистан).

При обращении к опыту государств бывшего СССР обнаруживается, что норма, подобная ст. 137 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ, имеется в законодательстве Азербайджанской Республики. В ст. 156 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» гл. 22 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [1] предусмотрена ответственность за незаконное собирание и распро-

странение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну. Отдельно персональные данные в диспозиции не упоминаются, однако по ч. 1 наказуема, в отличие от УК РФ, и продажа или передача другому лицу документов, материалов видео- и фотосъемок, звукозаписей с указанными сведениями.

Оригинальным в УК Азербайджана является и признание нарушения неприкосновенности частной жизни с использованием дистанционно управляемого беспилотного летательного аппарата отягчающим обстоятельством (ст. 156.2.2). Им же считается совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения (ст. 156.2.1).

В армянском Уголовном кодексе [2] ст. 144 об ответственности за незаконные действия со сведениями о личной или семейной жизни помещена в гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Сопоставление положе-

ний двух кодексов – России и Армении – показывает, что конструктивные признаки объективной стороны ч. 1 ст. 137 отечественного УК и ст. 144 одни и те же: несогласие человека на действия с информацией о нем; распространение таких сведений в публичных выступлениях, публично демонстрируемых произведениях или средствах массовой информации. Единственное различие этих норм в том, что в качестве альтернативных деяний в ст. 144 УК Армении выделяются не только незаконное собирание или распространение личных данных, но и их использование и хранение.

Местоположение ст. 190 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» в *Уголовном кодексе Кыргызской Республики* [3] – гл. 27 «Преступления против гражданских и иных прав человека». По ней, как и в ст. 144 УК Армении, кроме незаконного сбора и распространения информации о частной жизни человека, именуемой авторами Кодекса конфиденциальной, признаются противоправными хранение и использование чужих личных сведений. Причем эти действия наказуемы сами по себе по ч. 1, а уже их незаконное использование либо распространение в произведении, выступлении в СМИ либо ином публичном выступлении выносятся в ч. 2 вместе с признаком использования виновным своего служебного положения.

В гл. XXIV «Преступления против неприкосновенности частной жизни лица» *Уголовного кодекса Литовской Республики* [4] охрана неприкосновенности частной жизни осуществляется посредством двух норм: в ст. 167 говорится о наказании того, кто незаконно собирал сведения о частной жизни лица. По ч. 1 ст. 168 виновным признается тот, кто без согласия лица разгласил, воспользовался в пользу третьих лиц сведениями о частной жизни другого человека, если он овладел этими сведениями вследствие своей должности либо профессии, или выполняя временное задание, или собрал их при совершении иных преступлений. К последним наряду со ст. 167 относятся незаконное нарушение неприкосновенности жилища лица (ст. 165) и незаконное нарушение тайны телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 166).

В другой стране бывшего Союза, Молдове, законодатель по российскому образцу счел необходимым наделить диспозицию ч. 1 ст. 177 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», расположенной в гл. V «Преступления против политических, трудовых и других конституционных прав граждан» *Уголовного кодекса Республики Молдова* [5] отсутствием согласия человека на собирание или распространение охраняемых законом сведений о его частной жизни, составляющих личную или семейную тайну. Причем в тексте нормы оговаривается, что собирание этих

данных является незаконным, а их распространение – умышленным. Разработчики Кодекса указывают в качестве квалифицирующего признака незаконного собирания сведений о частной жизни использование специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (1-1). Подобно же УК Азербайджана, Грузии, Беларуси, Таджикистана и Кыргызстана молдавский законодатель в ч. 2 признаетотягчающими наказание обстоятельствами распространение информации с умышленным использованием служебного положения (b), а также посредством публичного выступления, через средства массовой информации (a).

Как и в армянском уголовном законе, *Уголовной кодекс Республики Таджикистан* [6] содержит ту же нумерацию и заголовок главы – гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», в которой расположена ст. 144 «Незаконное собирание и распространение информации о частной жизни». Как и другие страны бывшего СССР, в Таджикистане криминализовано нарушение неприкосновенности частной жизни человека путем перечисления в диспозиции тех же способов распространения сведений о ней – в публичном выступлении, произведении, СМИ, сети Интернет. Уголовная ответственность также наступает при несогласии человека на какие-либо действия с информацией о нем. Разница же с уголовным правом России и других государств ближнего зарубежья имеется в том, что деяния, обозначенные в названии статьи, должны быть совершены из корыстной или иной личной заинтересованности или причинить вред правам и законным интересам гражданина [7, с. 189]. Квалифицированный состав образуют те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2).

Представляет интерес и содержание диспозиции ст. 146 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» *Уголовного кодекса Туркменистана* [8]. В ней практически дословно воспроизведены те же самые действия, о которых говорится почти в каждом уголовном законе стран бывшего Союза ССР, – незаконное собирание, хранение либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица. При этом для наступления уголовной ответственности требуется административная преюдиция: в формулировку основного состава вводится повторность противоправных действий в течение одного года после применения административного взыскания. В ч. 2 ст. 146 выносятся распространение указанных сведений в публичном выступлении, публично выставленном произведении или в средствах массовой информации.

По второй модели наличествует одна норма об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни человека и персональных данных (Беларусь, Грузия, Казахстан, Украина).

Уголовный кодекс Республики Беларусь [9] содержит две новые нормы об охране персональных данных – ст. 203¹, 203², внесенные в УК Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности». Причем наряду с другими нормами их конституционность проверялась Конституционным судом Беларуси в порядке обязательного предварительного контроля [10]. В доктрине уголовного права Беларуси активно дискутировалась состоятельность ст. 179 УК «Незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни», которая не могла, по мнению ученых, обеспечить эффективную охрану персональных данных, в связи с чем предлагалась криминализация конкретных действий с персональными данными (обработка, сбор, трансграничная передача, хранение, обезличивание, разглашение и т.д.) [11, с. 16, 75; 12].

В результате реформы ст. 179 была исключена из Кодекса с его дополнением ст. 203¹, 203² и изменением их местоположения (из гл. 21 о преступлениях против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних в гл. 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»). До указанных изменений уголовно-правовая охрана персональных данных в Беларуси обеспечивалась, как и в УК РФ, системой общих норм – ст. 179, а также деяниями, включающими несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349); изменение информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, либо внесение заведомо ложной информации, причинившее существенный вред (ст. 350); умышленное уничтожение, блокирование, приведение в непригодное состояние компьютерной информации или программы, либо вывод из строя компьютерного оборудования, либо разрушение компьютерной системы, сети или машинного носителя (ст. 351); неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352).

Заголовок ст. 203¹ «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» и ее диспозиция указывают на схожее со ст. 147 УК Казахстана технико-юридическое оформление текста этой нормы, объединившей в себе и охрану частной жизни, и персональных данных. Здесь наказуемы умышленные незаконные сбор, предоставление информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия (ч. 1), умышленное незаконное распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия (ч. 2). По обе-

им частям эти деяния должны повлечь причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина, а в ч. 3 отягчающим обстоятельством признается их совершение в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга. Недостатком этой нормы ученые называют неоднозначно толкуемую «существенность» вреда, что формирует неединообразную правоприменительную практику с разной квалификацией одних и тех же деяний [13, с. 23].

Диспозиция второго состава преступления – ст. 203² «Несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных» – наделена признаком специального субъекта, осуществляющего обработку персональных данных. Содеянное должно повлечь только неосторожное их распространение и причинение тяжких последствий.

Похожий подход реализован в *Уголовном кодексе Грузии* [14]. Его гл. XXIII «Преступления против прав и свобод человека» с 2016 г. содержит специальную норму об ответственности за посягательство на информацию, отражающую личную жизнь, или персональные данные (ст. 157). По первой ее части наказываются незаконные получение, хранение, использование, распространение информации, отражающей личную жизнь, или персональных данных либо иное обеспечение доступа к ним, повлекшие значительный вред.

Вторым наказуемым действием в отношении информации о частной жизни и персональных данных помимо незаконного использования грузинский законодатель в ч. 2 называет их распространение в производстве, через Интернет, социальные сети, массовое вещание или при ином публичном выступлении, повлекшее значительный вред.

В Кодексе уделено особое внимание регламентации отягчающих обстоятельств. По ч. 3 ими признается совершение указанных в первых двух частях ст. 157 деяний из корыстных побуждений (а) или неоднократно (б), а по ч. 4 – специальный субъект. Это лица, совершившие указанные деяния с использованием служебного положения либо обязанные ввиду служебного положения, профессиональной деятельности или других обстоятельств хранить эту информацию или данные.

Примечание к ст. 157 специально оговаривает, что лицо не может подлежать уголовной ответственности в случаях, если оно передает следственным органам добытую (хранящуюся) информацию о личной жизни или персональные данные, и предоставляет таким образом информацию об ином совершенном (ожидаемом) преступном деянии.

Грузинский правотворец системно подходит к определению преступлений против частной жизни че-

ловека. В отличие от российской нормы, в которой частной жизнью признаются сведения, составляющие его личную или семейную тайну, в УК Грузии в отдельный состав преступления выносится посягательство на тайну личной жизни (ст. 157¹).

Первой страной из бывших республик СССР, установившей уголовную ответственность именно за нарушение Закона от 21 мая 2013 г. № 94-V «О персональных данных и их защите», стал Казахстан. После его принятия ст. 147 «Нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите» гл. 3 «Уголовные правонарушения против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина» Особенной части *Уголовного кодекса Республики Казахстан* [15] подверглась изменениям. В одной норме объединяется нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных. По уголовному законодательству Казахстана несоблюдение мер по защите персональных данных должно быть сопряжено с общественно опасными последствиями в виде «существенного вреда правам и законным интересам лиц» (ч. 1). В диспозиции ч. 1 содержится прямое указание на субъект преступления, который обозначен как «лицо, на которое возложена обязанность принятия таких мер». По ч. 2 уголовно наказуемым деянием признается причинение существенного вреда правам и законным интересам лица в результате незаконных сбора и (или) обработки иных персональных данных (иных – кроме сведений, составляющих личную или семейную тайну).

В ряде квалифицирующих признаков посягательств в отношении персональных данных и конфиденциальности казахстанский УК выделяет:

- совершение указанных деяний с использованием служебного положения или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, либо путем незаконного доступа к электронным информационным ресурсам, информационной системе или незаконного перехвата информации, передаваемой по сети телекоммуникаций, либо в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или для других лиц, или организаций (ч. 3);

- распространение сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации или с использованием сетей телекоммуникаций (ч. 4).

В ч. 1 ст. 182 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» разд. V «Уголовные преступления против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина» *Уголовного кодекса Украины* [16] используется аналогичная ст. 32 Конституции формулировка «конфиденциальная информация о лице». В отличие от УК Казахстана неправомерные

действия с персональными данными конкретизируются: уголовная ответственность наступает за их незаконное собирание, хранение, использование, уничтожение, распространение. В отличие от российского украинский законодатель вводит наказание за незаконное изменение персональных данных. Повторность тех же действий и причинение существенного вреда охраняемым законом правам, свободам и интересам лица образуют квалифицированный состав (ч. 2). В примечании к ст. 182 УК Украины конкретизируется определение существенного вреда: он заключается в причинении материального ущерба, в сто и более раз превышающего необлагаемый минимум доходов граждан. Здесь же оговариваются и обстоятельства, исключающие уголовную ответственность при публичном сообщении лицом информации о совершении уголовного или иного правонарушения.

Третья модель включает две самостоятельные нормы – общую и специальную, устанавливающие ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни лица и персональных данных (Латвия, Узбекистан).

Статья 145 «Незаконные действия с данными физического лица» гл. XIV «Преступные деяния против основных прав и свобод личности» *Уголовного кодекса Латвийской Республики* [17] интересна тем, что в ней содержатся три состава преступления. В ч. 1 говорится о незаконных действиях в отношении персональных данных человека, а в ч. 2 – о тех же действиях, совершенных с целью мести, корысти или шантажа специальным субъектом – заведующим обработкой личных данных или оператором. Отдельно, в ч. 3, криминализованы действия, связанные с применением насилия либо угроз, или с использованием доверия или обмана в отношении заведующего обработкой личных данных или оператора либо субъекта данных с целью осуществления незаконных действий с данными физического лица.

В узбекском уголовном законе наблюдается концептуальный подход, отличный от УК РФ и большинства кодексов других стран бывшего Союза. После принятия Закона от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547 «О персональных данных» в 2021 г. в гл. VII «Преступления против конституционных прав и свобод граждан» *Уголовного кодекса Республики Узбекистан* [18] вводится ст. 141² об ответственности за нарушение законодательства о персональных данных. И это при том, что в национальном уголовном праве уже действует норма о нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 141¹). Исследователи отмечают ряд особенностей конструкции новой нормы. Во-первых, наказуемыми являются незаконный сбор, систематизация, хранение, изменение, дополнение, использование, предоставление, распространение, передача, обезличивание и уничтожение персональных данных. Во-

вторых, несоблюдение при обработке персональных данных граждан Республики Узбекистан с использованием информационных технологий, в том числе во всемирной информационной сети Интернет, требований по сбору, систематизации и хранению персональных данных на технических средствах, физически размещенных на территории Республики Узбекистан, и в базах персональных данных, зарегистрированных в установленном порядке в Государственном реестре баз персональных данных. В-третьих, названные деяния становятся преступными, если они совершены после применения административного взыскания за те же действия (административная преюдиция) [19, с. 151].

Узбекский УК в сравнении с другими странами-участницами СНГ и ближнего зарубежья отличает множествоотягчающих признаков, которым отведена ч. 2 ст. 141², а именно п. «а»–«д». Их перечень включает деяния, совершенные по предварительному сговору группой лиц (а); повторно или опасным рецидивистом (б); из корыстных или иных низменных побуждений (в); с использованием служебного положения (г) или повлекшие тяжкие последствия (д).

Таким образом, сравнительно-правовой анализ иностранных источников уголовного права стран ближнего зарубежья позволяет сделать следующие выводы:

1. В уголовных законах стран бывшего СССР прослеживается преемственность советской традиции по местоположению рассматриваемого состава преступления. Общность объекта посягательства в большинстве кодексов республик, входивших в прошлом в состав СССР, очевидна по наименованию структурных частей Особенной части, где оно располагается. Среди них главы или разделы о преступлениях против прав и свобод человека (гл. XXIII, Грузия); о преступлениях против основных прав и свобод личности (гл. XIV, Латвия); о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 22, Азербайджан; гл. 19, Армения, Таджикистан, Туркменистан; гл. 23, Беларусь; гл. VII, Узбекистан); о преступлениях против гражданских и иных прав человека (гл. 27, Кыргызстан).

Несколько иначе именуются заголовки разд. V УК Украины и гл. V УК Молдовы – «Преступления против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина» и «Преступления против политических, трудовых и других конституционных прав граждан», хотя из их содержания следует, что речь идет о тех же конституционных правах. Исключение сделала Литва, называя гл. XXIV УК преступлениями против неприкосновенности частной жизни лица.

2. В уголовных законах значительного числа государств постсоветского пространства, где проводится

дифференциация уголовной ответственности, отягчающим ответственность обстоятельством по примеру законодательства России признается использование должностного или служебного положения (Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан). Кодексы некоторых государств конкретизируют субъектный состав: лицо, осуществляющее обработку персональных данных (Беларусь), заведующий обработкой личных данных или оператор (Латвия), лица, обязанные ввиду служебного положения, профессиональной деятельности или других обстоятельств хранить эту информацию или данные (Грузия).

При схожести оформления запретов в уголовном законе многих государств наблюдается различие с УК РФ в части изложения квалифицирующих признаков. Во многих диспозициях таковыми признаются причинение существенного вреда охраняемым законом правам, свободам и интересам лица (Украина), тяжких последствий (Узбекистан), вреда правам и законным интересам гражданина (Таджикистан), значительного вреда (Грузия), повторность тех же действий (Украина) и неоднократность (Грузия), а также их мотив – корыстные или иные низменные побуждения (Узбекистан), корыстные побуждения (Грузия), корыстная или иная личная заинтересованность (Таджикистан). Из всех союзных республик только азербайджанский законодатель вводит квалифицирующий признак посягательства на частную жизнь человека с использованием дистанционно управляемого беспилотного летательного аппарата, а молдавский – с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Неизвестно УК РФ и отягчение ответственности за совершение посягательства на персональные данные и частную жизнь в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга по примеру Беларуси, а также соучастие в форме группы лиц по предварительному сговору и опасный рецидив, как в Узбекистане.

3. В ряде стран бывшего СССР имеются концептуальные новации, аналогов которых в российской уголовно-правовой модели нет. Многие из них представляются вполне обоснованными и могут быть введены в российскую юридическую практику. Посягательства в отношении конфиденциальных данных человека в специальной норме Особенной части предусмотрел Узбекистан, а Беларусь, Грузия, Казахстан, Украина ввели их в качестве объекта охраны в один состав о нарушении неприкосновенности частной жизни человека, что может использовать и российский законодатель.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (в ред. от 22 апреля 2022 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 21.05.2022).
2. Уголовный кодекс Республики Армения (в ред. от 24 декабря 2021 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения: 04.06.2022).
3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (в ред. от 30 июня 2022 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=94723 (дата обращения: 12.03.2022).
4. Уголовный кодекс Литовской Республики (в ред. от 21 февраля 2022 г.) // Legislationline : сайт. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8272/file/Lithuania_CC_2000_am2017_en.pdf (дата обращения: 12.06.2022).
5. Уголовный кодекс Республики Молдова (в ред. от 21 апреля 2022 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 12.06.2022).
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (в ред. от 23.12.2021) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (дата обращения: 17.06.2022).
7. Павлинов А. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6.
8. Уголовный кодекс Туркменистана (в ред. от 13 ноября 2021 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483 (дата обращения: 12.03.2022).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. от 13 мая 2022 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984#activate_doc=2&pos=6;-98&pos2=1840;-97 (дата обращения: 24.06.2022).
10. Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 17 мая 2021 г. № Р-1270/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»» // Вестник Конституционного суда Республики Беларусь. 2021. № 2.
11. Абламейко М. С. Правовое регулирование персональных данных с учетом введения ID-карт и биометрических паспортов // Журнал Белорусского государственного университета. 2018. № 1.
12. Вабищевич В. В. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны персональных данных // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 1.
13. Вабищевич В. В. Опыт уголовно-правовой охраны персональных данных Казахстана и Германии // Борьба с преступностью : теория и практика : материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. (Могилев, 23 апреля 2020 г.). Могилев : Могилев. институт МВД Республики Беларусь, 2020.
14. Уголовный кодекс Грузии (в ред. от 18 апреля 2022 г.) // Legislationline : сайт. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8847/file/Georgia_Criminal_Code_am2020_ru.pdf (дата обращения: 12.06.2022).
15. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 27 июня 2022 г.) // Казахстанская правда. 2022. 28 июня.
16. Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. от 21 июля 2021 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&pos (дата обращения: 04.08.2021).
17. Уголовный кодекс Латвийской Республики (в ред. от 23 мая 2021 г.) // Legislationline : сайт. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/19/Kyrgyzstan/show> (дата обращения: 12.03.2022).
18. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (в ред. от 23 июня 2022 г.) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&pos=1670;56#pos=1670;56 (дата обращения: 27.06.2022).
19. Мачковский Л. Г. Ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5 (250).

References

1. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (as amended by 22 April 2022). URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (date of the application: 21.05.2022).
2. Criminal Code of the Republic of Armenia (as amended by 24 December 2021). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (date of the application: 04.06.2022).

3. Criminal Code of the Kyrgyz Republic (as amended by 30 June 2022). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=94723 (date of the application: 12.03.2022).
4. Criminal Code of the Republic of Lithuania (as amended by 21 February 2022). URL: https://www.legislationline.org/download/id/8272/file/Lithuania_CC_2000_am2017_en.pdf (date of the application: 12.06.2022).
5. Criminal Code of the Republic of Moldova (as amended by 21 April 2022). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (date of the application: 12.06.2022).
6. Criminal Code of the Republic of Tajikistan (as amended by 23 December 2021). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (date of the application: 17.06.2022).
7. Pavlinov A. A. Criminal Liability for Violation of Privacy. *Gaps in Russian Legislation*. 2013. No. 6.
8. Criminal Code of Turkmenistan (as amended by 13 November 2021). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483 (date of the application: 12.03.2022).
9. Criminal Code of the Republic of Belarus (as amended by 13 May 2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984#activate_doc=2&pos=6;-98 & pos2 = 1840;-97 (date of the application: 24.06.2022).
10. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus of 17 May 2021 No. R-1270/2021 "On the Compliance of the Constitution of the Republic of Belarus with the Law of the Republic of Belarus 'On Changing Codes on Criminal Liability'". *Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus*. 2021. No. 2.
11. Ablameiko M. S. Legal Regulation of Personal Data, Taking Into Account the Introduction of ID-Cards and Biometric Passports. *Journal of Belarusian State University*. 2018. No. 1.
12. Vabishchevich V. V. Foreign Experience in Criminal Law Protection of Personal Data. *Journal of Belarusian State University. Law*. 2019. No. 1.
13. Vabishchevich V. V. Experience in Criminal Law Protection of Personal Data of Kazakhstan and Germany. In *Combating Crime: Theory and Practice: Materials of the VIII International Scientific-Practical Conference (Mogilev, 23 April 2020)*. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus Publ., 2020.
14. Criminal Code of Georgia (as amended by 18 April 2022). URL: https://www.legislationline.org/download/id/8847/file/Georgia_Criminal_Code_am2020_ru.pdf (date of the application: 12.06.2022).
15. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of 3 July 2014 No. 226-V (with an amendment and additional paragraph of 27 June 2022). *Kazakhstan Truth*. 28 June 2022.
16. Criminal Code of Ukraine (as amended and additional from 21 July 2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&pos (date of the application: 04.08.2021).
17. Criminal Code of the Republic of Latvia (as amended by 23 May 2021). URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/19/Kyrgyzstan/show> (date of the application: 12.03.2022).
18. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (as amended by 23 June 2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&pos=1670;56#pos=1670;56 (date of the application: 27.06.2022).
19. Machkovskii L. G. Responsibility for Violation of Privacy in the Criminal Legislation of Russia and Foreign Countries. *Izvestia of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 2003. No. 5 (250).

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-98-104>

Семейное предпринимательство зависит от наличия особых доверительных отношений между участвующими в нем членами семьи и родственниками. Представляется, что прекращение семейных отношений должно приводить к прекращению семейной предпринимательской деятельности. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научной разработки такого нового явления для российского предпринимательства, как семейный бизнес. Предметом исследования являются нормы гражданского и семейного законодательства, позволяющего выявить последствия прекращения семейных отношений для совместной предпринимательской деятельности членов семьи. Цель статьи состоит в определении последствий прекращения семейных отношений для совместной предпринимательской деятельности членов семьи. В статье использовались такие методы, как анализ, синтез, системный подход, догматико-юридический. Использование методов анализа и синтеза позволило охарактеризовать специфику прекращения семейных отношений для совместной предпринимательской деятельности членов семьи. Применение системного подхода привело к структурированному изложению эмпирического материала. Догматико-юридический метод направлен на изучение законодательства о предпринимательской деятельности, семейного законодательства. Автором делается вывод о том, что следствием прекращения семейных отношений может быть раздел имущества между участниками семейной предпринимательской деятельности или преобразование в новые формы ведения такой деятельности, в том числе путем заключения договора о продолжении предпринимательской деятельности между ее бывшими участниками. Обосновывается, что оптимальным вариантом является применение договорной модели организации отношений семейного предпринимательства, основанной на свободе заключения соглашения о порядке и условиях ведения семейной предпринимательской деятельности. Договорная модель позволяет сторонам по своему усмотрению решать проблемы перехода имущества, прав и обязанностей при любом изменении состава участников семейной предпринимательской деятельности или ее прекращении, а также заранее определять порядок и условия раздела имущества, используемого для осуществления такой деятельности или приобретаемого в процессе ее осуществления.

ПОНОМАРЕВ

Дмитрий Александрович

аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)

**Семья;
член семьи;
семейное предприятие;
семейное
предпринимательство;
семейные отношения;
раздел имущества**

Dmitrii A. PONOMAREV

Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)

CONSEQUENCES OF THE TERMINATION OF FAMILY RELATIONS FOR THE JOINT BUSINESS ACTIVITIES OF FAMILY MEMBERS

**Family;
family member;**

Family entrepreneurship depends on the existence of a special relationship of trust between the family members and relatives involved. It seems that the

**family enterprise;
family entrepreneurship;
family relations;
division of property**

termination of family relationships should lead to the termination of family entrepreneurship. Relevance of the topic of the study comes from the need for scientific development of such a new phenomenon for Russian entrepreneurship as family business. The subject of the study is the norms of civil and family law that allows to identify the consequences of termination of family relations for joint entrepreneurial activities of family members. The aim of the article is to determine the consequences of termination of family relations for joint entrepreneurial activity of family members. The article used such methods as analysis, synthesis, systematic approach, dogmatic-legal method. The use of methods of analysis and synthesis allowed to characterize the specifics of termination of family relations for joint entrepreneurial activities of family members. The use of the systematic approach led to a structured presentation of empirical material. Dogmatic-legal method is aimed at studying the legislation on entrepreneurial activity, family legislation. The author concludes that the consequence of the termination of family relationships can be the division of property between the participants of family business activities or transformation into new forms of such activities, including through the conclusion of an agreement to continue the business between its former participants. It is argued that the best option is to apply a contractual model of the organization of relations of family entrepreneurship, based on the freedom to conclude an agreement on the order and conditions of family entrepreneurship. The contractual model allows the parties at their discretion to solve the problems of transition of property, rights and obligations at any change in the composition of participants of family entrepreneurship or its termination, as well as to determine in advance the procedure and conditions of division of property used for such activities or acquired in the process of its implementation.

Осуществление семейной предпринимательской деятельности требует объединения усилий, активного взаимодействия членов семьи. Именно взаимодействие членов семьи создает предпосылки для синергетического эффекта, поддерживающего развитие семейных предприятий и позволяющего им проявлять высокую степень устойчивости к воздействию негативных внешних факторов.

Готовность участников предпринимательской деятельности поддержать друг друга, в том числе согласиться с временным снижением доходов или ростом интенсивности нагрузок в интересах сохранения и поддержания семейных активов, является следствием прежде всего особых отношений между ними. Семейные отношения способствуют также пониманию своей роли каждым из участников предпринимательской деятельности при решении производственных, управленческих и иных задач, позволяют обходиться без дополнительной формализации процессов управления и взаимодействия при выполнении отдельными членами семьи возложенных на них трудовых или иных функций.

Вместе с тем наличие семейных правоотношений, составляющих основу осуществления семейной предпринимательской деятельности, одновременно создает предпосылки для возникновения особо негативных последствий для семейного бизнеса в случае распада

семьи вследствие прекращения семейных отношений [7, с. 244–259; 2, с. 512–523]. Так, по мнению А. Н. Левушкина, «вне зависимости от масштабов организации семейного супружеского бизнеса основным фактором его успешного функционирования является опора на брак и семейные ценности, которые лежат в основе создания семьи. Если они будут утрачены, происходит разрушение семьи, расторжение брака, соответственно, возникает необходимость раздела семейного супружеского бизнеса, активов супругов, общей совместной собственности» [3, с. 27; 4, с. 77–92].

Проблемы преобразования, раздела или даже продажи семейного предприятия могут возникать по различным причинам, но наиболее острым образом они проявляют себя в случае прекращения семейных отношений, после которого ведение предпринимательской деятельности может также прекратиться, в том числе в результате конфликта между ее бывшими участниками [5, с. 456–470]. Но даже при отсутствии такого конфликта прекращение семейных правоотношений будет означать также прекращение семейной предпринимательской деятельности либо повлечет необходимость преобразования такой деятельности в иные формы.

При прекращении семейных правоотношений исчезнет фундаментальный признак рассматриваемой формы предпринимательской деятельности – нали-

чие семейных связей между ее участниками, следовательно, снизится уровень доверия между ними, что повлечет необходимость не только прекращения ведения совместной деятельности или ее преобразования, но и решения сложных проблем, связанных с выявлением, разделом и переходом активов, долей участия, необходимостью реструктуризации семейного бизнеса. Данные изменения затронут не только участников семейного бизнеса, но и взаимодействующих с ними третьих лиц.

Происходящее при распаде семьи преобразование отношений, связанных с ведением семейной предпринимательской деятельности, во многих случаях особенно осложняется тем, что такая деятельность часто осуществляется без необходимого юридического оформления отношений, основывается на неформальных договоренностях, которые каждая сторона склонна толковать по-своему и наличие или отсутствие которых часто невозможно подтвердить или опровергнуть, невозможно реализовать такие договоренности в судебном порядке [5, с. 456–470].

Семейный бизнес в целом в настоящее время в законодательстве России не признается отдельным объектом гражданских прав в отличие от предприятий как единых имущественных комплексов, признаваемых объектами гражданских прав в соответствии со ст. 132 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Отмечая, что семейный бизнес не является объектом гражданских прав, Верховный Суд РФ обосновал данный вывод тем, что «семейное предпринимательство» является деятельностью, а не имуществом и, следовательно, не подлежит разделу: «Сам бизнес самостоятельным объектом права, предусмотренным гражданским законодательством, не является, а представляет собой деятельность, ведение которой происходит в одной из организационно-правовых форм коммерческих организаций, а также индивидуальными предпринимателями» (определение от 26 марта 2019 г. № 81-КГ19-2).

Подобные выводы лишают «семейные предприятия» статуса самостоятельного объекта гражданских прав, а их участников возможности отстаивать свои права на такие объекты. Так, на основании приведенного выше вывода суд в рассматриваемом деле признал невозможным также выплату супруге компенсации за принадлежащую ей часть «семейного бизнеса».

А. Н. Левушкин отмечает, что одной из тенденций развития семейного законодательства явилось возникновение сложного соотношения между правовым регулированием семейных, предпринимательских и корпоративных отношений [3, с. 26]. Участники семейной предпринимательской деятельности связаны существующими между ними семейными и (или) родственными отношениями. Для супругов такие от-

ношения возникают вследствие заключения между ними брака [6, с. 488–502].

Осуществление супругами совместной предпринимательской деятельности, а также осуществление такой деятельности одним из супругов будет приводить к формированию используемого при осуществлении такой деятельности имущества, получению доходов, возникновению обязательств, в том числе долговых обязательств, взыскания по которым могут затрагивать совместное имущество супругов [7, с. 244–259]. Решение данных задач может быть в значительной степени затруднено отсутствием надлежащего оформления, поскольку при осуществлении семейной предпринимательской деятельности ее участники, как правило, не уделяют существенного внимания договорному оформлению отношений между собой, что является преимуществом в процессе осуществления такой деятельности, но в случае ее прекращения может приводить к длительным судебным разбирательствам.

Правоотношения участников семейной предпринимательской деятельности в настоящее время не урегулированы действующим законодательством. Применение общих подходов может приводить к нарушению законных интересов участников такой деятельности в случае прекращения семейных отношений. Так, непризнание имущества, используемого в предпринимательской деятельности, единым имущественным комплексом – предприятием приведет в случае судебного разбирательства к разрозненному применению отдельных законодательных подходов в отношении отдельных частей такого имущества, изъятие которых из общего комплекса при конфликте между бывшими супругами будет препятствовать продолжению предпринимательской деятельности, в том числе осуществляемой с участием других членов семьи или родственников. Трансформация такой деятельности в иные формы, например, путем перехода к использованию модели хозяйственного общества или заключению договора о совместной деятельности (простом товариществе), окажется невозможной, поскольку для этого требуется согласие всех ее участников.

Одной из тенденций развития законодательства является усложнение правового регулирования, обусловленное как усложнением отношений в современном обществе, так и стремлением обеспечить дополнительный уровень защиты интересов уязвимых категорий граждан. В результате происходит постепенное проникновение публично-правового регулирования в сферу традиционных частноправовых отношений, в том числе семейных правоотношений [8, с. 16]. Усложняется также порядок распоряжения отдельными видами имущества и имущественных прав, включая доли в хозяйственных обществах, права на

результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, имущество, находящееся в совместной собственности, и т.д.

В результате конфликты между участниками семейного бизнеса могут приводить к длительным судебным разбирательствам с не всегда предсказуемым итогом [9, с. 575–589]. Кроме того, в ряде случаев реализация прав бывших супругов может оказаться невозможной в связи с противоречиями между семейным и корпоративным законодательством [10, с. 123–131; 11, с. 317–325; 12, с. 169–173].

Так, Верховный Суд РФ подтвердил, что положения, регулирующие состав и отношения участников хозяйственного общества, будут преимущественным образом применяться по сравнению с регулированием, предусматриваемым семейным правом, вследствие чего при разводе и разделе совместно нажитого имущества бывший супруг не может претендовать на то, чтобы стать участником общества с ограниченной ответственностью, устав которого запрещает вхождение новых участников без одобрения остальных участников (определение от 6 апреля 2021 г. по делу № 305-ЭС20-22249, № А40-324092/2019) [13, с. 283–293]. При этом не учитывается, что формально такая доля могла рассматриваться в качестве совместного имущества супругов [14, с. 330–342] и что участие в хозяйственном обществе предоставляет гораздо больше возможностей для реализации своих прав, в том числе подразумевает участие в принятии основных решений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [14, с. 330–342].

При возникновении конфликтных ситуаций бывшие супруги могут использовать владение отдельным имуществом, использовавшимся ранее в предпринимательской деятельности, для оказания давления на другую сторону [15, с. 365–373] или причинения вреда другой стороне, в том числе вопреки интересам других участников семейного бизнеса [16, с. 502–516; 17, с. 92–103]. При этом не всегда возможно обеспечить достаточные доказательства фактов недобросовестного осуществления гражданских прав, злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ).

Устойчивая судебная практика по многим вопросам в сфере семейного предпринимательства до настоящего времени не сложилась, что приводит к длительным спорам и пересмотру фактически сложившихся обстоятельств, в том числе при признании правомерности владения теми или иными

видами имущества. Так, например, при рассмотрении в 2021 г. кассационной жалобы по делу о банкротстве должника на отказ в признании недействительным договора дарения, заключенного в 2015 г. в пользу сына должника, Верховный Суд РФ посчитал, что фактическими обстоятельствами не подтверждено наличие у должника признаков неплатежеспособности на дату совершения оспариваемой сделки (определение от 28 августа 2021 г. № 305-ЭС19-13606 по делу № А40-256387/2017). При рассмотрении в 2019 г. аналогичного по своей сути дела Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд признал недействительной сделку по продаже имущества, совершенную ответчицей в 2013 г. в период нахождения в браке с гражданином, подавшим в 2019 г. заявление о признании его несостоятельным. Отсутствие единых подходов и законодательно установленных критериев для принятия подобных решений приводит к нестабильности правоотношений и усложняет определение правовых последствий, связанных с ведением семейной предпринимательской деятельности.

В связи с тем, что семейное предпринимательство зависит от наличия особых доверительных отношений между участвующими в нем членами семьи и родственниками [18, с. 528–538], прекращение семейных отношений должно приводить к прекращению семейной предпринимательской деятельности. Следствием такого прекращения может быть раздел имущества между ее участниками [19, с. 469–477] или преобразование в новые формы ведения такой деятельности [20, с. 380–391], в том числе путем заключения договора о продолжении такой деятельности между ее бывшими участниками; данный подход применяется в законодательстве ряда стран [21, с. 151].

В связи с этим оптимальным вариантом решения проблем является применение договорной модели организации отношений семейного предпринимательства, основанной на свободе заключения соглашения о порядке и условиях ведения семейной предпринимательской деятельности. Договорная модель позволяет сторонам по своему усмотрению решать проблемы перехода имущества, прав и обязанностей при любом изменении состава участников семейной предпринимательской деятельности или ее прекращении, а также заранее определять порядок и условия раздела имущества, используемого для осуществления такой деятельности или приобретаемого в процессе ее осуществления.

Пристатейный библиографический список

1. *Ермушова Я. В., Чернова А. Н.* Правовые проблемы раздела бизнеса супругов при расторжении брака // Россия – 2035 : наука и практика в фокусе инновационного развития : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары : ЧКИ РУК, 2020.
2. *Летова Н. В.* Последствия изменения семейного статуса супругов для бизнеса // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020.
3. *Левушкин А. Н.* Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 4.
4. *Левушкин А. Н.* Бизнес супругов и особенности его раздела при расторжении брака // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2019.
5. *Измайлов В. В.* Судебная форма защиты бизнеса и прав супругов, расторгающих брак // Семейный бизнес & самозанятые : взгляд через призму малого предпринимательства : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2021.
6. *Наумов Я. В.* Брак как основа организации и осуществления семейного бизнеса супругов в России и за рубежом // Семейный бизнес & самозанятые : взгляд через призму малого предпринимательства : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2021.
7. *Абдуллаев К. А.* Реструктуризация долгов супруга при банкротстве : теория и практика применения // Семейный бизнес & качество правовой среды : монография. М. : Проспект, 2022.
8. *Левушкин А. Н.* Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств – участников СНГ : монография. М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2013.
9. *Шапсугова М. Д.* Судебная практика как источник правовой неопределенности в правовом регулировании предпринимательских обязательств супругов – индивидуальных предпринимателей // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020.
10. *Алборов С. В.* Раздел доли общества с ограниченной ответственностью при разводе супругов // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2019.
11. *Лескова Ю. Г.* Семейный бизнес : к вопросу о межотраслевых связях в предпринимательских и корпоративных отношениях с участием супругов // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020.
12. *Муратова С. А., Костюченко Е. Ю.* Столкновение семейных и корпоративных интересов при разделе между супругами доли в обществе с ограниченной ответственностью // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2019.
13. *Илюшина М. Н.* Особенности осуществления перехода прав супругов на долю в ООО : позиции законодательства и судебной практики // Семейный бизнес & качество правовой среды. М. : Проспект, 2022.
14. *Чашкова С. Ю.* Доля в уставном капитале ООО как общее имущество супругов : позиции судебной практики // Семейный бизнес & самозанятые : взгляд через призму малого предпринимательства : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2021.
15. *Громоздина М. В.* Правовые аспекты раздела имущества супругов в судебном процессе // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2019.
16. *Побережный С. Г.* Понятие и порядок раздела бизнеса супругов : актуальные проблемы теории и судебно-арбитражной практики // Семейный бизнес & самозанятые : взгляд через призму малого предпринимательства : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2021.
17. *Рузанова В. Д.* Правовые проблемы, возникающие при разделе имущества супругов, используемого для осуществления предпринимательской деятельности // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2019.
18. *Смышляева О. В.* Концепция применения нравственных начал как правового регулятора предпринимательской деятельности супругов // Семейный бизнес & самозанятые : взгляд через призму малого предпринимательства : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2021.
19. *Громоздина М. В.* Раздел семейного бизнеса и раздел общего имущества супругов : вопросы теории и практики // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020.

20. Трачук О. В. Проблемные аспекты защиты раздела бизнеса супругов различных организационно-правовых форм // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020.
21. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

References

1. Ermushova I. V., Chernova A. N. Legal Problems of the Division of Spouses' Business upon Divorce. In Russia – 2035: Science and Practice in the Focus of Innovative Development: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. Cheboksary: Cheboksary Cooperative Institute – A Branch of Russian University of Cooperation Publ., 2020.
2. Letova N. V. Consequences of Changing the Marital Status of Spouses for Business. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Family Business in the Legal Space of Russia: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020.
3. Levushkin A. N. Family Matrimonial Business and the Sale of Spouses' Business Under the Legislation of the Russian Federation. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018. No. 4.
4. Levushkin A. N. Spouses' Business and Features of its Division in Case of Divorce. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Legal Fate of Business in Case of Divorce and Inheritance: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019.
5. Izmailov V. V. Judicial Form of Protection of Business and the Rights of Spouses Who Dissolve Marriage. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Family Business & Self-Employed: A View Through the Prism of Small Business: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021.
6. Naumov I. V. Marriage as a Basis for Organizing and Implementing the Family Business of Spouses in Russia and Abroad. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Family Business & Self-Employed: A View Through the Prism of Small Business: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021.
7. Abdullaev K. A. Restructuring Spouse's Debts in Bankruptcy: Theory and Practice of Application. In Family Business & Quality of the Legal Environment: Monograph. Moscow: Prospekt, 2022.
8. Levushkin A. N. Theoretical Model of Building a System of Family Legislation of the CIS Member States: Monograph. Moscow: Unity-Dana; Zakon i pravo, 2013.
9. Shapsugova M. D. Judicial Practice as a Source of Legal Uncertainty in the Legal Regulation of Entrepreneurial Obligations of Spouses – Individual Entrepreneurs. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Family Business in the Legal Space of Russia: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020.
10. Alborov S. V. Division of the Share of a Limited Liability Company in Case of Divorce of Spouses. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Legal Fate of Business in Case of Divorce and Inheritance: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019.
11. Leskova I. G. Family Business: On the Issue of Inter-Industry Relations in Entrepreneurial and Corporate Relations with the Participation of Spouses. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Family Business in the Legal Space of Russia: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020.
12. Muratova S. A., Kostiuhenko E. I. Collision of Family and Corporate Interests in the Division of Shares Between Spouses in a Limited Liability Company. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Legal Fate of Business in Case of Divorce and Inheritance: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019.
13. Iliushina M. N. Features of the Transition of the Rights of Spouses to a Share in an LLC: Positions of Legislation and Judicial Practice. In Family Business & Quality of the Legal Environment: Monograph. Moscow: Prospekt, 2022.
14. Chashkova S. I. A Share in the Authorized Capital of an LLC as a Common Property of Spouses: Positions of Judicial Practice. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Family Business & Self-Employed: A View Through the Prism of Small Business: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021.
15. Gromozdina M. V. Legal Aspects of the Division of Property of Spouses in a Lawsuit. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Legal Fate of Business in Case of Divorce and Inheritance: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019.
16. Poberezhnyi S. G. The Concept and Procedure for Dividing the Business of Spouses: Actual Problems of Theory and Judicial Arbitration Practice. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Family Business & Self-Employed: A View Through the Prism of Small Business: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021.
17. Ruzanova V. D. Legal Problems Arising from the Division of Property of Spouses Used for Entrepreneurial Activities. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). Legal Fate of Business in Case of Divorce and Inheritance: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019.

18. *Smyshliaeva O. V.* The Concept of the Application of Moral Principles as a Legal Regulator of the Entrepreneurial Activity of Spouses. In *Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.)*. Family Business & Self-Employed: A View Through the Prism of Small Business: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021.
19. *Gromozdina M. V.* Division of Family Business and Division of the Common Property of Spouses: Questions of Theory and Practice. In *Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.)*. Family Business in the Legal Space of Russia: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020.
20. *Trachuk O. V.* Problematic Aspects of Protecting the Division of Business of Spouses of Various Organizational and Legal Forms. In *Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.)*. Family Business in the Legal Space of Russia: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020.
21. *Barkova L. A.* Family Business in the Mechanism of Legal Support for the Harmonization of Family Interests: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2015.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е. В. ФОМЕНКО
«УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОДКУПУ»**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-105-107>

В работе на основе исследования социального, экономического, этимологического и других аспектов подкупа, а также международного, зарубежного и отечественного законодательства проанализирован подкуп как криминально-криминогенный феномен, а также преступления, связанные с подкупом, и подкупные преступления. Высокая степень общественной опасности коррупции и подкупа в российском обществе и в мире обусловила необходимость исследования подкупных преступлений в диалектическом единстве. Такая потребность создала предпосылки для изучения в рамках рецензируемой работы Е. В. Фоменко общего понятия состава подкупного преступления, что имеет безусловное значение для законодательного определения конкретных составов подобных преступлений и их систематизации. Монография ориентирована на широкий круг читателей; по замыслу автора, она адресована преподавателям, аспирантам, студентам и иным заинтересованным лицам, изучающим право.

КАМЕНЕВА

Зоряна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Москва)

kameneva_z@mail.ru

**Подкуп;
подкупные преступления;
коррупция;
преступления, связанные
с подкупом**

Zoryana V. KAMENEVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil and Business Law,
All-Russian State University of Justice
(Moscow)

kameneva_z@mail.ru

**Bribery;
bribery crimes;
corruption;
crimes related to bribery**

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY E. V. FOMENKO
“CRIMINAL LEGAL MEANS OF COUNTERACTING
BRIBERY”**

Based on the study of social, economic, etymological and other aspects of bribery, as well as international, foreign and domestic legislation, the work analyzes bribery as a criminal and criminogenic phenomenon, as well as crimes related to bribery and bribery crimes. The high degree of public danger of corruption and bribery in Russian society and in the world necessitated the study of bribe crimes in dialectical unity. This need created the prerequisites for studying E. V. Fomenko of the general concept of corpus delicti of a bribe crime, which is of unconditional importance for the legislative definition of specific corpus delicti of such crimes and their systematization. The monograph is aimed at a wide range of readers; according to the author's intention, it is addressed to teachers, graduate students, students and other interested persons studying law.

Работа Елены Владимировны Фоменко – концептуальный научный труд по исследованию подкупа как правового и социального феномена. Данный труд, по мнению рецензента, представляет несомненный научный интерес для доктрины уголовного права, а также может быть полезным в деятельности законодателя и правоприменителей, которые испытывают острую потребность в исследовании вопросов квалификации и противодействия подкупным преступлениям и преступлениям, связанным с подкупом.

Работа посвящена памяти Льва Давидовича – видного российского ученого-правоведа, доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника МВД СССР, заслуженного деятеля науки РФ.

Исследуемые в работе подкупные преступления, особенно взяточничество и коммерческий подкуп, являются весьма распространенными, о чем в большей степени свидетельствуют не статистические сведения, а данные различных социологических опросов, что обусловлено высокой латентностью соответствующих

уголовно наказуемых деяний. Их фактическая распространённость сочетается с высокой общественной опасностью, давно не вызывающей сомнений как у правоохранительных органов, так и у населения, причем, несмотря на формальную конструкцию объективной стороны всех составов подкупных преступлений, социальные последствия последних, равно как и коррупции в целом, связаны с негативными изменениями практически во всех сферах жизни общества.

Монография Е. В. Фоменко отличается актуальностью и научной новизной. Они состоят в том, что автором проведено актуальное фундаментально научное исследование, которое позволило получить принципиально новое знание о подкупе как социально-правовом феномене и о подходах к противодействию ему уголовно-правовыми средствами. В качестве научной новизны работы особо следует отметить выделение подгруппы подкупных преступлений на основании авторской классификации группы преступлений, связанных с подкупом; обоснование критериев криминализации подкупных преступлений и определение понятия общего состава подкупного преступления; создание новой концепции определения видового и непосредственного объектов подкупных преступлений и другие принципиально новые научные выводы и предложения.

Новизна работы отражается также в систематизации научных дискуссий и научном обосновании определения подкупа как криминогенно-криминального

феномена, отграничении его от незаконного вознаграждения. Создание автором принципиально новой теоретической модели главы Уголовного кодекса РФ «Подкупные преступления» говорит о научной смелости изысканий автора и неординарности полученных результатов исследования. Новым и обоснованным представляется также утверждение Е. В. Фоменко о необходимости пересмотра доктринального определения предмета преступления в свете новых вызовов времени. Ценным приобретением доктрины уголовного права следует считать разработанный автором понятийно-категориальный аппарат, который может быть использован для нужд повышения эффективности законодательной и правоприменительной деятельности.

Автором в работе сформирована целостная научная концепция противодействия подкупу уголовно-правовыми средствами. Следует отметить, что Е. В. Фоменко на протяжении более 15 лет последовательно изучала и разрабатывала обозначенную в работе проблематику [1, с. 12–15; 2, с. 64–67; 3, с. 701; 4, с. 57–62; 5, с. 35–39; 6, с. 43–47; 7, с. 105–109] и является одним из признанных специалистов в этой области научных знаний.

У рецензента не вызывает сомнений, что монография Е. В. Фоменко «Уголовно-правовые средства противодействия подкупу» вызовет интерес среди представителей российского научного сообщества и юристов-практиков.

Пристатейный библиографический список

1. Фоменко Е. В. Проблемы, возникающие при освобождении от уголовной ответственности за подкуп должностного лица // Адвокатская практика. 2007. № 6.
2. Фоменко Е. В. Вопросы законодательного закрепления и квалификации посредничества во взяточничестве // Евразийская адвокатура. 2014. № 5 (12).
3. Фоменко Е. В., Станкевич А. М. Оказание влияния в форме подкупа : уголовная ответственность в спорте // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2.
4. Фоменко Е. В. Подкуп : криминологический портрет и отдельные основания криминализации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3.
5. Фоменко Е. В. К вопросу о семантике преступлений, связанных с подкупом, и их месте среди преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2018. № 6.
6. Фоменко Е. В. Соотношение понятий «подкуп» и «коррупция» : сравнительно-правовой анализ // Законы России : опыт, анализ, практика. 2019. № 8.
7. Фоменко Е. В. Подкуп как наиболее общественно опасное проявление коррупции // Закон и право. 2021. № 9.

References

1. Fomenko E. V. Problems Arising from the Release from Criminal Liability for Bribing an Official. *Advocate Practice*. 2007. No. 6.
2. Fomenko E. V. Issues of Legislative Consolidation and Qualification of Mediation in Bribery". *Eurasian Advocacy*. 2014. No. 5 (12).
3. Fomenko E. V., Stankevich A. M. Influencing in the Form of Bribery: Criminal Liability in Sports. *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 2-2.

4. *Fomenko E. V. Bribery: A Criminological Portrait and Separate Grounds for Criminalization. Bulletin of the Russian Legal Academy. 2017. No. 3.*
5. *Fomenko E. V. On the Semantics of Bribery Crimes and Their Place Among Corruption Crimes. Russian Investigator. 2018. No. 6.*
6. *Fomenko E. V. The Relationship Between the Concepts of "Bribery" and "Corruption": A Comparative Legal Analysis. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2019. No. 8.*
7. *Fomenko E. V. Bribing as the Most Socially Dangerous Manifestation of Corruption. Law. 2021. No. 9.*

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стилль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах.

Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянецовать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 3 / 2022

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 14.11.2022. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 13,75.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603